ЗѢЛИНСКІЙ

ИСТОРІЯ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

1

[illegible]

Ѳ. Зѣлинскій.

Заслуженный профессоръ Императорскаго Петроградск. Университета.

Исторія античной культуры.

Часть I.

(Курсъ VIII класса мужскихъ гимназій).

Цѣна 60 коп.

Составлено примѣнительно къ программамъ, утвержденнымъ Мин. Нар. Пр. 13 іюля 1913 г.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

1915

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Понятіе «культура» опредѣляютъ обыкновенно, какъ совокупность условій окружающаго насъ быта. Недостаточность этого опредѣленія, неизбѣжно порождающаго дальнѣйшій вопросъ «а что такое бытъ?», обезвреживается дѣленіемъ культуры на матеріальную, общественно-экономическую и духовную, причемъ подъ первую подводится то, что служитъ человѣку для удовлетворенія его физическихъ нуждъ (пища, одежда, жилище, утварь, оружіе), подъ вторую — всякаго рода группировки человѣческихъ особей, имѣющія цѣлью поддержаніе ихъ жизни и благосостоянія (семья, родъ, колѣно, сословія, профессіональныя организаціи, государство), а подъ третью — все, отвѣчающее идеальнымъ запросамъ человѣка, какъ мыслящаго и чувствующаго созданія (религія, нравственность, искусство, наука). Это дѣленіе удовлетворительно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность ввести въ установленныя имъ рамки всѣ культурныя явленія; оно, поэтому, вполнѣ пригодно для всѣхъ сочиненій преимущественно справочнаго характера. Неудовлетворительно оно не столько вслѣдствіе зыбкости границъ между установленными отдѣлами (таковая—неизбѣжный спутникъ всѣхъ подобнаго рода дѣленій), сколько вслѣдствіе своего чисто внѣшняго характера, обусловленнаго отсутствіемъ центральной, объединяющей идеи. Таковую намъ можетъ дать только та наука, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ вообще гуманитарныхъ наукъ, а именно—психологія, какъ это покажетъ дальнѣйшее.

§ 2. Относя понятіе «культура» и «бытъ» къ числу тѣхъ первичныхъ понятій, содержаніе которыхъ получается нами не столько аналитически — путемъ опредѣленія, сколько синтетически— путемъ безсознательнаго сложенія однородныхъ явленій, — мы

прежде всего должны обратить наше вниманіе на основную разницу между человѣческой культурой и той, которая наблюдается въ животномъ мірѣ. Разница эта состоитъ въ безконечной измѣняемости первой и принципіальной неизмѣняемости второй.

Европейское человѣчество испытало огромныя измѣненія своей культуры за тотъ періодъ своей исторіи, который отдѣляетъ античность отъ нашихъ временъ; за тотъ же періодъ семейный бытъ ласточекъ и общинный бытъ муравьевъ остался тѣмъ же, какимъ былъ раньше. Животный бытъ, если и измѣняется, то либо въ смыслѣ безсознательнаго приспособленія къ измѣнившимся внѣшнимъ условіямъ жизни, либо (въ кругу такъ называемыхъ домашнихъ животныхъ) подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ человѣка; принципіально же онъ неизмѣняемъ.

Отсюда слѣдуетъ, что исторія культуры возможна только для человѣка, но не для животнаго міра.

§ 3. Но, спрашивается, какія же силы вліяютъ на измѣненіе быта человѣка, обусловливая собою развитіе человѣческой культуры? Вопросъ этотъ понынѣ представляется спорнымъ, и при его рѣшеніи намѣчаются двѣ крайнія культурно-историческія теоріи.

Согласно одной изъ нихъ, измѣненія условій человѣческаго быта объясняются стремленіемъ человѣчества—и въ отдѣльныхъ его особяхъ и въ его соціально-политическихъ группахъ—къ увеличенію своего матеріальнаго благосостоянія, т.-е. силами экономическаго характера, вслѣдствіе чего самой теоріи присвоено названіе экономическаго матеріализма. Эта теорія, будучи примѣнена съ научной осмотрительностью и со знаніемъ дѣла, раскрыла много важныхъ сторонъ спеціально въ области матеріальной и общественно-экономической культуры (см. выше § 1); но въ своемъ стремленіи къ универсализму она потерпѣла неизбѣжное крушеніе въ области духовной культуры, явленія которой она пыталась либо подчинить своему главному экономическому принципу, либо низвести до уровня маловажныхъ и излишнихъ придатковъ экономической жизни.

Противоположная ей теорія признаетъ стремленіе человѣческой души къ совершенствованію вложенныхъ въ нее природою задатковъ, другими словами — ея стремленіе къ идеаламъ. Какіе это идеалы—другой вопросъ, о которомъ рѣчь впереди (§ 4);

сама же теорія носитъ имя идеологизма. Свои наибольшіе успѣхи она, понятно, одержала въ области духовной культуры; экономическій принципъ она не столько отрицаетъ, сколько стремится подчинить себѣ, сводя намѣченную имъ цѣль человѣческихъ стремленій къ одному изъ своихъ идеаловъ.

Борьба между обѣими этими теоріями продолжается и понынѣ, хотя и безъ прежнихъ увлеченій и, повидимому, въ широкой области культурно-историческихъ явленій она затянется надолго. Это никого не должно тревожить: не силенъ тотъ, кто боится борьбы.

Все же, въ настоящемъ изложеніи исторіи античной культуры поставлена во главу угла идеологическая теорія, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что опытъ доказалъ практическую исполнимость подчиненія экономическаго принципа идеологизму, но не наоборотъ; слѣдовательно, только исходя отъ идеологическаго принципа, мы можемъ получить единое и послѣдовательное изложеніе культурнаго развитія народа; во-вторыхъ, потому, что спеціально античная культура, именно, своими духовными достиженіями наиболѣе рѣшающимъ образомъ повліяла на культуру новыхъ временъ; слѣдовательно, только идеологическая теорія даетъ намъ возможность выдвинуть тѣ стороны античной культуры, которыя для насъ особенно драгоцѣнны.

§ 4. Признавъ идеологическій принципъ руководящимъ для нашего изложенія, мы этимъ самымъ поставили себя лицомъ къ лицу съ вопросомъ: каковы тѣ идеалы, стремленіе къ которымъ вложено природою въ нашу душу. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ намъ дать только та наука, которая имѣетъ своимъ предметомъ нашу душу, т.-е. психологія.

Въ основѣ психологической науки лежитъ дѣленіе первичныхъ душевныхъ явленій на три категоріи — представленія, чувства и волевые акты. И хотя опытъ, при сложности нашей психической организаціи, не даетъ намъ ни одного душевнаго явленія, которое, будучи первичнымъ, принадлежало бы всецѣло къ одной изъ этихъ трехъ категорій, тѣмъ не менѣе—мы имѣемъ право также и сложныя явленія, по преобладанію въ нихъ элементовъ той, другой или третьей категоріи, дѣлить на явленія (преимущественно) познавательнаго, чувствовательнаго или волевого порядка.

Въ чемъ же состоитъ въ каждой изъ этихъ трехъ категорій то стремленіе къ совершенствованію, которое мы признали вложеннымъ въ нашу душу?

Въ познавательной области это совершенствованіе сводится къ возможному приближенію нашего представленія о предметахъ, составляющихъ нашъ внѣшній и внутренній міръ въ его настоящемъ, прошломъ и будущемъ — къ самимъ предметамъ; идеалъ, витающій при этомъ передъ нами, есть идеалъ истины; совокупность же познавательныхъ достиженій, въ которыхъ проявляется притягательная сила этого идеала, называется наукой.

Въ чувствовательной области оно сводится къ возможному очищенію и углубленію нашихъ чувствъ посредствомъ такихъ воспріятій, которыя, увеличивая нашу жизнеспособность, усиливали бы въ то же время и цѣнность для насъ переживаемой нами жизни. Идеалъ, къ которому мы при этомъ стремимся, есть идеалъ красоты; совокупность же воплощеній этого идеала въ созданіяхъ нашего духа именуется искусствомъ.

Наконецъ, въ волевой области оно сводится къ такому направленію нашего поведенія, при которомъ достигается возможно большее благосостояніе—не наше собственное (это — ступень чистаго эгоизма, самая грубая, не столько первобытная, сколько выродженская), а сначала нашихъ близкихъ по родовой, соціальной и національной группировкамъ (это — ступень относительнаго альтруизма, она же и коллективнаго эгоизма), а затѣмъ и всего человѣчества (ступень чистаго альтруизма, самая совершенная). Идеалъ, опредѣляющій таковое наше поведеніе, есть идеалъ добра; совокупность же созданныхъ нами для посильнаго воплощенія этого идеала бытовыхъ формъ и условій составляетъ широкую область нравовъ въ самомъ общемъ значеніи этого слова.

Нетрудно убѣдиться, что, при такомъ опредѣленіи понятія «нравы», въ него укладывается и весь общественно-экономическій бытъ, такъ какъ всѣ его формы и условія созданы людьми для обезпеченія возможно большаго благосостоянія себѣ и своимъ (причемъ отъ болѣе широкаго или узкаго толкованія этого послѣдняго понятія зависитъ и большая или меньшая нравственная цѣнность означенныхъ формъ и условій). Такимъ образомъ, мы получаемъ возможность, подчиняя экономическій принципъ

идеологическому, вывести всю систему культуры—а, стало-быть, и ея исторію—изъ одной основной идеи.

§ 5. Предметомъ науки является весь внѣшній и внутренній міръ. Этимъ опредѣленіемъ установлено заодно дѣленіе наукъ на двѣ обширныя категоріи — на науки о внѣшнемъ и науки о (нашемъ) внутреннемъ мірѣ. Первая занимается явленіями, происходящими въ сферѣ пространства; вторая—явленіями, происходящими въ сферѣ (нашего человѣческаго) сознанія. Первыя мы называемъ естественными, вторыя — гуманитарными науками.

Примѣчаніе. Разница между ними, все-таки, скорѣе принципіальная. Съ одной стороны, явленія нашего сознанія обусловлены, до нѣкоторой степени функціями нашего физическаго организма; съ другой стороны, они являются рычагами, приводящими въ движеніе силы, дѣйствующія въ пространствѣ. Такъ, напр., передвиженія народовъ, войны и т. д. несомнѣнно разыгрываются въ пространствѣ; тѣмъ не менѣе, мы причисляемъ трактующую о нихъ «политическую исторію» къ гуманитарнымъ наукамъ, такъ какъ рычаги этихъ явленій находятся въ нашемъ человѣческомъ сознаніи. Вообще, не отвлеченность отъ пространства, а наличность сознанія (а слѣдовательно, воли и цѣли) отличаетъ гуманитарныя науки отъ естественныхъ.

1. Естественныя науки распадаются, прежде всего, на феноменологическія (описательныя) и номологическія. Первыя заносятъ на свои скрижали описанія наблюдаемыхъ явленій внѣшняго міра какъ, въ его цѣломъ (космографія, метеорологія, географія, геологія), такъ и въ составляющихъ его элементахъ (минералогія, ботаника, зоологія, антропологія, при чемъ послѣдняя обнимаетъ собою анатомію съ физіологіей, на которыхъ основывается, какъ прикладная наука, медицина). Номологическія науки изслѣдуютъ законы явленій; главныя изъ нихъ—механика (которая въ примѣненіи къ космографіи даетъ астрономію), физика и химія. Впрочемъ, развитіе феноменологическихъ наукъ ведетъ къ возможно большему проникновенію ихъ номологическимъ элементомъ, такъ что и эта граница представляется довольно зыбкой.

Преддверіемъ къ естественнымъ наукамъ слѣдуетъ признать науки математическія, которыя всѣ развиваются изъ двухъ первичныхъ, науки о числѣ и науки о пространственной мѣрѣ,— т.-е. ариѳметики и геометріи.

2. Такимъ же преддверіемъ къ **гуманитарнымъ** наукамъ является наука о человѣческомъ сознаніи вообще, т.-е. **психологія**. Сами же онѣ, будучи посвящены изученію твореній человѣческаго духа, поневолѣ изучаютъ ихъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи; онѣ всѣ поэтому науки историческія,—точнѣе говоря: науки историко-филологическія, такъ какъ всякая исторія изучается по памятникамъ, а науку о памятникахъ мы называемъ филологіей. Систематика этихъ историко-филологическихъ наукъ опредѣляется систематикой ихъ общаго основанія—психологіей. Мы различаемъ, прежде всего, психологію индивидуальную и психологію коллективную (или народную). Послѣдняя имѣетъ три предмета: языкъ, вѣрованія и нравы; въ соотвѣтствіи съ этимъ мы различаемъ три крупныхъ историческихъ науки о твореніяхъ коллективной человѣческой души: а) науку объ исторіи языка (лингвистику, возникшую изъ грамматики), б) науку объ исторіи религіи и в) науку объ исторіи нравовъ. А при широкомъ значеніи, которое мы присвоили этому послѣднему понятію (ниже § 7), въ эту исторію входятъ также—и исторія права, и экономическая, и политическая исторія.—Переходя затѣмъ къ индивидуальной душѣ, мы замѣчаемъ двѣ главныхъ области, въ которыхъ она дѣйствуетъ наиболѣе самобытно и въ наименьшей зависимости отъ окружающей среды; это—область науки и область искусства. Исторія наукъ и исторія искусствъ поэтому завершаютъ собою циклъ гуманитарныхъ наукъ.

Примѣчаніе. Правило объ историческомъ характерѣ всѣхъ гуманитарныхъ наукъ допускаетъ только одно дѣйствительное исключеніе; о немъ см. тотчасъ. Кажущихся исключеній много—грамматика, система права и т. д.; но они именно только кажущіяся: грамматика растворяется въ исторіи языка, система права—въ исторіи права и т. д. Затѣмъ, надлежитъ помнить, что границы между обѣими категоріями гуманитарныхъ наукъ опять-таки являются зыбкими: индивидуальная душа имѣетъ подчасъ значительное вліяніе на предметы наукъ первой категоріи (знаменитый споръ о «роли личности въ исторіи») и, въ свою очередь, находится въ извѣстной зависимости отъ среды въ предметахъ наукъ второй категоріи (особенно въ искусствѣ—ср. теорію Тэна). Здѣсь можетъ быть рѣчь, поэтому, только о преобладаніи, а не объ исключительности.

Особнякомъ стоитъ **философія**. Изъ тѣхъ наукъ, которыя теперь входятъ въ ея составъ (въ древности ихъ было больше, см. ниже), мы уже выдѣлили психологію. Логика, какъ наука о

законахъ мышленія (а равно и ея продолженіе—гносеологія, или теорія познанія), должна быть объявлена преддверіемъ уже не однихъ только гуманитарныхъ наукъ, а всѣхъ вообще до ихъ раздѣленія; тамъ, гдѣ онѣ снова соединяются—мѣсто для метафизики, конечной цѣли и завершенія всѣхъ наукъ. Каждая изъ нихъ соприкасается съ ней посредствомъ своего вѣнца—науки о (своихъ) принципахъ. Есть науки о принципахъ математики, принципахъ лингвистики, принципахъ исторіи и т. д. Поскольку эти науки относятся къ разряду гуманитарныхъ, онѣ безвременны, образуя такимъ образомъ единственное исключеніе изъ только-что упомянутаго правила объ историческомъ характерѣ гуманитарныхъ наукъ.

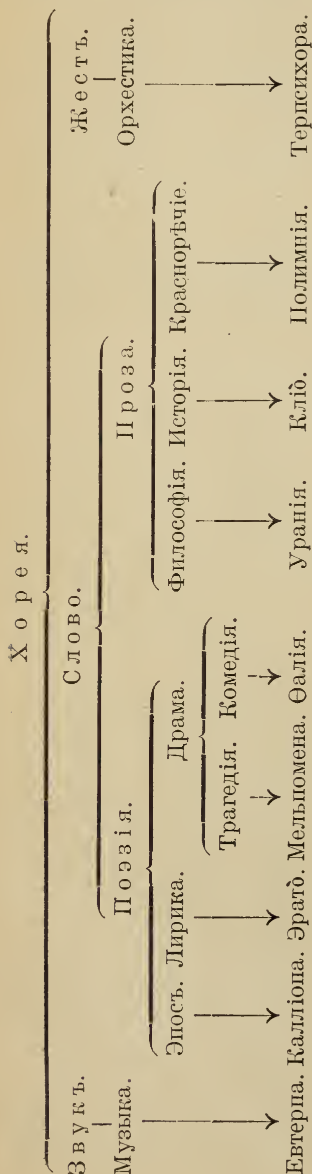
§ 6. Искусства мы раздѣляемъ, прежде всего, на изобразительныя и мусическія; первыя существуютъ въ пространствѣ, вторыя во времени.

1. Въ составъ изобразительныхъ искусствъ (или художествъ) входятъ: архитектура (зодчество), скульптура (ваяніе) и живопись. Всѣ три граничатъ съ извѣстными ремеслами (плотника, каменщика, гончара, кузнеца, ткача и т. д.), которыя мы относимъ къ области нравовъ; четкой границы между ними нѣтъ, данный же предметъ мы относимъ къ той или другой категоріи вполнѣ послѣдовательно, смотря потому, преобладали ли при его изготовленіи расчеты (художественной) красоты или же (практической) пользы, какъ одного изъ проявленій идеи добра.

2. Мусическія искусства на своей первобытной ступени составляютъ одно цѣлое, такъ наз. хорею, т.-е. соединеніе слова (пѣсни), звука (напѣва) и жеста (пляски) подъ общимъ управленіемъ ритма. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи они распались на эти три составныхъ части, изъ коихъ первая дала поэзію, какъ искусство слова, вторая—музыку, какъ искусство звука, и третья—орхестику (включая мимику), какъ искусство жеста. Къ поэзіи со временемъ присосѣдилась проза, которая первоначально, какъ орудіе науки, не принадлежала вовсе къ области искусствъ; она вошла въ нее, ставъ художественной. Граница между поэзіей и прозой, нынѣ неопредѣленная, была вдревности довольно четкой, такъ какъ поэзія, въ силу своего рожденія изъ хореи, навсегда осталась связанной со своимъ ритмомъ, т.-е. съ размѣромъ. Правда, въ поздніе періоды античной

культуры и проза стала ритмической; тогда она убила поэзію и завладѣла ея наслѣдствомъ. Изъ этой позднѣйшей ритмической прозы возникла средневѣковая (и наша) поэзія.

Примѣчаніе. Мусическими называются эти искусства потому, что ихъ покровительницами считались девять музъ. Ихъ пріуроченіе къ искусствамъ, а заодно и дѣленіе послѣднихъ выяснитъ слѣдующая таблица:

Эта схема относится къ той эпохѣ, когда послѣдняя отрасль прозы (краснорѣчіе) стала художественной, т.-е. къ IV в. Первоначально муза (или музы) была покровительницей всей области хореи. Гомеръ безразлично употребляетъ единственное или множественное число; Гесіодъ опредѣляетъ число музъ девятью и называетъ ихъ имена, но разницы между ними и онъ не дѣлаетъ.

§ 7. Широкая область **нравовъ** показываетъ намъ человѣка въ общеніи съ его ближними, такъ какъ только въ этомъ общеніи и можетъ быть осуществленъ идеалъ добра. Число комбинацій здѣсь безконечно; мы можемъ намѣтить лишь главныя изъ нихъ.

1. **Семья.** Она разсматривается нами двояко: и какъ біологическая и какъ экономическая единица; другими словами, мы различаемъ **семейный бытъ** (отношенія между супругами, между родителями и дѣтьми, между господами и челядью; рожденіе, воспитаніе, свадьба и похороны) и **семейное хозяйство**, которое было вдревности много сложнѣе, чѣмъ теперь. Поскольку семья и для своей жизни и для своего хозяйства нуждается въ извѣстныхъ издѣліяхъ, начиная глинянымъ горшкомъ и кончая домомъ, въ указанный отдѣлъ входитъ вся вышеназванная (§ 1), такъ наз., **матеріальная культура**. Къ семьѣ же мы причисляемъ и посредствующія между

семьей и государствомъ группы, поскольку онѣ основаны на общности крови: родъ, фратрію, колѣно (филу).

2. Корпораціи, сплетающія между собой однородныя особи различныхъ семей, объединяя ихъ культовыми, профессіональными или другими интересами.

3. Государство. И оно, подобно семьѣ, разсматривается съ двухъ сторонъ: и какъ носитель государственной жизни, или политики въ тѣсномъ смыслѣ (характеръ государственной власти, отношеніе управляющихъ къ управляемымъ, проявленіе народной воли и т. д.), и какъ арена государственнаго хозяйства, или политической экономіи (производство сырья, промышленность, торговля). Но оно разсматривается также и съ третьей стороны — какъ индивидуальный организмъ, имѣющій свою индивидуальную исторію, политическую исторію, какъ ее принято называть (между тѣмъ какъ индивидуально-семейная исторія, т.-е. исторія какой-нибудь одной семьи, не интересуетъ науку). Эта политическая исторія дѣлится на внутреннюю и внѣшнюю и состоитъ въ обоихъ отдѣлахъ изъ насильственныхъ кризисовъ и умиротворительныхъ актовъ. Во внѣшней исторіи кризисы называются войнами, умиротворительные акты — договорами; во внутренней: кризисы — революціями, умиротворительные акты — законодательствами. Въ обѣихъ областяхъ задача государственной мудрости состоитъ въ томъ, чтобы умиротворительнымъ актомъ предупредить кризисъ. Вдревности это въ области внутренней политики удавалось часто, въ области внѣшней — рѣже; отсюда значеніе войны и науки о ней, такъ наз. «военныхъ древностей» — съ одной стороны, и законодательства и права — съ другой.

Но во всѣхъ названныхъ областяхъ одинаково сказывается одинъ общій элементъ, нормирующій поведеніе человѣка — и какъ члена семьи, и какъ участника въ корпораціяхъ, и какъ гражданина; это — его нравственное сознаніе. Оно не тожественно съ существующими правовыми нормами, которыя оно, однако, изъ себя породило: право говоритъ «такъ не поступай, не то — судъ и кара»; нравственность, кромѣ того — «такъ поступай въ видахъ внутренняго оправданія, Божьей милости и общественной симпатіи». Античная нравственность была преимущественно положительной: въ этомъ ея великая заслуга.

§ 8. Въ указанныхъ трехъ областяхъ своей культуры—наукѣ, искусствѣ и нравахъ—человѣкъ стремится осуществить три чаемыхъ имъ идеала—истины, красоты и добра. И если мы, наблюдая развитіе данной культурной эпохи, находимъ, что за истекшій періодъ времени она приблизилась къ ихъ осуществленію, то мы отмѣчаемъ этотъ періодъ времени, какъ періодъ культурнаго прогресса; если же нѣтъ, то—какъ періодъ застоя или регресса.

Изъ даннаго опредѣленія видно, что этими обозначеніями нужно пользоваться чрезвычайно осторожно.

Во-первыхъ, такъ какъ означенныхъ идеаловъ не одинъ, а три, то слѣдуетъ признать принципіально вполнѣ возможнымъ, что одинъ и тотъ же періодъ, будучи періодомъ прогресса—напр. въ области науки, окажется періодомъ застоя или регресса въ обоихъ другихъ, и т. д.

Во-вторыхъ, изъ названныхъ трехъ идеаловъ только одинъ оказывается достаточно безспорнымъ, а именно — идеалъ истины, поскольку онъ воплощается въ наукѣ. Вотъ почему только періоды научнаго прогресса, застоя и регресса въ исторіи человѣчества вырисовываются передъ нами съ достаточной четкостью. Оба остальныхъ подвержены спорамъ, а съ ними—и оцѣнка данныхъ періодовъ въ развитіи искусствъ и нравовъ. Приверженецъ жизненной красоты усмотритъ въ переходѣ отъ античнаго искусства къ средневѣковому регрессъ; напротивъ, поклонникъ аскетической красоты тотъ же переходъ признаетъ прогрессомъ. Такой же споръ возникаетъ и въ области нравовъ при сравненіи періодовъ старинной простоты съ осложненностью и утонченностью, такъ наз., періодовъ расцвѣта.

Въ-третьихъ, спорной представляется и сравнительная оцѣнка нашихъ трехъ идеаловъ. Если, скажемъ, прогрессъ въ области наукъ и искусствъ окупается регрессомъ въ области нравовъ—слѣдуетъ ли въ этомъ признать выигрышъ или утрату (ср. теорію Руссо)? А если припомнить, что даже одинъ и тотъ же идеалъ можетъ неравномѣрно осуществляться въ различныхъ отдѣлахъ своей области (красота музыки, напр., въ ущербъ красотѣ живописи, семейный бытъ въ ущербъ государственному), то вопросы сравнительной оцѣнки станутъ еще сложнѣе и неудоборазрѣшимѣе.

Отдать себѣ отчетъ въ томъ, что мы разумѣемъ подъ идеалами, какова ихъ сравнительная цѣнность для человѣчества и

въ чемъ, слѣдовательно, заключается прогрессъ и регрессъ—все это составляетъ задачу, обязательную для каждаго мыслящаго человѣка, которую мы называемъ выработкой міросозерцанія. Но не только это.

§ 9. До сихъ поръ не было рѣчи о религіи. Это произошло не потому, чтобы она не соотвѣтствовала ни одному изъ названныхъ идеаловъ, а, наоборотъ, потому, что она соотвѣтствуетъ всѣмъ тремъ, объединяя ихъ въ себѣ. Религія одновременно наполняетъ собою наши представленія, волнуетъ наши чувства, направляетъ нашу волю; ея предметъ—божество, а въ божествѣ совмѣщаются понятія высшей истины, высшей красоты и высшаго добра.

Въ частности каждая религія высшаго порядка состоитъ изъ трехъ частей—догматической, повѣствовательной и обрядовой.

1. Догматическая часть, какъ ученіе о божествѣ и духовномъ мірѣ, примыкаетъ къ области наукъ, покрывая въ значительной степени тотъ ихъ вѣнецъ, который мы выше (§ 6) назвали метафизикой. Это, такимъ образомъ, религіозная философія.

2. Повѣствовательная часть (въ античной религіи мы называемъ ее миѳологіей) также точно примыкаетъ къ искусствамъ, вдохновляя поэтовъ и художниковъ, призывая къ жизни религіозную поэзію, скульптуру и живопись. Эта сторона особенно характерна для античной культуры: откровеніе божества въ красотѣ—спеціально античное воззрѣніе.

3. Обрядовая часть, наконецъ, составляетъ значительный факторъ какъ въ семейномъ и корпораціонномъ, такъ и въ государственномъ быту, врѣзываясь, такимъ образомъ, въ область нравовъ. Сверхъ того, обрядность античной религіи приняла въ себя всѣ искусства (включая орхестику), соприкасаясь также и съ этой областью культуры.

Такимъ образомъ, религія своими тремя составными частями граничитъ со всѣми тремя областями свѣтской культуры. А гдѣ имѣются общія границы, тамъ неизбѣжны и переходы ихъ съ обѣихъ сторонъ. Направленіемъ этихъ переходовъ обусловливается развитіе отношеній между религіей и свѣтской культурой.

Если мы въ данномъ періодѣ наблюдаемъ поступательное распространеніе религіи по всѣмъ областямъ свѣтской культуры, то онъ представляется намъ періодомъ ея сакрализаціи.

Если, наоборотъ, замѣчается стремленіе—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе—вытѣснить религію изъ области науки, искусствъ и нравовъ и ограничить ее неотъемлемой ея областью спеціально религіознаго чувства, то мы говоримъ о секуляризаціи (обмірщеніи) культуры

Слѣдуетъ помнить, что исторія культуры человѣчества отнюдь не можетъ быть сведена къ постепенной ея секуляризаціи, какъ это думали французскіе философы XVIII в.; такъ, изъ разбираемыхъ здѣсь періодовъ исторіи античной культуры первый (ахейскій) представляетъ намъ ее въ сравнительно свѣтскомъ состояніи, за которымъ слѣдуетъ (эллинскій) періодъ быстрой сакрализаціи, смѣняющійся (аттическимъ) періодомъ медленной секуляризаціи, продолжающимся въ эллинистическую и римско-республиканскую эпоху, послѣ чего слѣдуетъ (въ эпоху имперіи) новая рѣшительная сакрализація, завершающаяся въ средніе вѣка. Въ этихъ смѣняющихъ другъ друга періодахъ сакрализаціи и секуляризаціи заключается внѣшняя исторія религіозной культуры.

Ея внутренняя исторія сводится къ постепенному очищенію и углубленію самого религіознаго чувства и можетъ быть выражена въ формулѣ: «отъ божковъ къ богамъ, отъ боговъ къ богу, отъ бога къ божеству». Всего полнѣе совершается эта эволюція въ сознаніи личностей, между тѣмъ какъ для народа характерно совмѣстное существованіе всѣхъ этихъ ступеней.

Внѣ этой эволюціи стоитъ атеизмъ, встрѣчающійся одинаково на всѣхъ ступеняхъ. Слѣдуетъ различать атеизмъ кажущійся и атеизмъ дѣйствительный. Первый сводится: либо 1) къ отрицанію данной ступени религіозной эволюціи, часто по той причинѣ, что умъ отрицающаго чаетъ наличность болѣе высокой; такъ, первые христіане казались атеистами окружающимъ ихъ языческимъ массамъ (атеизмъ относительный); либо 2) къ такому состоянію ума, при которомъ религіозный идеалъ только оттѣсняется на задній планъ другими, болѣе волнующими насъ въ данный моментъ нашего развитія (атеизмъ біологическій).—Напротивъ, дѣйствительный атеизмъ сводится къ атрофіи религіознаго чувства, какъ (органическая) слѣпота—къ атрофіи зрительныхъ нервовъ и т. д. Отнюдь не должно думать будто атеизмъ (дѣйствительный) можетъ быть результатомъ научнаго развитія: религіозный идеалъ, подобно тремъ первымъ, принадлежитъ къ первичнымъ элементамъ объективнаго міра и, по-

добно имъ, въ одинаковой степени и недоказуемъ наукой, и неопровержимъ.

Отъ атеизма (непризнаванія божества) слѣдуетъ отличать антитеизмъ, т.-е. враждебное отношеніе къ признаваемому божеству подъ вліяніемъ жизненныхъ неудачъ, разочарованій и т. д. Подобно атеизму, и онъ встрѣчается только у отдѣльныхъ личностей, а не въ народныхъ массахъ.

Значеніе религіи какъ фактора культурной жизни античныхъ народовъ доказуемо наукой — оно и будетъ представлено въ настоящемъ очеркѣ. Напротивъ, оцѣнка религіознаго идеала — дѣло совѣсти каждаго; она, равнымъ образомъ, относится къ той обязательной для всякаго мыслящаго человѣка выработкѣ міросозерцанія, о которой рѣчь была выше (§ 8).

§ 10. Предыдущія страницы были посвящены опредѣленію содержанія понятія «культуры» вообще; теперь надлежитъ опредѣлить рамку—этнологическую и хронологическую—спеціально античной культуры.

Подъ «античными народами», принято разумѣть только два — грековъ и римлянъ. Ограниченіе это не случайно: такъ какъ интересъ, внушаемый античнымъ міромъ, обусловливался сознаніемъ, что онъ былъ родоначальникомъ нашей культуры, то естественно было его сосредоточить на тѣхъ двухъ народахъ, изъ которыхъ одинъ былъ творцомъ этой культуры, другой — посредникомъ между ней и нами, выдѣляя ихъ этимъ изъ числа другихъ народовъ древности, интересъ къ судьбамъ которыхъ представляется скорѣе интересомъ простой любознательности.

Называя греческій народъ творцомъ нашей культуры, мы не думаемъ оспаривать его собственной культурной зависимости отъ другихъ, болѣе древнихъ въ культурномъ отношеніи народовъ, которые мы объединяемъ подъ общимъ именемъ «классическаго Востока». Все же, 1) эта зависимость была лишь частичной: какъ будетъ показано въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ, она вовсе не касалась такихъ важныхъ въ умственномъ отношеніи областей, какъ литература, философія и почти вся область нравовъ, и только отчасти затронула остальныя; 2) ея воздѣйствіе проявилось (если не считать религіи), гл. обр., въ эпоху младенчества греческой культуры, и 3) пути этого воздѣйствія, въ большинствѣ случаевъ, могутъ быть опредѣлены лишь болѣе или менѣе гадательно.

Особое мѣсто принадлежитъ христіанству. Какъ религія, зародившаяся въ предѣлахъ римской имперіи въ эпоху ея наибольшаго расцвѣта и покорившая весь античный міръ, оно несомнѣнно входитъ въ область античной культуры. Тѣмъ не менѣе, мы, по причинамъ спеціальнаго характера, оставляемъ его, какъ религію, за рубежомъ нашего очерка, касаясь его только какъ культурной силы.

Когда исторія античнаго міра излагается съ политической точки зрѣнія—центръ интереса послѣ Александра Великаго (323 г. до Р. Х.) переносится изъ Греціи въ Римъ, гдѣ онъ и остается до конца. Здѣсь не то: такъ какъ культурой античнаго міра была именно греческая культура, то мы отъ начала до конца можемъ слѣдовать начерченной для нея магистрали. Вотъ почему исторія античной культуры гораздо болѣе едина, чѣмъ политическая исторія античнаго міра.

Начинается она въ очень древнія времена на побережьяхъ и островахъ Эгейскаго моря при участіи многихъ племенъ, изъ которыхъ лишь къ концу доисторической эпохи выдѣляется одно—ахейское. Но такъ какъ мы только объ эпохѣ преобладанія этого племени знаемъ изъ говорящаго памятника—Гомера, то мы и весь доисторическій періодъ по его имени называемъ «ахейскимъ».

Этому преобладанію положило конецъ вторженіе въ ахейскую Грецію сѣверныхъ племенъ, главнымъ образомъ, дорійцевъ; воцарился новый хаосъ, изъ котораго выдѣляется рядъ племенъ, одинаково участвовавшихъ въ культурной работѣ. Къ концу періода политическое преобладаніе принадлежитъ Спартѣ, но въ культурномъ отношеніи съ ней успѣшно состязаются и другія племена, входящія въ составъ эллинскаго народа, именемъ котораго мы и называемъ весь періодъ.

Освободительная война съ персами (500—478) выдвигаетъ на первый планъ аттическое племя, завладѣвающее, кромѣ политическаго, также и культурнымъ руководительствомъ, которое остается за нимъ и послѣ потери политическаго, и только побѣдами Александра Великаго переносится въ другіе центры. Мы вправѣ поэтому весь періодъ отъ персидскихъ войнъ до смерти Александра—періодъ расцвѣта—назвать аттическимъ.

Побѣды Александра раздвинули рамки греческаго міра на востокѣ и юго-востокѣ; столѣтіемъ позже и Римъ коснулся своими владѣніями этого греческаго міра, что повело и къ его подчи-

ценію греческой культурѣ. Отнынѣ уже вся «вселенная» дѣлается ея поприщемъ, сначала въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ государствъ, а затѣмъ и объединенная, политически — подъ эгидой Рима и религіозно—подъ знаменемъ креста. Весь этотъ періодъ поэтому—отъ смерти Александра до конца античнаго міра—носитъ у насъ названіе вселенскаго. Распадается онъ на слѣдующія части:

А. До политическаго объединенія (323—30 до Р. Х.):

1) Эллинистическій періодъ на востокѣ
2) Римско-республиканскій періодъ на западѣ } параллельно.

Б. Послѣ объединенія (30 до Р. Х.—529 по Р. Х.):

1) Періодъ языческой имперіи (30 до Р. Х.—313 по Р. Х.).
2) Періодъ христіанской имперіи (313—529 по Р. Х.).

Предѣломъ поставленъ 529 г.—годъ закрытія императоромъ Юстиніаномъ аѳинскаго университета, послѣдняго оплота античной культуры

Примѣчаніе. Слово «вселенная» употреблено здѣсь въ его первоначальномъ значеніи—«населенная» (земля), пер. съ греческаго oikumenê отъ oikein «населять» (съ привкусомъ культурной жизни спеціально въ духѣ греко-римской культуры). Отсюда, напр., «вселенскій соборъ»—concilium oecumenicum. Нынѣ это слово, вслѣдствіе этимологическаго недоразумѣнія вызваннаго созвучіемъ съ прил. «весь», часто употребляется въ смыслѣ «мірозданія».

Все же, эти періоды съ ихъ подраздѣленіями будутъ изложены въ настоящемъ курсѣ довольно неравномѣрно. Причина этой неравномѣрности двойная:

1) Мы сами очень неравномѣрно освѣдомлены о культурной жизни античнаго міра за различные періоды его исторіи. Всякое историческое знаніе зависитъ отъ обилія и достовѣрности сохранившихся памятниковъ; и вотъ эти-то памятники—и по количеству и по качеству—очень неравномѣрно распредѣлены между означенными періодами.

Раздѣляются они на двѣ категоріи—на 1) словесные и 2) вещественные. Къ первой категоріи принадлежатъ сохранившіеся въ позднѣйшихъ копіяхъ литературные тексты и въ подлинникѣ (хотя и въ болѣе или менѣе поврежденномъ видѣ)—надписи; ко второй—всякаго рода издѣлія и творенія человѣческой руки, отъ глинянаго черепка до мраморной статуи и мраморнаго храма. Вещественные памятники сохранены за гораздо болѣе раннее время, чѣмъ словесные — уже начиная съ 3 тысячелѣтія; но

одни, безъ параллельной литературной традиціи, они даютъ очень мало для духовной культуры.

2) Неравномѣрна и цѣнность различныхъ сторонъ культурной жизни различныхъ періодовъ—даже съ чисто объективной точки зрѣнія и независимо отъ того обязательнаго простора личной оцѣнки, о которомъ рѣчь была выше (§ 8). Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что подражательное культурное явленіе обладаетъ меньшею цѣнностью, чѣмъ самобытное. Вотъ почему греческая литература въ эпоху имперіи, хотя отъ нея уцѣлѣло больше памятниковъ, будетъ изложена нами менѣе обстоятельно, чѣмъ литература аттическаго періода.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ахейскій періодъ.

(Отъ древнѣйшихъ временъ до прибл. 1000 г. до Р. Х.).

ГЛАВА ВВОДНАЯ.

Внѣшній обликъ греческой земли.

§ 1. Страна, ставшая центральной ареной греческой культуры, состоитъ изъ 1—3) собственной Греціи съ прилегающими островами Іонійскаго моря, раздѣляющейся на сѣверную, среднюю и южную (или Пелопоннесъ), 4) острововъ Эгейскаго моря и 5) сѣвернаго (ѳракійскаго) и восточнаго (малоазіатскаго) побережій этого моря, которыя, впрочемъ, лишь къ концу нашего періода были заселены греками.

1) Пелопоннесъ (по античной традиціи, въ сущности вѣрной, Pelopos nêsos, т.-е. островъ Пелопа, миѳическаго родоначальника династіи Пелопидовъ въ Микенахъ) состоитъ изъ центральнаго плоскогорія и его очень неравныхъ по величинѣ склоновъ къ окружающимъ морямъ. Плоскогорье называлось Аркадіей — страна суровая, поросшая дубовыми лѣсами, дававшими пріютъ медвѣдямъ, отъ которыхъ она и получила свое названіе (arkos - arktos — «медвѣдь»). Преобладалъ пастушескій бытъ; горныя котловины мѣшали политическому объединенію, и только въ юго-восточномъ, сравнительно ровномъ углу возникли болѣе значительныя общины: Мантинея и Тегея. По краямъ плоскогорья возвышаются, особенно на сѣверѣ и востокѣ, горныя цѣпи съ вершинами, долго покрытыми снѣгомъ (Эриманѳъ, Киллена). Здѣсь рѣки, не находя стока, исчезаютъ въ пропастяхъ (такъ наз. катавотрахъ; особенно знаменито своей

мрачной красотой паденіе Стикса); эти явленія подали поводъ къ миѳамъ о подземномъ царствѣ и къ роли Гермеса, главнаго бога страны, какъ проводника душъ.—Изъ склоновъ наиболѣе значительны оба южныхъ, Мессенія (долина Памиса) и Лаконика (долина Еврота), отдѣленные другъ отъ друга высокою горною цѣпью альпійскаго характера — Таигетомъ (Taÿgetos). Оба очень плодородны, особенно Мессенія; но ее дѣлитъ на двѣ части важная для исторіи страны гора Иѳома (Ithômê), затрудняя ея объединеніе. Напротивъ, Лаконика, по природѣ единая, такъ и льнула къ центральной общинѣ, каковой были въ началѣ Амиклы (Amyklai), позднѣе Спарта.—Въ противоположность южнымъ склонамъ восточный, Арголида, продолжая природу центральнаго плоскогорья, распадался на рядъ кантоновъ (Сикіонъ, Коринѳъ, Эпидавръ, Трезенъ, Микены съ Аргосомъ). Зато, онъ обладалъ прекрасными гаванями, открывшими доступъ къ нему восточной матеріальной культурѣ, а это обстоятельство повело къ возвышенію его главной общины, «золотыхъ» Микенъ (Mykênai) съ ихъ сосѣдомъ, «надбрежнымъ» Тиринѳомъ (Tiryns), не только въ Арголидѣ, но и во всемъ Пелопоннесѣ.—Малозначителенъ сѣверный спускъ, узкая приморская полоса, часто разоряемая стекающими съ сѣверно-аркадской горной цѣпи бурными потоками; свое имя «Ахая» онъ получилъ уже въ слѣдующій періодъ, какъ одно изъ послѣднихъ убѣжищъ разгромленнаго ахейскаго племени.—Важнѣе западный склонъ, Элида (Êlis), собственно долины двухъ рѣкъ, Пенея (элидскаго) и Алфея, самой значительной рѣки Пелопоннеса. Отвращенная отъ эгейскаго центра, Элида особенной роли въ исторіи не играла; своей извѣстностью она обязана, главнымъ образомъ, Оли-мпіи на Алфеѣ, священной рощѣ Зевса Олимпійскаго, гдѣ происходили каждые четыре года, такъ наз., олимпійскія состязанія. Основаны они были, по преданію, еще Пелопомъ, царемъ Микенъ и Пелопоннеса, но особый блескъ получили лишь въ слѣдующемъ періодѣ.

Къ Лаконикѣ примыкаетъ островъ Киѳера (Kythêra), причисляемый нынѣ къ такъ наз. іонійскому семиостровію (Heptannêsos), важный для нашего періода, какъ стоянка финикіянъ, которые здѣсь ввели свой культъ Афродиты-Астарты «киѳерейской»; позднѣе онъ подпалъ власти Спарты и никакой роли въ исторіи не игралъ. Не игралъ таковой и «лѣсистый» Закинѳъ (Zakynthos), второй въ числѣ семиостровія, прилегающій къ Элидѣ.

Примѣчаніе. Имя Іонійскаго (Ionion) моря для насъ загадочно; во всякомъ случаѣ, оно не имѣетъ ничего общаго съ именемъ іонійцевъ (Iônes), которые даже не жили на его берегахъ. Загадочно и имя Эгейскаго моря.

2) Средняя Греція отдѣлена отъ Пелопоннеса двумя заливами, Коринѳскимъ и Сароническимъ (имя загадочно), изъ которыхъ первый особенно глубоко врѣзался въ землю; между ними лежитъ географическое чудо античнаго міра, Коринѳскій перешеекъ (Истмъ), почти сплошь занятый горами и дозволяющій поэтому съ большою легкостью вести военную оборону Пелопоннеса. Расположенная между этой парой заливовъ и сѣверною (Амвракійскимъ и Мелійскимъ), средняя Эллада представляетъ узкую и гористую полосу земли, самой природой не приспособленную къ политическому объединенію. Въ ахейскую эпоху ея раздробленность была еще больше, чѣмъ въ историческую. Такъ, позднѣе столь единая Аттика распадалась на нѣсколько независимыхъ общинъ и союзовъ, среди которыхъ выдѣлялись Аѳины и Элевсинъ (Eleusis), благодаря своему положенію въ равнинахъ, рѣдкихъ въ этой довольно пустынной и малоплодородной, но здоровой странѣ. Въ нашъ періодъ, впрочемъ, оба города были довольно маловажны; природныхъ богатствъ не было, морскіе же пути были преграждены двумя островами, славнымъ позднѣе Саламиномъ (Salamis)—тогда еще гнѣздомъ пиратовъ—и особенно Эгиной, царицей Сароническаго залива.

Суровая горная цѣпь Киѳерона (Kithairôn), прославленная въ сагахъ, отдѣляетъ Аттику отъ могучаго Ѳиванскаго царства, которое, вмѣстѣ съ сосѣднимъ «золотымъ» Орхоменомъ, позднѣе образовало историческую Беотію. Страна эта тучная, гордящаяся своимъ Копаидскимъ озеромъ съ его рыбными богатствами и плодородными долинами ѳиванскаго Исмена и орхоменскаго Кефиса; а впрочемъ, горная природа была почти такая же, какъ и въ Аркадіи, вслѣдствіе чего и здѣсь (въ Орхоменѣ) были живы преданія о царствѣ мертвыхъ. Изъ горъ особенно славился, кромѣ Киѳерона, еще Геликонъ (Helikôn), позднѣе, благодаря поэзіи Гесіода, родина (геликонскихъ) музъ.

Страна къ западу отъ Беотіи особенно пострадала отъ великаго народнаго сдвига, положившаго конецъ ахейскому періоду; это цѣлый лабиринтъ горъ и ущелій (позднѣе Фокида съ тремя Локридами), надъ которыми царствуетъ гигантъ средней Греціи—Парнассъ. Горой Аполлона онъ сталъ лишь въ слѣдую-

щемъ періодѣ, когда на его склонѣ были основаны Дельфы; въ ахейскомъ главнымъ городомъ этой мѣстности была приморская Криса. Дальше на западѣ хаосъ опять проясняется: мы вступаемъ въ долину Ахелоя, сказочной рѣки греческаго запада, и въ предѣлы соперничающихъ городовъ Плеврона и Калидона (Kalydôn). Въ историческое время они подпали власти полудикаго племени этолійцевъ, и лишь по ту сторону Ахелоя, въ Акарнаніи, культура возобновлялась, да и то лишь благодаря приморскимъ колоніальнымъ городамъ.

Съ запада къ средней Греціи примыкаютъ три дальнѣйшихъ острова іонійскаго Гептаннеса — Кефалленія, Итака и Левкада, изъ коихъ оба послѣднихъ въ настоящее время спорятъ изъ за чести быть гомеровской Итакой, родиной Одиссея. Въ нашу эпоху всѣ три были крупными культурными центрами; позднѣе они потеряли значеніе.

3) Сѣверная Греція. Тотъ лабиринтъ горъ, о которомъ рѣчь была выше, заполняетъ собою мѣстность между Мелійскимъ заливомъ и Ахелоемъ, оставляя свободной на востокѣ лишь узкую тѣснину между крайней горой — величавой Этой (Oitê) и моремъ: это — знаменитыя Өермопилы, послѣ коринөскаго Истма второй оплотъ Греціи. Здѣсь, между Этой и Өрисомъ (Othrys) — долина рѣки Сперхея, родина доброй части греческой миөологіи (миөовъ о Девкаліонѣ, Аргонавтахъ, Гераклѣ, Ахиллѣ). Далѣе на сѣверѣ горный лабиринтъ суживается, образуя сѣверо-южную горную цѣпь Пиндъ и оставляя свободной къ востоку отъ нея роскошную равнину, самую широкую и плодородную въ Греціи, Өессалійскую. Черезъ нее течетъ рѣка (өессалійскій) Пеней; путь къ морю ему преграждаетъ новая приморская горная цѣпь — знаменитое трехгорье Олимпъ - Осса - Пеліонъ; онъ пробиваетъ себѣ дорогу между Олимпомъ и Оссой, образуя тамъ живописную Темпейскую долину (Tempê, т.-е. «прорѣзъ»). Ея сѣверная гора, Олимпъ—самая высокая гора Греціи (около 3.000 метровъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ ея сѣверный предѣлъ; здѣсь, гдѣ земля съ небомъ соприкасается, предполагалось мѣстожительство «олимпійскихъ» боговъ; здѣсь горныя нимфы, «олимпійскія» музы, вдохновляли пѣвцовъ гомеридовъ. Та же Темпейская долина служила для Греціи, послѣ Истма и Өермопилъ, третьей фортификаціонной линіей.—Въ противоположность культурной Өессаліи страна къ западу отъ Пинда, Эпиръ, была во всѣ времена (включая настоящее) полудикой; все же здѣсь, въ землѣ молоссовъ, на-

ходилась «бурная» Додона, древнѣйшее прорицалище Зевса, съ его «многоязычнымъ» дубомъ, шелестъ котораго почитался вѣщимъ.

Само имя страны «Эпиръ» (Êpeiros), т.-е. «материкъ», указываетъ на то, что она была такъ названа болѣе культурными островитянами. Таковыми были жители противолежащей Коркиры (Korkyra или Kerkyra), шестого и собственно послѣдняго острова іонійскаго Гептаннеса (седьмой, маленькій Паксосъ, былъ прихваченъ только для восполненія священнаго числа). Въ позднѣйшее время онъ сыгралъ довольно важную роль, какъ колонія дорическаго Коринѳа; но уже въ нашу эпоху онъ, какъ доказали недавнія раскопки, былъ культурнымъ центромъ.

4) Эгейское море. Настоящимъ двигателемъ греческой культуры было «царь-море» (Archipelagos) страны, съ его безчисленными островами, такъ и манящими вдаль, съ его правильными лѣтними вѣтрами (этесіями), такъ облегчающими задачи молодого, еще неувѣреннаго въ себѣ судоходства. Острова эти, будучи важны и сами по себѣ, получаютъ особое значеніе еще тѣмъ, что они были природными мостами между Европой и Азіей. Такихъ мостовъ мы различаемъ три.

Южный образуется, главнымъ образомъ, длиннымъ островомъ Критомъ (Krêtê), замыкающимъ съ юга все Эгейское море. Его богатство кипарисовыми лѣсами (нынѣ почти исчезнувшими) дало этому острову возможность стать первой въ Греціи морской державой, каковое его значеніе связано съ именемъ миѳическаго царя Миноса и его столицы Кносса. Расцвѣтъ Крита относится именно къ нашему періоду, о чемъ свидѣтельствуютъ и грандіозныя находки, полученныя благодаря раскопкамъ недавняго времени; въ историческую эпоху онъ палъ, сохраняя память о своемъ давнишнемъ морскомъ величіи въ пиратскихъ наклонностяхъ своихъ жителей. Его славу позднѣе унаслѣдовалъ островъ Родосъ, посредствомъ котораго нашъ мостъ примыкаетъ къ юго-западному углу Малой Азіи.

Какъ этотъ южный мостъ отъ Пелопоннеса, такъ средній исходитъ отъ средней Греціи—отчасти непосредственно отъ Аттики, отчасти отъ параллельнаго съ ней острова Евбеи (Euboia) прилегающаго ко всей восточной половинѣ средней Греціи д самаго Мелійскаго залива и содержащаго въ своемъ центрѣ плодородную Лелантскую равнину—предметъ самой серьезной войны эллинскаго періода между главными городами острова, Халкидой

(Chalkis) и Эретріей. Исходящіе отъ Аттики и Евбеи острова образуютъ прежде всего (полу-)кругъ—отсюда ихъ имя Киклады (Kyklades). Всѣ они довольно мелкіе; болѣе прочихъ привлекаютъ вниманіе обильный здоровой водой Андросъ, затѣмъ оба сосѣда-соперника, славные своимъ мраморомъ Паросъ и своимъ виномъ Наксосъ. Самый знаменитый позднѣе Делосъ былъ въ нашу эпоху еще пустынной скалой. Далѣе къ востоку нашъ полукругъ продолжается въ «разсѣянныхъ» островахъ, такъ наз. (южныхъ) Спорадахъ, примыкающихъ къ Малой Азіи, между Родосомъ къ югу и Икаріей съ Самосомъ къ сѣверу. Особенно важенъ послѣдній, сыгравшій большую роль въ судьбахъ Греціи до послѣднихъ временъ. Изъ Спорадъ важнѣйшая — Косъ, позднѣе прославившійся своимъ культомъ Асклепія и своей медицинской школой.

Сѣверный островной мостъ посерединѣ разорванъ: начинаясь у ѳессалійскихъ береговъ такъ наз. сѣверными Спорадами (главная — Скиросъ, опасное гнѣздо пиратовъ), онъ уже не имѣетъ продолженія, которое отъ нихъ бы вело либо къ богатому и мраморомъ и виномъ Хіосу, либо, сѣвернѣе, къ идиллическому Лезбосу, либо, еще сѣвернѣе, къ мрачнымъ ѳракійскимъ островамъ: вулканическому Лемносу, золотоносному Ѳасосу (Thasos) и извѣстнымъ позднѣе своими мистическими культами Самоѳракіи и Имбросу. Когда поэтому говорятъ о сѣверномъ мостѣ между Европой и Азіей — подъ нимъ разумѣютъ не острова, а македонско-ѳракійское побережье.

5) Это македонско-ѳракійское побережье начинается уже у Олимпа, но затѣмъ, по ту сторону рѣки Аксія (н. Вардаръ) прерывается глубоко вдающимся въ море «трехпалымъ» полуостровомъ Халкидикой (такъ называемой потому, что ее занимали, главнымъ образомъ, выходцы изъ евбейской Халкиды), юго-восточный уголъ которой оберегаетъ грозный Аѳонъ (Athôs). Далѣе—устье второй великой македонской рѣки Стримона (Strymôn, н. Струма), за которымъ вскорѣ начинается Ѳракія. Ея побережье очень манило поселенцевъ вплоть до впаденія ея главной рѣки Гебра (Hebros, н. Марица); за нимъ слѣдовалъ негостепріимный берегъ, вскорѣ переходящій въ предѣльный полуостровъ, хлѣбородный (ѳракійскій) Херсонесъ.

Между Херсонесомъ и противолежащимъ малоазіатскимъ берегомъ тянется извилистый Геллеспонтъ, переходящій затѣмъ въ Пропонтиду. Такъ (т.-е. «предморьемъ») она была на-

звана потому, что служила какъ бы преддверьемъ къ настоящему, нелюдимому «морю», начинающемуся въ ту сторону второго пролива, такъ наз. Босфора (Bósporos), и названному скорѣе изъ благоговѣйнаго страха «гостепріимнымъ» (Pontos Euxeinos). О немъ въ нашъ періодъ ходили лишь внушительные слухи, увѣковѣченные въ миѳѣ объ Аргонавтахъ, въ ожиданіи того времени, когда оно откроетъ греческимъ пловцамъ доступъ въ предѣлы нашего отечества, оплодотворяя его первыми сѣменами культуры.

Западное малоазіатское побережье начинается противъ ѳракійскаго Херсонеса славной въ греческой сагѣ геллеспонтской Фригіей, надъ которой царила Троя на Скамандрѣ, одинъ изъ главныхъ культурныхъ центровъ нашего періода. Далѣе слѣдовала, противъ Лезбоса, Мисія съ ея главной рѣкой Каикомъ; слѣдующая крупная рѣка, Гермъ, образовала приблизительную границу между ней и Лидіей, центральной рѣкой которой былъ знаменитый своими лебедями Каистръ. Четвертая крупная рѣка Малой Азіи, извилистый Меандръ, впадающій въ море противъ Самоса, отдѣляетъ Лидію отъ Каріи, послѣдней области западнаго побережья Малой Азіи.

Оба названныхъ побережья привлекали поселенцевъ помимо своихъ природныхъ богатствъ также и наличностью названныхъ крупныхъ рѣкъ, которыя, будучи судоходными и вдаваясь далеко вглубь страны, предоставляли поселенцамъ возможность прибыльной торговли съ ея полудикими обитателями. Но эти преимущества сказались лишь къ концу нашего періода и, главнымъ образомъ, къ началу слѣдующаго.

Таковъ былъ этотъ уютный мірокъ, это единственное въ Европѣ полное и тѣсное сочетаніе моря и земли. Именно, оно характерно для европейской культуры. Теченія великихъ рѣкъ, на которыхъ создавались культурныя деспотіи Востока, замыкаютъ кругозоръ своихъ народовъ; напротивъ, море, если оно оживлено островами, открываетъ его, неудержимо увлекая вдаль. Европейская культура, созданная греческимъ народомъ — дочь моря и земли.

ГЛАВА I.

Нравы.

§ 2. **Семейный бытъ.** Основнымъ принципомъ греческой семьи на ея древнѣйшей, уловимой для насъ, ступени является принципъ единобрачія: у мужа-хозяина только одна жена, хозяйка его дома и мать его дѣтей. Уже одинъ этотъ фактъ исключаетъ возможность коренного воздѣйствія восточныхъ полигамическихъ культуръ на греческую.

Цѣнными качествами невѣсты считаются: знатность, красота, умъ и искусность въ женскихъ работахъ. Примѣтившій себѣ невѣсту, женихъ получаетъ ее отъ тестя, уплативъ за нее подобающее вѣно (hedna; обыкновенно, извѣстное число головъ скота), которое тесть долженъ былъ возвратить, если дурное поведеніе жены принуждало мужа къ разводу. Свадьба была торжественнымъ и веселымъ актомъ, сопровождавшимся пиршествомъ, пѣсней и пляской; насколько она имѣла религіозный характеръ, мы не знаемъ. Положеніе жены въ домѣ мужа было очень почетнымъ: она была «женой - госпожей» и управляла всей женской челядью. Правда, этотъ почетъ находился отчасти въ зависимости отъ того, была ли въ живыхъ ея родня, у которой она могла найти заступничество въ случаѣ обиды со стороны мужа.

Воспитаніе дѣтей происходило внутри дома, при чемъ нерѣдко знатный отецъ, отвлекаемый внѣдомашней и военной работой, поручалъ уходъ за сыномъ почтенному кліенту. Обученіе мальчика имѣло цѣлью сдѣлать изъ него и храбраго воина и хорошаго хозяина (ср. Одиссея), но, кромѣ того, и образованнаго по понятіямъ того времени человѣка, т.-е способнаго и въ физическихъ состязаніяхъ постоять за себя (какъ наѣздникъ, борецъ и т. д. см. ниже стр. 34), и складно сказать слово, и принять участіе въ хорѣ. Оно, такимъ образомъ, уже теперь состояло изъ обѣихъ характерныхъ для грека частей—гимнастической и мусической.

Дѣвочки росли при матери, обучаемыя ею женскимъ работамъ; однообразіе домашней жизни прерывалось для нихъ частыми вечеринками съ хороводами и пѣніемъ (ср. Навсикаю). Вообще центромъ тяжести въ общественной жизни нашего періода была семья. Главою семьи былъ, разумѣется, отецъ: все же, его власть имѣла свой предѣлъ и никогда не доходила до права надъ жизнью и смертью или свободой дѣтей, не говоря уже о женѣ; въ случаѣ жестокихъ наказаній, допускалось заступничество родственниковъ матери. Вообще, личность жены была для мужа неприкосновенна; пережитки болѣе грубыхъ нравовъ въ этомъ отношеніи сохранились у Гомера, страннымъ образомъ, въ быту боговъ (см. ниже стр. 58).

Мѣстомъ семейной жизни былъ д о м ъ. Для него характерны прежде всего дворъ (aulê), гдѣ при тепломъ климатѣ и обыкновенно ясной погодѣ юга охотнѣе всего пребывали люди, затѣмъ обѣ х о р о м ы (mégara), мужская и женская. Строгой исключительности, впрочемъ, не было: въ мужской хоромѣ, служившей также столовой, хозяинъ съ хозяйкой принимали гостей; въ женской хозяйка управляла домашней работой рабынь. Особой кухни не было; это—въ связи съ тѣмь, что пищей въ нашу эпоху были преимущественно жареное мясо и хлѣбъ («ломоть Деметры»). Животныя закалывались и потрошились на дворѣ; здѣсь же находился алтарь (bômos), на которомъ приносились въ жертву богамъ положенныя имъ части. Назначенныя для людей части туши жарились на очагѣ (hestia) въ хоромѣ, затѣмъ подавались сотрапезникамъ. Эти послѣдніе сидѣли на стульяхъ (а не возлежали, какъ позднѣе); столы подавались къ обѣду, а затѣмъ убирались. Вино въ особыхъ большихъ сосудахъ (kratêres) смѣшивалось съ водой и затѣмъ разливалось въ чаши (kylikes).

Домъ былъ, однако, центромъ также и семейнаго х о з я й с т в а, которое вообще вдревности было много сложнѣе, чѣмъ нынѣ. Покоилось оно на слѣдующихъ двухъ принципахъ: 1) домъ долженъ быть по возможности экономически самодовлѣющей единицей, т.-е. потребляемое домомъ должно имъ же и производиться; 2) хозяйственная работа дѣлится между мужемъ и женой такъ, чтобы мужъ завѣдывалъ всей работой внѣ дома, жена—почти всей внутри его.

К ъ р а б о т а м ъ в н ѣ д о м а принадлежали: 1) С к о т о в о д с т в о, очень развитое въ преимущественно гористой Греціи. Его предметами были: коровы (ради мяса и молока; быки

служили также и для пахотьбы); овцы (ради шерсти, мяса и молока) и козы (тоже; сверхъ того пользовались и шкурами всѣхъ этихъ породъ). Лошадей, требовавшихъ особо тучныхъ пастбищъ, держали только очень богатые, да и то не вездѣ; особенно славилась ими Θессалія. Болѣе распространены были, какъ вьючныя животныя, мулы и ослы. Свиней уже тогда держали болѣе для пищи. 2) Земледѣліе. Здѣсь мы различаемъ хлѣбопашество, извѣстное съ незапамятныхъ временъ, и культуру деревьевъ, среди которыхъ особую важность имѣла виноградная лоза и маслина (послѣдняя, впрочемъ, только отчасти, такъ какъ самыя цѣнныя качества оливкаго масла, сдѣлавшія его и средствомъ освѣщенія и приправой къ кушаньямъ, были открыты только въ слѣдующую эпоху). 3) Пчеловодство, особенно важное вдревности потому, что медъ замѣнялъ нынѣшній сахаръ (воскъ, какъ средство освѣщенія, тоже былъ признанъ только въ слѣдующую эпоху; въ нашу комнаты освѣщались смолистыми лучинами на подставкахъ, lamptêres, а ночной путникъ бралъ съ собой факелъ). 4) Охота не была постояннымъ занятіемъ; она предпринималась изрѣдка для истребленія вредныхъ звѣрей (особ. вепрей), а также для поимки дикихъ быковъ съ цѣлью ихъ прирученія, и это было торжествомъ, на которое приглашали друзей и знакомыхъ (ср. миθъ о Калидонской охотѣ). Человѣкъ, принужденный жить охотой, считался несчастнымъ, такъ же, какъ жившій рыболовствомъ. Обычный способъ охоты заключался въ томъ, что животное загоняли съ помощью собакъ въ нарочно разставленныя сѣти. Рано возникло сознаніе, что слѣдуетъ щадить беременныхъ самокъ; таковыхъ охотники послѣ поимки «отпускали Артемидѣ», богинѣ-покровительницѣ не только охотниковъ, но и лѣсной дичи.—Скотоводство и охота требовали наличности большого числа собакъ, которыя считались поэтому цѣннымъ достояніемъ. Къ нимъ, какъ и вообще къ животнымъ, относились очень хорошо; ср. описаніе смерти собаки Аргоса въ Одиссеѣ (XVII 290 сл.).

Внутри дома происходили работы по выдѣлкѣ предметовъ потребленія изъ приносимаго сырья. Главными были слѣдующія: 1) выдѣлка хлѣба. Для этого сначала молотили колосья на току (halôs; это былъ устланный каменными плитами просторный кругъ подъ открытымъ небомъ, служившій въ другое время мѣстомъ для пляски), каковая работа производилась быками; затѣмъ его тамъ же вѣяли съ помощью вѣяла (liknon).

Домой доставляли чистое зерно; просушивъ, его размалывали въ ручныхъ мельницахъ, что считалось особенно тяжелой работой мукомолокъ — далеко слышный лязгъ мельницъ вмѣстѣ съ пѣніемъ пѣтуховъ возвѣщалъ о наступившемъ утрѣ. Затѣмъ, изъ добытой такимъ образомъ муки пекарки пекли хлѣбъ—плоскій, такъ что его надлежало ломать. 2) Выдѣлка тканей. Домой доставляли шерсть: здѣсь ее разминали и чесали (работа чесальщицъ), превращая ее этимъ въ паклю; изъ нея пряхи съ помощью прялки и веретена выводили нити—эта работа считалась особенно приличествующей дочерямъ дома. Изъ нитей на ткацкихъ кроснахъ (histos) выдѣлывались ткани, что было почетной работой самой хозяйки; особенно искусныя ткачихи (Андромаха, напр.) умѣли при этомъ украшать ткани различными узорами. Въ позднѣйшее время работа этимъ почти что заканчивалась—платьемъ были тѣ же куски матеріи. Въ нашу эпоху дѣло было сложнѣе, какъ доказали изображенія мужчинъ и особенно женщинъ, гл. обр., въ критской и тириѳской стѣнописи: многоярусныя воронкообразныя юбки этихъ послѣднихъ, крѣпко стянутыя вокругъ таліи (едва ли безъ помощи корсета), требовали довольно высокаго развитія также и портняжной техники. Но подробности тутъ неизвѣстны.

Какъ видно изъ этого описанія, хозяйство въ самодовлѣющемъ домѣ было немыслимо безъ многочисленной челяди. Таковая была, б. ч., не свободной. Наиболѣе почетнымъ являлось положеніе дома рожденныхъ рабовъ и рабынь; другіе пріобрѣтались либо куплей, либо какъ военная добыча. Послѣднею, впрочемъ, были только женщины, такъ какъ мужское населеніе взятаго города истреблялось. Отношеніе хозяевъ къ рабамъ было гораздо болѣе сносно, чѣмъ позднѣе, когда усложнившія условія производства потребовали массоваго рабства. Изъ числа рабынь выдвигались своей близостью къ хозяйкѣ ея бывшая няня, послѣдовавшая за нею изъ родительскаго дома, и затѣмъ «почтенная» ключница. А впрочемъ, хозяинъ былъ полновластнымъ господиномъ своей челяди и имѣлъ надъ нею право жизни и смерти (ср. расправу Одиссея съ невѣрными рабынями, Од. XXII 457 сл.).

Равнымъ образомъ, большое хозяйство требовало разнообразной утвари. Сравнительно мало было мебели, какъ и вообще вдревности: нашимъ шкафамъ соотвѣтствовали низкіе лари, которые могли служить также для сидѣнія. Столы тоже не загромождали комнаты. Стулья были отчасти каменные, отчасти

складные деревянные; для гостя стулъ покрывали мохнатой шкурой, и подъ ноги ему давалась скамейка. Разнообразна была столовая утварь, б. ч. изъ глины; встрѣчается, однако, серебряная и золотая, послѣдняя преимущественно для возліяній богамъ. Особое мѣсто занимаютъ мѣдные котлы, въ которыхъ, главнымъ образомъ, кипятилась вода для купанія, съ каковой цѣлью ихъ ставили на такъ наз. треножники (tripodes). О рабочей утвари уже была рѣчь мимоходомъ. Сюда же примыкаютъ и многочисленныя женскія украшенія—серьги, ожерелья, запястья, пряжки и т. д., — о которыхъ мы имѣемъ довольно полное представленіе, такъ такъ они сопровождали покойницу въ могилу (такъ же какъ мужчинъ—оружіе, о которомъ см. ниже стр. 38). Особаго вниманія заслуживаютъ перстни съ печатями, символъ хозяина и хозяйки, съ подчасъ очень интересными изображеніями.

Вся эта семейная жизнь проникнута чувствомъ живой и тѣсной солидарности всѣхъ членовъ, какъ свободныхъ, такъ и рабовъ, и затѣмъ — уваженіемъ къ труду. Одиссей гордится своей выдержкой въ полевыхъ трудахъ не менѣе, чѣмъ своими воинскими подвигами (Од. XVIII 395 ст.); царевичи не гнушались пасти отцовскія стада (Парисъ на Идѣ), царевны—не только прясть, но и стирать вмѣстѣ съ дѣвушками-рабынями (Навсикая).

Смерть человѣка была обставлена торжественно; но эта торжественность была обусловлена вѣрованіями о душѣ, почему мы и должны заняться ею ниже въ главѣ о религіи (IV, § 10).

§ 3. Общественный бытъ. Описанный въ предыдущемъ § домъ съ его сложнымъ, почти самодовлѣющимъ, хозяйствомъ могъ быть домомъ только крупнаго землевладѣльца, такъ наз. анакта (anax). Нѣсколько такихъ семей, объединенныхъ узами ближайшаго сознаваемаго родства, составляли родъ (genos) или фратрію (phratria; отношеніе этихъ двухъ понятій другъ къ другу для насъ неясно); такъ какъ этимъ родствомъ обусловливалось наслѣдованіе выморочнаго имущества, то каждый отецъ семейства долженъ былъ представлять сородичамъ (фраторамъ) своихъ дѣтей, чтобы этимъ обезпечить имъ права наслѣдства. Но и въ другихъ случаяхъ это родство было живой силой: сородичи съѣзжались и на свадьбу, и на похороны, и въ видахъ помощи и заступничества, если благосостояніе семьи пошатнулось; они же были ближайшей инстанціей для улаженія семейныхъ неурядицъ. Высшей единицей, вмѣщав-

шей въ себѣ нѣсколько родовъ или фратрій, было колѣно или фила (phyle). Родство крови и здѣсь еще предполагалось, но уже не могло быть опредѣлено; предположеніе же находило себѣ опору въ допущеніи общаго родоначальника. Значеніе филы сказывалось особенно на войнѣ, когда воины собирались по филамъ и фратріямъ (ср. совѣтъ Нестора Ил. II 360 сл., которымъ поэтъ хочетъ освятить именно этотъ старинный обычай и дать отпоръ новшествамъ, направленнымъ къ его разрушенію); но мы имѣемъ право допустить, что и въ мирное время «филеты» образовали единое цѣлое, отстаивающее свои интересы въ общей родинѣ.

Таковы основы родового строя въ ахейскій періодъ. Далеко не все намъ извѣстно: мы не можемъ, напр., дать отвѣтъ на вопросъ, поскольку родовой строй вліялъ на земельно-имущественныя отношенія. Была ли вся земля частной собственностью? Или же только пахотная, при чемъ пастбища могли принадлежать фратріи или филѣ, или даже цѣлой общинѣ, или же—никому? Мы этого не знаемъ.

Переходя къ вопросамъ чисто хозяйственнаго характера, мы прежде всего должны установить, что то хозяйство, при которомъ домъ (oikos отсюда oikonomia) является вполнѣ самодовлѣющей единицей, будучи и производителемъ,[1] и потребителемъ всѣхъ нужныхъ ему матеріальныхъ благъ—называется «ойкоснымъ» или домовымъ хозяйствомъ. Ему противополагается хозяйство городское, при которомъ обмѣнъ товаровъ происходитъ между различными домами, но все же внутри того же города, и какъ послѣдовательно высшія понятія, хозяйство государственное и міровое.

Исключительно домовое хозяйство возможно только на первобытной ступени скотоводной жизни; Гомеръ сохранилъ память о таковой въ любопытномъ мѣстѣ, гдѣ онъ описываетъ бытъ дикарей-циклоповъ (Од. IX 112 сл.). Все же въ ахейскомъ періодѣ мы имѣемъ, согласно сказанному, преимущественно домовое хозяйство со сравнительно небольшими зародышами хозяйства городского (которое въ Греціи совпадало съ государственнымъ) и еще меньшими,—мірового.

Зародыши городского хозяйства мы должны признать въ наличности такихъ ремеселъ, которыя не умѣщались въ предѣлахъ домового хозяйства (подобно ткацкому, пекарному и т. д.), а существовали самобытно, обслуживая нужды цѣлаго на-

рода—почему ремесленниковъ и называли dêmio-ergoi (позднѣе dêmiurgoi), т.-е. работающими на народъ. Это были ремесла слѣдующія: 1) гончара (kerameus), очень важное при роли глины въ античномъ обиходѣ, замѣнявшей также и нынѣшній фарфоръ (съ фаянсомъ) и хрусталь; въ собственно ахейскій періодъ былъ уже давно извѣстенъ гончарный кругъ, и глиняныя издѣлія достигли со стороны формы значительнаго разнообразія и совершенства (объ ихъ художественной сторонѣ будетъ рѣчь ниже стр. 49); 2) плотника (tektôn; глава таковыхъ—architektôn; отсюда, неправильно, латинское—architectus и, еще неправильнѣе, русское—«архитекторъ»); впрочемъ, по условіямъ домостроительства нашей эпохи, плотникъ былъ въ тоже время и каменщикомъ и еще совмѣщалъ въ себѣ столяра; 3) кузнеца (chalkeus, отъ chalkos «бронза»; желѣзо тогда еще не употреблялось), совмѣщавшаго въ себѣ также и оружейника и ювелира; интересно тутъ сравнить у Гомера описаніе мастерской идеальнаго кузнеца—бога Гефеста (Ил. XVIII 369 сл.); оно замѣчательно также и тѣмъ, что изъ него видно, какія смѣлыя надежды уже тогда возлагались на это великое ремесло, родоначальника современной технологіи; недаромъ оно было единственнымъ, имѣвшимъ бога своимъ спеціальнымъ представителемъ; 4) кожевника (skytotómos). Правда, его ремесло отчасти укладывалось въ рамки домового хозяйства, но были спеціалисты, подобно тому Тихію гилейскому (въ поздн. Беотіи), которому Аянтъ Теламоновъ заказалъ свой исполинскій кожанный щитъ (Ил. VII).

Наконецъ зародыши мірового хозяйства мы имѣемъ въ тѣхъ элементахъ морской торговли и морского разбоя, которые мы встрѣчаемъ въ нашу эпоху. Дѣйствительно, какъ это ни странно, а эти два понятія здѣсь должны быть сопоставлены; во-первыхъ, потому, что и тѣмъ, и другимъ дѣломъ занимались одни и тѣже люди (prêktêres «добытчики» ср. Од. VIII 161 сл.), а затѣмъ и потому, что въ экономическомъ отношеніи оба сводились къ одному и тому же, къ привлеченію заморскихъ продуктовъ въ круговоротъ домового и городского хозяйствъ. Разница между ними нравственная; но объ этомъ пунктѣ рѣчь впереди.

Развитіемъ разбоя была и война, которая въ нашу эпоху велась ради добычи, а не ради расширенія земельныхъ владѣній; отъ разбоя она отличалась своимъ всенароднымъ характеромъ, вслѣдствіе чего больше вниманія обращалось на нравственный элементъ (ниже стр. 37 сл.).

Путемъ морской торговли и разбоя съ войной въ Грецію проникали матерьялы и продукты, которыхъ она сама не доставляла (золото, бронза, порфира); изъ народовъ, корабли которыхъ доплывали до Греціи, упоминаются финикійскій (см. особенно Од. XV, 403 сл.)

И городское хозяйство, и міровое въ его нормальныхъ проявленіяхъ сводилось въ своихъ отдѣльныхъ актахъ къ продажѣ и куплѣ; а въ такихъ случаяхъ возникалъ вопросъ, за что продать и за что купить. Тутъ мы различаемъ двѣ ступени. На первобытной ступени полагалось, что продавецъ продаетъ за то, что ему нужно, а покупатель покупаетъ за то, что ему не нужно, и продажа и купля состояла въ простой мѣнѣ. На второй развитіе промышленности и торговли повело къ установленію особой мѣновой единицы или денегъ въ широкомъ смыслѣ; таковыми были въ нашу эпоху, однако, не металлическія деньги, а головы скота, какъ крупнаго (коровъ), такъ и мелкаго (овецъ). Цѣнность вещи опредѣлялась числомъ такихъ головъ: мѣдные доспѣхи Діомеда стоили девять, золотые же Главка— сто коровъ. (Ил. VI, 236). Подобное же развитіе мы имѣемъ и у другихъ народовъ, и латинское слово pecunia до позднѣйшаго времени сохранило память о томъ, что первоначально и деньгами было pecus.

Сказаннымъ до сихъ поръ въ значительной степени опредѣляется и классовое дѣленіе населенія въ нашу эпоху; не имѣя о немъ исчерпывающихъ свѣдѣній, мы, тѣмъ не менѣе, на основаніи извѣстнаго намъ, а также и аналогій изъ позднѣйшихъ временъ, можемъ установить слѣдующее. Первый классъ составляли, несомнѣнно, тѣ крупнопомѣстные анакты, семейный бытъ которыхъ описанъ въ § 2; и на войнѣ, и въ управленіи государствомъ, и въ общественной жизни они были на первомъ планѣ. За нимъ слѣдовали мелкопомѣстные крестьяне, естественно зависящіе отъ анактовъ, пастухи-собственники горныхъ пастбищъ, рыболовы побережія. Затѣмъ ремесленники и торговцы, поскольку первые не совпадали съ крестьянами; наконецъ, батраки или ѳеты (thêtes), не имѣвшіе своего гнѣзда и работавшіе за плату. Жизнь послѣднихъ Ахиллъ называетъ самой жалкой изъ всѣхъ (Ил. XXIV 531 сл. и Од. XI 489 сл.); значитъ, лучше жилось даже рабу. И дѣйствительно, первымъ условіемъ сносной жизни греки считали осѣдлость; и мы легко представляемъ себѣ, что Евмей, даромъ что рабъ, очень свысока

смотрѣлъ на какого-нибудь свободнаго бродягу-батрака, принимаемаго сегодня за поденную плату (мѣрку хлѣба) и не знающаго, гдѣ онъ завтра склонитъ голову.

Слѣдуетъ отмѣтить полное отсутствіе въ этой картинѣ жрецовъ—въ рѣзкомъ различіи съ восточными культурами. Но объ этомъ рѣчь впереди (см. ниже стр. 60).

Общественная жизнь, поскольку она не совпадала съ экономической и политической и не являлась придаткомъ къ семейной, а также не вызывалась случайными и неуловимыми для насъ происшествіями, сосредоточивалась въ особенности на одномъ характерномъ для Греціи явленіи—на агонахъ (состязаніяхъ). Ихъ расцвѣтъ относится къ слѣдующему періоду; въ нашъ они еще не имѣли періодическаго характера, но были частью чрезвычайнаго торжества—чаще всего похороннаго. Здѣсь первое мѣсто принадлежало состязанію колесницъ, доступному только для анактовъ; затѣмъ слѣдовали состязанія въ бѣгѣ, борьбѣ, кулачномъ бою, стрѣльбѣ, метаніи диска и дрота. Въ нашъ періодъ призы побѣдителямъ представляли собой (какъ нынѣ) матеріальную цѣнность, а не чисто идеальную (лавровый вѣнокъ и тому под.), какъ въ рыцарскій эллинскій періодъ.

§ 4. Государственный бытъ. Община на древнѣйшей уловимой для насъ ступени можетъ быть опредѣлена, какъ наслѣдственная по мужской линіи аристократическая монархія, основанная на родовомъ строѣ.

I. Царь (basileus) былъ въ троякомъ отношеніи главой своей общины: 1) въ сакральномъ, какъ ея представитель передъ богами, приносившій отъ ея имени установленныя жертвы (см. ниже стр. 60); въ этомъ качествѣ онъ охотно производилъ себя отъ Зевса, царя боговъ (какъ diogenês basileus);

2) въ судебномъ—какъ высшій судья, естественно приглашаемый рѣшать спорные вопросы между анактами въ тѣхъ случаяхъ, когда обращенія къ совѣту сородичей было недостаточно.

Примѣчаніе. Здѣсь далеко не все для насъ ясно. Судебное значеніе царя упоминается въ Одиссеѣ, но не въ болѣе древней Иліадѣ: здѣсь не царь, а совѣтъ старѣйшинъ (т.-е. анактовъ) рѣшаетъ тяжбу, при чемъ тотъ, къ приговору котораго присоединяются другіе, имѣетъ получить награду, представленную, вѣроятно, тяжущимися. Слѣдуетъ ли допустить, что право суда, вначалѣ принадлежавшее анактамъ, со временемъ перешло къ царю? Мы охотно предположили бы обратное.

Слѣдуетъ отмѣтить чисто свѣтскій характеръ этого ахейскаго суда. Клятва сторонъ (см. ниже II § 8) отсутствуетъ, дѣло рѣшается показаніями свидѣтелей и убѣжденіемъ судей.

Основой суда всегда является право. Таковое въ ахейскій періодъ еще не было предметомъ законодательства: мы имѣемъ такъ называемое обычное, неписанное право, жившее въ правовомъ сознаніи народа и особенно анактовъ. Оно должно было пережить извѣстную эволюцію до той ступени, которую намъ представляетъ ахейскій періодъ. Здѣсь въ случаѣ убійства гражданина убійца уплачиваетъ такъ называемую виру (poinê), по соглашенію съ родственниками, и только при ихъ несогласіи долженъ отправиться въ изгнаніе. Это—поразительное обмірщеніе древнѣйшаго права и долга кровавой мести, блюстительницей котораго была Эринія.

3) въ военномъ, какъ призванный полководецъ общинной рати, которая подъ его предводительствомъ ведетъ наступательную и оборонительную войну, собираясь по родамъ и колѣнамъ (выше стр. 31).

Никакой другой власти царь надъ своими подданными не имѣлъ—въ своемъ домѣ анактъ властвовалъ неограниченно. Да и называлъ онъ ихъ не подданными, а «товарищами» (hetairoi), каковое наименованіе удержалось и въ исторической монархіи у грековъ (ниже ч. IV, отд. А гл. I). Въ этомъ относительномъ равенствѣ заключается новая разница между Греціей и Востокомъ, гдѣ подданный былъ рабомъ царя и послѣдній могъ съ нимъ поступать по своему усмотрѣнію.

Знакомъ отличія царя былъ посохъ (skêptron) съ птицей Зевса, орломъ, на набалдашникѣ, и болѣе роскошное облаченіе, но только не пурпуроваго (какъ позднѣе), а зеленаго цвѣта. Матеріальными преимуществами были: 1) дворецъ въ кремлѣ и особый участокъ земли, даруемый царю, какъ таковому, отъ общины (зародышъ доманіальнаго землевладѣнія); 2) поборы съ тяжущихся и 3) отборная часть военной добычи. Отъ царя требовалось, чтобы онъ оказывался достойнымъ своего сана личнымъ умомъ и храбростью (см. Ил. XII 310 сл.); убыль этихъ качествъ послужила причиной паденія царской власти.

Примѣчаніе. Посохъ, изъ котораго, какъ показываетъ греческое слово, развился нашъ скипетръ, былъ первоначально орудіемъ, а затѣмъ символомъ карательной власти. Носилъ его каждый анактъ; но царскій былъ роскошнѣе и имѣлъ указанное украшеніе.

II. Вторымъ органомъ власти былъ царскій совѣтъ, bulê, состоявшій изъ старѣйшинъ (gerontes), т.-е. анактовъ. Въ его средѣ царь обсуждалъ всѣ предложенія, вносимыя въ народное

собраніе; онъ же принималъ участіе во всѣхъ актахъ, въ которыхъ царь выступалъ представителемъ своей общины, будучи сначала, надо полагать, нравственнымъ, а затѣмъ и правовымъ ограниченіемъ его власти.

1. Такъ какъ за каждымъ жертвоприношеніемъ слѣдовало угощеніе участниковъ мясомъ жертвеннаго животнаго, то къ участію въ царскомъ жертвоприношеніи за общину естественно было пригласить ея лучшихъ людей, т.-е. членовъ совѣта.

2. Греческое правовое сознаніе никогда не признавало единоличнаго судьи; такъ то и царь-судья долженъ былъ окружить себя «засѣдателями», parhedroi, т.-е. опять таки членами совѣта.

3. Равнымъ образомъ, веденіе войны требовало постояннаго обсужденія каждаго военнаго дѣйствія, т.-е. возможно частыхъ засѣданій т. наз. военнаго совѣта; имъ же естественнѣе всего былъ все тотъ же царскій совѣтъ старѣйшинъ или анактовъ.

Съ этой цѣлью царь собиралъ свой совѣтъ въ военное время въ своей палаткѣ, въ мирное же — либо на площадкѣ передъ дворцомъ, либо въ особомъ помѣщеніи дворца (ср. тронный залъ въ такъ наз. дворцѣ царя Миноса въ Кноссѣ).

III. Третьимъ органомъ власти было народное собраніе или вѣче (agorá), собиравшееся на городской площади (тоже agorá). Его составъ намъ точнѣе неизвѣстенъ; но аналогія заставляетъ думать, что оно обнимало всѣхъ осѣдлыхъ людей. Неизвѣстны точнѣе и его полномочія; во всякомъ случаѣ, его созывъ былъ необходимъ не только для объявленія войны, но и для болѣе важныхъ военныхъ дѣйствій (въ Ил. II, напр. для перехода отъ длительной осады къ рѣшающей битвѣ). Говорить въ вѣчѣ могли не только царь и анакты, но и любой гражданинъ.

Народъ созывался въ вѣче «звучноголосыми» царскими глашатаями (kêrykes); они же вручали говорящему царскій посохъ, какъ символъ того, что онъ во время своей рѣчи неприкосновененъ, и что его надлежитъ выслушать. Эти глашатаи были особо привилегированныя лица, о которыхъ еще будетъ рѣчь; ихъ богомъ былъ Гермесъ, небесный глашатай, и они носили его символъ, жезлъ со змѣйками (нынѣ символъ торговли), который ихъ дѣлалъ неприкосновенными. Ихъ должность была наслѣдственной.

§ 5. Международный бытъ. Въ принципѣ внѣ границы общины для ея гражданъ начинается военное положеніе: «внѣшній»

(echthrós) то же, что и «врагъ». На практикѣ оно смягчается слѣдующими обычаями, получившими подъ сѣнью религіи правовой характеръ.

1. Особа глашатая священна вездѣ, гдѣ царствуютъ греческіе нравы; въ сопровожденіи таковаго всякій грекъ повсюду могъ путешествовать безопасно.

2. Характеренъ для Греціи институтъ куначества (xenia), т.-е. союза гостепріимства, заключаемаго между двумя гражданами различныхъ общинъ и обезпечивающаго имъ взаимный пріемъ и покровительство. Эти куначества были наслѣдственными (см. Ил. VI 119 сл.). Со временемъ изъ нихъ развился институтъ проксеніи, т.-е. союзъ гостепріимства между гражданиномъ общины А и всей общиной Б, въ силу котораго каждый гражданинъ общины Б, въ случаѣ надобности, могъ найти пріемъ и покровительство у означеннаго гражданина общины А, взамѣнъ чего этотъ послѣдній пользовался разными почетными правами, вплоть до права переселенія, въ общинѣ Б (нѣчто родственное нашему консульству).

3. Независимо отъ этого, каждый пришелецъ могъ обезпечить себѣ безопасность, ставя себя подъ покровительство «Зевса просителей», Zeus hikesios. Самымъ дѣйствительнымъ обрядомъ такой «гикесіи» было—припасть съ зеленой вѣткой въ рукахъ къ алтарю Зевса или другого бога; если же такого поблизости не было, то—коснуться рукою колѣна, руки или подбородка лица, къ покровительству котораго пришелецъ обращался.

4. Наконецъ, были возможны и договоры между цѣлыми общинами, обезпечивающіе ихъ гражданамъ безопасность, а по желанію и самимъ общинамъ взаимную военную помощь. Договоръ скрѣплялся взаимной подачей рукъ, торжественными возліяніями (spondai; отсюда и самый договоръ такъ назывался) и призывомъ Зевса-блюстителя договоровъ (см. описаніе Ил. III 245 см.). Наличность договора имѣла видимымъ послѣдствіемъ то, что заключившія его общины сносились между собою безъ глашатаевъ.

Таковы были скромные зародыши позднѣйшаго международнаго права. Въ прочемъ же дѣйствовало право войны.

Примѣчаніе. Въ войнѣ тѣхъ временъ различаются слѣдующія дѣйствія: а) Битвы. Здѣсь въ переднихъ рядахъ сражались анакты, какъ единственные, владѣвшіе лошадьми, но — и это характерно для нашей эпохи—не верхами, а на колесницахъ, запряженныхъ парами,

при чемъ каждый боецъ имѣлъ рядомъ съ собой возницу, тоже изъ благородныхъ. Въ самомъ сраженіи они, однако, спѣшивались. Оборонительнымъ оружіемъ былъ шлемъ и огромный «микенскій» щитъ, свѣшивавшійся на перевязи съ шеи и защищавшій все тѣло; наступательнымъ — копье и мечъ (лукъ настоящими витязями употреблялся только для охоты). Прочіе воины, пѣшіе, своими массами поддерживали натискъ анактовъ. — б) Засады, въ которыхъ участвовали только отборные люди. — в) Набѣги, производимые ради добычи, м. пр., для прокормленія войска. Особенно опасными были морскіе набѣги, вслѣдствіе своей неожиданности и невозможности преслѣдовать хищниковъ. Такъ какъ имъ подвергались только побережія, то принято было большіе города основывать на нѣкоторомъ растояніи отъ моря (Микены, Троя, Аѳины и т. д.).—г) Осады укрѣпленныхъ городовъ. Здѣсь всѣ выгоды были на сторонѣ осажденныхъ, такъ какъ приспособленій къ разрушенію стѣнъ не было; при наличности съѣстныхъ припасовъ и воды они могли продержаться очень долго. Правда, съ другой стороны, что вслѣдствіе недостатковъ строительной техники стѣны не могли быть отвѣсными (такъ это предполагаетъ Гомеръ, и троянскія раскопки подтвердили это), такъ что при неожиданномъ нападеніи можно было взойти на нихъ. По легендѣ Троя осаждалась десять лѣтъ и была взята лишь путемъ хитрости.

Слѣдуетъ и здѣсь отмѣтить свѣтскій характеръ веденія войны. Конечно, побѣду даровалъ Зевсъ, которому и молились о ней, но того боязливаго испрашиванія божьяго согласія на каждое дѣйствіе, которое такъ тормозило веденіе войны въ историческую эпоху, ахейскій періодъ не зналъ.

Произволу побѣдителя не было положено никакихъ предѣловъ; взятый городъ разрушался, мужеское населеніе истреблялось, женщины и все имущество побѣжденныхъ поступали въ добычу. Но все же обычай повелѣвалъ 1) щадить святыни боговъ и 2) не препятствовать похоронамъ павшихъ въ бою.

§ 6. Нравственное сознаніе. Вся разсмотрѣнная въ настоящей главѣ область жизни ахейскаго періода подчинена, согласно сказанному выше, идеалу добра. Этотъ идеалъ на самой низкой ступени личнаго эгоизма проявляется въ борьбѣ за существованіе и за власть: добро совпадаетъ съ личной пользой, и высшимъ качествомъ человѣка считается то, посредствомъ котораго онъ можетъ легче и полнѣе всего доставить себѣ эту пользу. Это и есть aretê въ ея первоначальномъ значеніи; она вмѣщаетъ въ себѣ силу, мужество, ловкость и практическій умъ (не исключая хитрости), а также и красоту, обходительность и т. д., поскольку онѣ выдвигаютъ одного человѣка изъ среды другихъ. Нравственности во всемъ этомъ пока еще нѣтъ.

Но это стремленіе къ личной пользѣ уже на нашей ступени часто скрещивается съ противоположнымъ ему стремленіемъ—жертвовать личной пользой ради пользы другого человѣка въ силу нравственнаго долга. Спрашивается: что же является «санкціей» этого нравственнаго долга—т.-е. тѣмъ, ради чего мы исполняемъ его?

Первоначально санкціи не было никакой: человѣкъ поступалъ нравственно въ силу безсознательно повелительнаго голоса въ своей душѣ («категорическаго императива», какъ его называетъ Кантъ). Это объясняется отчасти тѣмъ, что человѣкъ на этой ступени чувствуетъ себя еще не отщепленной особью («онтономическое сознаніе»), а однимъ цѣлымъ со своимъ отцомъ и дѣдомъ, со своимъ сыномъ и внукомъ («филономическое сознаніе»). Категорическій императивъ совпадаетъ здѣсь съ «долгомъ крови»—здѣсь, но не вездѣ.

Но по мѣрѣ пробужденія къ сознательности, человѣкъ обязательно задаетъ себѣ вопросъ: «ради чего жертвую я своей пользой?»—и обязательно отвѣтитъ: «ради высшей пользы, т.-е. счастья» (eudaimonia). Императивная нравственность переходитъ въ нравственность евдемонистическую.

Это счастье человѣкъ представляетъ себѣ либо здѣсь, на землѣ, либо за предѣлами смерти; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ біологическій, во второмъ—эсхатологическій евдемонизмъ. Послѣдній по своей природѣ всегда религіознаго характера; но не всякая религія имѣетъ въ числѣ своихъ догматовъ эсхатологическій евдемонизмъ—и именно религія ахейскаго періода, какъ мы увидимъ, его не имѣла (ниже стр. 53). А впрочемъ, къ одной наградѣ за предѣлами смерти была чувствительна и гомеровская эпоха—именно къ посмертной славѣ, орудіемъ которой тогда была пѣсня. «Для того боги назначили горе данаямъ и Иліону и судили погибель людямъ, чтобы была пѣсня для потомства», говоритъ Алкиной Одиссею (Од. VIII 479). Это—характерная для всей античности черта: слава—высшая награда, забвеніе — самая тяжелая кара.

Напротивъ, біологическій евдемонизмъ можетъ быть религіознаго, но можетъ быть и не религіознаго характера.

Религіозный біологическій евдемонизмъ сводится къ признанію догмата, что за нравственное поведеніе богъ наградитъ человѣка счастьемъ на землѣ (точка зрѣнія древняго Израиля). Для зарожденія этого догмата требуется, чтобы сначала самъ богъ

былъ признанъ нравственной силой, а этого признанія мы въ нашу эпоху еще не имѣемъ. Богъ награждаетъ человѣка за оказываемое ему, богу, почтеніе (т.-е. за благочестіе; см. Ил. XXII 168 сл.) и караетъ за нанесенныя ему, богу, оскорбленія (гл. обр., за кощунство и клятвопреступленіе), но не за нравственное или безнравственное поведеніе вообще.

Нерелигіозный біологическій евдемонизмъ, въ свою очередь, можетъ имѣть двѣ санкціи: самобытную и общественную. Самобытная санкція сводится къ убѣжденію, что нравственность есть здоровье души и сама по себѣ служитъ наградой нравственному человѣку. Это—точка зрѣнія автономной нравственности; ея открытіе—безсмертная заслуга Платона, нашей эпохѣ до нея еще очень далеко. — Общественная санкція гласитъ: поступай нравственно, чтобы тебя уважали твои ближніе. Это, именно, та, которую мы встрѣчаемъ въ нашу эпоху (напр. Ил. IX 257). Теоретически она недостаточна (надлежитъ сравнить блестящую критику ея—а заодно и другихъ санкцій, кромѣ самобытной—которую далъ Платонъ въ началѣ II кн. его «Государства»), но практически сослужила человѣчеству немалую службу въ дѣлѣ его нравственнаго воспитанія.

Итакъ, мы можемъ сказать: нравственность ахейскаго періода, по скольку она не была чисто императивной, сводится къ нерелигіозному біологическому евдемонизму съ общественной санкціей.

Всякая санкція (и въ данномъ случаѣ — общественная) создаетъ рядъ нравственныхъ требованій, исполненіе которыхъ ставится условіемъ достиженія соотвѣтственной евдемоніи (въ данномъ случаѣ — общественнаго уваженія). Эти требованія бываютъ неизбѣжно и положительнаго, и отрицательнаго характера;—смотря, однако, по преобладанію тѣхъ или другихъ мы различаемъ нравственность (преимущественно) положительную и (преимущественно) отрицательную. Этимъ двумъ направленіямъ нравственнаго поведенія соотвѣтствуютъ два идеала, сообщающіе болѣе опредѣленную окраску высшему идеалу добра. Идеалъ положительной нравственности—aretê, переходящая по мѣрѣ развитія нравственной культуры отъ понятія «доблести» къ понятію «добродѣтели» (въ буквальномъ смыслѣ: «дѣланія добра»), ея средство—дѣятельность, ея отдѣльное проявленіе — подвигъ (katorthôma); это—идеалъ античный, общій всѣмъ эпохамъ. Идеалъ отрицательной нравственности—праведность; ея сред-

ство—воздержаніе, ея отдѣльное проявленіе—избѣжаніе проступка или грѣха (hamartêma); это — идеалъ фарисейскій (въ объективномъ смыслѣ этого слова).

Принципъ соревнованія («агонистическій»), столь характерный для античности, содѣйствовалъ положительному направленію ея нравственности, побуждая каждаго человѣка къ совершенію подвиговъ въ смыслѣ доблести или добродѣтели. Нравственныя требованія, сюда относящіяся, опредѣляли обязанности человѣка по отношенію къ богамъ, семьѣ, челяди, согражданамъ и пришлымъ гостямъ—различныя въ различныхъ случаяхъ.

Всякое нравственное требованіе предполагаетъ большую или меньшую способность человѣка исполнить его или не исполнить, т.-е. большую или меньшую свободу его воли. Догмату свободы воли противополагается догматъ ея связанности, которая можетъ быть либо внѣшней, либо внутренней. Ученіе о внѣшней связанности воли мы называемъ фатализмомъ («дѣлай что хочешь, но если тебѣ суждено убить твоего отца, то ты его убьешь».—Кѣмъ суждено?—Рокомъ, fatum, Мирой - Moira; см. ниже стр. 58); ученіе о внутренней связанности—детерминизмомъ («ты собственно ничего отъ себя не хочешь, такъ какъ твоя воля—необходимое слѣдствіе независимыхъ отъ тебя причинъ»). Фатализмъ можетъ быть либо безусловнымъ (приведенный примѣръ), либо обусловленнымъ («если ты родишь сына, то онъ тебя убьетъ—но ты можешь его и не родить»). Детерминизмъ тоже двухъ родовъ: онъ можетъ быть религіознымъ («моя воля—дѣйствіе вселившагося въ меня добраго или злого духа»; на наивысшей ступени отсюда развивается христіанское ученіе о благодати) или естественнымъ («моя воля—продуктъ естественныхъ задатковъ моего характера и внѣшней обстановки»).

Античность ахейской эпохи въ принципѣ признаетъ свободу человѣческой воли и слѣдовательно отвѣтственность человѣка за его дѣянія; все же она недостаточно оцѣниваетъ ея нравственное значеніе, ставя свой приговоръ о совершенномъ дѣяніи въ зависимость не отъ обнаруженной при его совершеніи злой воли, а отъ внѣшняго наличнаго факта. Такъ совершённое убійство, во всякомъ случаѣ, требовало возмездія, даже если оно было совершено нечаянно или безсознательно (Ил. XXIII 85 сл.).

Но наряду съ этимъ прогрессирующимъ сознаніемъ, которому принадлежало будущее, мы находимъ и элементы, и пережитки другихъ. Мы встрѣчаемъ фатализмъ—и, смутно, въ его без-

условномъ видѣ (Ил. VI 486 сл.) и, ясно и настойчиво, въ обусловленномъ (Од. I 32 сл.; очень важное мѣсто). Послѣдній особенно интересенъ, такъ какъ на немъ основано столь характерное для античной культуры вѣдовство (ниже стр. 60), сводящееся къ узнанію условій отвратимости злой судьбы. Мы встрѣчаемъ затѣмъ и детерминизмъ, какъ фактъ, смягчающій человѣческую отвѣтственность, и при томъ въ его религіозномъ видѣ. Человѣкъ замѣчалъ, что иногда «страсть» заставляла его поступать такъ, какъ онъ «не хотѣлъ» поступить и во вредъ ему же; въ этой независимой отъ него силѣ онъ усматривалъ извнѣ въ него вселяющагося злого духа—олицетворенный грѣхъ, Ату (Atê; см. интересную притчу о ней: Ил. XIX 90 сл.)

Но всѣ эти посторонніе элементы только ограничивали болѣе или менѣе принципъ свободы человѣческой воли, но не упраздняли его; онъ остался въ силѣ, какъ главный устой самосовершенствуемости человѣка, а стало быть и культурнаго прогресса.

Еще осталось отвѣтить на вопросъ о цѣнности жизни для человѣка ахейскаго періода. Отвѣтъ вообще можетъ быть двойной—положительный или отрицательный: первый мы называемъ оптимистическимъ, второй — пессимистическимъ. Пессимизмъ можетъ быть либо абсолютнымъ, либо относительнымъ, при чемъ послѣдній сводится къ низкой оцѣнкѣ земной жизни въ сравненіи съ той, которая насъ ждетъ за предѣлами смерти, и вполнѣ совмѣстимъ съ абсолютно положительной оцѣнкой первой. Для ахейской эпохи относительный пессимизмъ отпадаетъ (см. ниже стр. 53).

Какъ же отвѣчалъ ахеецъ на вопросъ о цѣнности жизни? Страннымъ образомъ—двояко: въ теоріи онъ—пессимистъ, на практикѣ—оптимистъ.

И все же это естественно. Теоретическій отвѣтъ дается тогда, когда человѣкъ, до тѣхъ поръ дѣйствующій, останавливается и озирается на свой жизненный путь. Онъ видитъ самое видимое—кругомъ невзгоды, впереди старость и смерть; онъ не видитъ силы собственнаго духа, данной ему для борьбы съ невзгодами, сокровенной радости жизни, вступающей въ сознаніе только при приближеніи насильственной смерти, и таинственныхъ филономическихъ узъ, связывающихъ насъ съ нашими дѣтьми и побѣждающихъ этимъ старость и смерть; подъ вліяніемъ этой иллюзіи онъ рѣшаетъ, что жить не стоитъ (слова Зевса Ил. XVII

446 сл.; притча о двухъ чанахъ Ил. XXIV 525 сл.). Но на практикѣ дѣйствуютъ именно эти несознаваемыя силы, заставляя насъ стремиться и творить, находить удовлетвореніе въ этой дѣятельности и не отдавать жизни безъ крайней борьбы. И дѣйствительно, самоубійство у Гомера почти не встрѣчается: гомеровскій человѣкъ изрѣдка рѣшается кончить съ собой подъ вліяніемъ страшнаго грѣха (Эпикаста, Од. XI 277) или страшнаго горя (Ахиллъ, Ил. XVIII 32 сл.), но никогда подъ вліяніемъ «разочарованія въ жизни», т.-е. несознаванія ея цѣнностей вслѣдствіе худосочности и разслабленности собственнаго организма.

Эти цѣнности съ точки зрѣнія ахейской эпохи суть слѣдующія: само чувство жизни и созерцаніе «милаго» свѣта; здоровье, сила и красота; умъ и сила воли; бракъ и дѣти (это— необходимое условіе счастія для каждой здоровой эпохи и мѣрило ея здоровья); уваженіе окружающихъ; достатокъ, пріемъ гостей и веселое общеніе съ ними, услаждаемое трапезой и пѣсней (Од. IX 1 сл.); хороводы; разсказы о прошломъ и о чужихъ краяхъ—и т. д. Все это—блага, тѣмъ выше стоящія въ оцѣнкѣ человѣка, чѣмъ здоровѣе онъ самъ; — а люди были такъ здоровы, что ихъ здоровья, сосредоточеннаго въ гомеровскихъ поэмахъ, хватило на много послѣдующихъ вѣковъ.

ГЛАВА II.

Наука.

§ 7. Наука—отраженіе истины въ человѣческомъ умѣ. Поскольку обнаруженіе истины—единственная задача научной работы, мы имѣемъ дѣло съ чистой наукой (epistêmê); поскольку эта задача подчинена другой—доставленію пользы—мы говоримъ о наукѣ прикладной (techné). Прикладными знаніями, въ большей или меньшей степени, обладали многіе народы древности; стремленіе къ чистой наукѣ мы находимъ только у грековъ, а затѣмъ у тѣхъ народовъ, которые переняли у нихъ ихъ культуру.

Примѣчаніе. Слѣдуетъ знать, что только наличность стремленія къ чистой наукѣ можетъ обезпечить прогрессъ также и наукѣ прикладной: на почвѣ чистой науки дѣлаются тѣ «открытья», за которыми слѣдуютъ практическія «изобрѣтенія» въ разныхъ областяхъ науки прикладной. Такъ, наука объ электричествѣ занимаетъ нынѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду прикладныхъ наукъ; но, конечно, никто не могъ этого ожидать отъ той игрушечной силы, которая дѣйствуетъ въ

потертомъ кускѣ янтаря (êlektron); ея изслѣдованіе было дѣломъ чистой науки, далекой отъ всякихъ утилитарныхъ соображеній. Это—примѣръ поучительный. «Наука—богатая невѣста, очень заманчивая для практически настроенныхъ жениховъ; но въ то же время она — гордая красавица, требующая, чтобы ее любили ради нея самой, а не ради ея приданаго».

I. Въ нашу эпоху прикладное знаніе должно было быть довольно развито, какъ это доказываетъ наличность скотоводства, земледѣлія, разныхъ ремеселъ, мореходства и т. д.; знаемъ мы о немъ очень мало. Укажемъ нѣсколько сюда относящихся фактовъ, интересныхъ для позднѣйшаго развитія также и чистыхъ наукъ.

1. Скотоводство вмѣщало въ себѣ заботу о пріисканіи полезныхъ для кормленія скота травъ и растеній. Таковыя назывались по-гречески (отъ boton «скотина»)—botánai; посвященная имъ прикладная наука стала однимъ изъ обоихъ корней «ботаники» (о другомъ ниже подъ 6).

2. Искусство вѣдовства религіи Зевса, поскольку оно основывалось на толкованіи полета и голосовъ птицъ, заставляло людей внимательно слѣдить за ихъ жизнью (Эсх. Пром. 488 сл.); это дало толчекъ къ развитію орнитологіи, первой по времени отрасли зоологіи.

3. Равнымъ образомъ, искусство вѣдовства по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ внушило людямъ интересъ къ анатоміи, ставшей позднѣе основой медицины.

4. Земледѣліе, превращая землю въ частную собственность, неизбѣжно повело къ возникновенію землемѣрія, т.-е. геометріи; правда, есть основаніе предполагать, что слабыя самостоятельныя попытки въ этомъ направленіи въ нашу эпоху — были отодвинуты на задній планъ болѣе совершенной техникой египтянъ, основанной на опытѣ тысячелѣтій. Но это случилось лишь въ слѣдующую эпоху.

То же земледѣліе, поскольку оно сводилось къ культурѣ опредѣленныхъ овощей, злаковъ и деревьевъ, должно было содѣйствовать и интересу къ ботаникѣ. Но за ограниченностью предметовъ, это содѣйствіе въ области систематической ботаники не могло быть значительнымъ.

5. Мореходство обратило взоры человѣка къ небу. Пути солнца опредѣлили четыре главныхъ направленія. Ясное ночное небо научило отличать всегда занимающую (почти) то же мѣсто

и не погружающуюся въ море Медвѣдицу отъ прочихъ созвѣздій; мѣсто, которое она занимала на небѣ, такъ и было названо (Arktos «медвѣдица»—«сѣверъ», отсюда «арктическій»); имъ руководились пловцы, направляя бѣгъ судна въ открытомъ морѣ. А впрочемъ, такъ какъ не всегда можно было поручиться за ясность неба, а его облачность при отсутствіи компаса ставила кормчаго въ безвыходное положеніе (ср. Горацій, оды II 16 нач.), то всегда предпочитали плыть вдоль береговъ—такъ дѣло обстояло въ теченіе всѣхъ періодовъ античности. Было далѣе замѣчено, что восходы и закаты созвѣздій — вечерніе и утренніе—приходятся въ одно и то же время года; этимъ воспользовалось земледѣліе для опредѣленія времени полевыхъ работъ и созданія примитивнаго календаря (записаннаго позднѣе Гесіодомъ, ниже II § 16). И еще была замѣчена правильность лунныхъ движеній и фазисовъ, что повело къ празднованію новолуній и обычаю считать по нимъ дни. Изъ планетъ обратили на себя вниманіе звѣзда вечерняя (Hesperos) и утренняя (Phôsphoros); открытіе ихъ тожества было сдѣлано лишь позднѣе.

То же мореходство, при безпримѣрно выгодныхъ условіяхъ греческихъ морей (выше стр. 23), возбудило интересъ къ далекимъ странамъ, котораго другіе культурные народы древности были совершенно лишены, и положило, такимъ образомъ, начало географіи. Правда, въ нашу эпоху результаты географической науки, сосредоточенные въ путешествіяхъ Аргонавтовъ и Одиссея, были довольно фантастичны; тѣмъ не менѣе, и они сослужили свою службу наукѣ, подзадоривая пытливость позднѣйшихъ людей и заставляя ихъ отыскивать сказочныя страны пѣвцовъ.

6. Самостоятельной съ самаго начала наукой была медицина, т.-е. искусство врачеванія; она—единственная, имѣвшая своихъ спеціальныхъ ученыхъ, «Асклепіадовъ»—врачей, которые, по сословному дѣленію, были причислены къ «ремесленникамъ» (выше стр. 32), что, впрочемъ, не мѣшало ставить врача очень высоко (ср. знаменитый среди врачей стихъ Ил. XI, 514). Главнымъ условіемъ было знаніе цѣлебныхъ травъ, безъ которыхъ не обходилась и хирургія; такъ-то развилась фармакопея, второй главный корень ботаники (выше подъ 1). Поразителенъ при этомъ чисто секулярный характеръ этой древнѣйшей греческой медицины, т.-е. отсутствіе всякаго магическаго элемента: на столько ранъ, упоминаемыхъ въ Иліадѣ, ни одного заговора,

исключительно раціональныя средства лѣченія (ср. особ. Ил. IV 213 сл); даже сыновья Асклепія (Эскулапа), ахейскаго бога-врачевателя, лѣчатъ только «ласковымъ зеліемъ». Заговоръ встрѣчается только въ одномъ позднемъ мѣстѣ Одиссеи (XIX, 457)—результатъ сакрализаціи, наступившей также и въ области медицины въ слѣдующій періодъ.

У насъ преддверіемъ ко всякому образованію считается усвоеніе «грамоты», т.-е. письменъ (греч. grammata). Существовали ли таковыя въ ахейскій періодъ? Вопросъ этотъ былъ спорнымъ, пока на него приходилось отвѣчать на основаніи гомеровскихъ свидѣтельствъ (гл. обр., Ил. VI, 168); теперь онъ окончательно рѣшенъ въ положительную сторону: въ «дворцѣ Миноса» въ Кноссѣ найдено множество исписанныхъ глиняныхъ табличекъ. Внимательное ихъ изученіе показало, что мы имѣемъ здѣсь даже двѣ системы письменъ, болѣе древнюю и болѣе новую; но прочесть ихъ пока не удалось. Повтореніе нѣкоторыхъ знаковъ наводитъ на мысль, что это были цифры; а если такъ, то вѣроятно, что эта «библіотека царя Миноса» содержала опись его кладовыхъ. Но и это пока лишь догадка.

II. О чистой наукѣ въ нашу эпоху мы еще менѣе можемъ сказать—гомеровская поэзія ею мало интересуется. Все же, она ее предполагаетъ. Сирены соблазняютъ Одиссея—въ соотвѣтствіи съ его характеромъ, какъ было замѣчено уже древними—обѣщаніемъ разсказать ему о дѣяніяхъ прошлаго и обо всемъ, что происходитъ на кормилицѣ-землѣ (Од. XII 184 сл.).

Главное—это представленіе о мірозданіи. Солнце для грека восходитъ съ моря и, заходя, погружается въ море. Итакъ (правда, логика тутъ не очень выдержана) земля—это плоскость, отовсюду окруженная рѣкой Океаномъ, волны котораго въ круговоротѣ возвращаются на прежнее мѣсто, почему онъ и названъ «вспять текущимъ». За Океаномъ тоже есть земли, но онѣ уже не освѣщаются солнцемъ. Тамъ, гдѣ это солнце восходитъ и погружается, Океанъ естественно окрашенъ въ багровый цвѣтъ; это—(сказочное) Чермное море. Прибрежные жители вслѣдствіе непосредственной близости солнца и сами соотвѣтственной окраски; это—эѳіопляне (Aithi-opes, «огнеликіе»). Особую проблему заключало въ себѣ явленіе, что солнце, погружаясь на западѣ, восходитъ на востокѣ; его пока объясняли тѣмъ, что богъ-Солнце (Гелій), днемъ разъѣзжающій на сверкающей колесницѣ по небесной «тверди», ночью, омывшись въ Океанѣ, по немъ же

на челнокѣ совершаетъ невидимый для насъ переѣздъ съ запада на востокъ. Сама твердь покоится на столбахъ, не дающихъ ей упасть въ море; эти столбы на западѣ охраняетъ исполинъ Атлантъ (Atlas: отсюда позднѣе имена горы Атласа, Атлантическаго океана и нашихъ звѣздныхъ и земныхъ «атласовъ»). Усѣяна эта твердь созвѣздіями, между которыми Гелій отыскиваетъ свой путь; изъ нихъ только Медвѣдица лишена возможности омываться въ купели Океана, что подало поводъ къ красивому миѳу о Каллисто̀; остальныя ею пользуются... Тутъ пытливый слушатель могъ спросить, какъ это звѣзды, при наличности раздѣляющихъ столбовъ, тѣмъ не менѣе вращаются и погружаются въ море, и почему онѣ, закатываясь на западѣ, восходятъ съ востока; но нельзя же было все знать. А впрочемъ, вѣроятно, именно такого рода вопросы повели къ оставленію только что развитой наивной гипотезы и къ замѣнѣ ея болѣе раціональной, что случилось въ слѣдующемъ періодѣ.

ГЛАВА III.

Искусство.

Какъ въ наукѣ стремленіе къ истинѣ, такъ въ искусствѣ стремленіе къ красотѣ на раннихъ ступеняхъ отступаетъ передъ стремленіемъ къ пользѣ: какъ тамъ прикладная наука, такъ здѣсь вначалѣ прикладное искусство стоитъ на первомъ планѣ. Это замѣчается въ обѣихъ главныхъ категоріяхъ искусства.

§ 8. Изобразительныя искусства. А. Архитектура. Такъ какъ храмовъ въ нашу эпоху не было (ниже стр. 59), то архитектура была чисто свѣтскимъ искусствомъ; ея высшей задачей была постройка и украшеніе царскихъ дворцовъ. Раскопки послѣднихъ десятилѣтій обнаружили богатыя развалины таковыхъ (особ. въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѳѣ, Кноссѣ и Фестѣ) и дали намъ этимъ драгоцѣнныя иллюстраціи къ гомеровскимъ описаніямъ (особ. дворца Одиссея въ послѣднихъ пѣсняхъ посвященной ему поэмы).

Во дворцѣ, строительнымъ матерьяломъ котораго были отчасти каменныя квадры, отчасти сушеные на солнцѣ кирпичи—главнымъ предметомъ архитектуры была, разумѣется, хорома (megaron, выше стр. 27). Свѣтъ проникалъ въ нее отчасти черезъ входъ, отчасти черезъ выемку надъ очагомъ. Входъ былъ со двора на

который выходили обѣ продольныя стѣны хоромы своими передними концами. Эти концы въ видахъ прочности были облицованы деревянными досками, чѣмъ была создана важная для древняго зодчества архитектурная форма—т. наз. анта. Пространство между обѣими антами было открытымъ, такъ что явилась необходимость въ подпоркахъ для потолка и крыши. Такъ возникла (древняя) колонна. Замѣчательно, однако, что эта ахейская колонна была вверху шире и суживалась книзу; это слѣдуетъ, вѣроятно, объяснить тѣмъ, что первоначальнымъ образцомъ дома была пещера, въ которой отверстія суживались вверху, вслѣдствіе чего простѣнки между ними (образцы позднѣйшихъ колоннъ) вверху расширялись. На колоннахъ съ антами и стѣнахъ покоился потолокъ, благодаря системѣ скрещивающихся подъ прямымъ угломъ брусьевъ. Непосредственно лежащій на антахъ и колоннахъ поперечный брусъ (позднѣе т. наз. архитравъ) поддерживалъ концы продольныхъ брусьевъ, торцовыя грани которыхъ были облицованы и украшены въ видѣ, позднѣе т. наз., триглифовъ; прямоугольныя пространства между ними (т. наз. метопы) можно было оставить незаполненными, въ каковомъ случаѣ они образовали маленькія окна; если же ихъ заполняли, то служившія для этого доски напрашивались на украшеніе. Намъ сохранились образцы декораціи этихъ метопъ: двѣ лежащія другъ противъ друга горизонтальныя пальметки.

Какъ суживающаяся книзу колонна, такъ и горизонтальная пальметка противорѣчатъ структивной идеѣ той и другой, доказывая намъ этимъ, что въ ахейскій періодъ греческая архитектура еще не пришла къ сознанію самой себя.

Вторымъ архитектурнымъ типомъ ахейскаго періода была гробница, т.-е. тоже жилище, только не живыхъ, а мертвыхъ. Такъ какъ уходъ за покойниками былъ религіознымъ долгомъ, а религія консервативна, то гробница ахейскаго періода сохранила древнѣйшую форму круглаго дома, который въ зданіяхъ живыхъ уступилъ мѣсто прямоугольной хоромѣ. Засыпанная землей, она извнѣ представлялась курганомъ; велъ къ ней, разрѣзая насыпь, каменный коридоръ (dromos); отсюда былъ входъ въ главное помѣщеніе, покрытое куполомъ. Этотъ куполъ былъ, однако, не настоящимъ (какъ въ римскую эпоху), а ложнымъ, т.-е. онъ былъ образованъ не вертикально-клинообразнымъ сѣченіемъ камней, а постепеннымъ суживаніемъ колецъ при горизонталь-

ной ихъ кладкѣ. Лучшій примѣръ—т. наз. «сокровищница Атрея» въ Микенахъ.

Б. Скульптура дѣлится на статуарную и рельефную; изъ нихъ первая сама себѣ служитъ цѣлью, вторая украшаетъ данный ей фонъ. Изъ сказаннаго во вступительныхъ словахъ ясно, почему въ нашъ періодъ только вторая достигла нѣкотораго развитія.

Статуарная скульптура не имѣла достойнаго объекта уже потому, что нашъ періодъ наравнѣ съ храмами не признавалъ и кумировъ боговъ; крупныхъ статуй не изготовляли вовсе, а только мелкія, т.-наз. статуетки—обязательно женскія фигурки, повидимому, культоваго характера. Ихъ мы можемъ прослѣдить за долгій періодъ времени отъ грубыхъ глиняныхъ идоловъ безъ обозначенія рта, въ которыхъ огромныя брови, окружающія совиные глаза, смыкаются подъ острымъ угломъ, образуя нѣчто въ родѣ носа—до изящныхъ, кокетливо одѣтыхъ и пріосанившихся куколокъ.

Интереснѣе для насъ рельефная скульптура и примыкающая къ ней глиптика (т.-е. искусство врѣзывать изображенія въ печати, такъ что рельефъ получался въ восковомъ оттискѣ)—отрасль средняя между ваяніемъ и живописью. Она достигла уже значительнаго совершенства въ изображеніи цѣлыхъ бытовыхъ сценъ—процессій, осады города, охоты и т. д., съ преобладаніемъ также и здѣсь свѣтскаго элемента. Особенно хорошо и почти безукоризненно изображеніе животныхъ; въ попыткахъ передать человѣческое тѣло и его движенія насъ поражаетъ, кромѣ неизбѣжнаго несовершенства въ очертаніяхъ самихъ фигуръ, еще преувеличенная страстность, повидимому, ненамѣренная. Очень замѣчателенъ фактъ, что уже въ то время любили изображать рельефныя фигуры не только на гладкомъ, но и на ландшафтномъ и архитектурномъ фонѣ,—позднѣе отъ этого отказались. Такъ-то у насъ теперь есть наглядныя иллюстраціи къ гомеровскимъ описаніямъ, особенно къ классическому описанію щита Ахилла (Ил. XVIII, 478 сл.).

В. Живопись въ сохраненныхъ намъ памятникахъ распадается на два крупныхъ отдѣла: вазопись и стѣнопись.

Вазопись, т.-е. роспись, б. ч., одноцвѣтная, глиняныхъ сосудовъ, вмѣстѣ съ изученіемъ ихъ формъ и техники изготовленія составляетъ содержаніе т. наз. керамики (отъ keramos—«глина»), памятники которой начинаются съ древнѣйшихъ временъ культуры человѣчества. Первоначально плетеная круглая корзина изъ древесныхъ вѣтокъ обмазывалась глиной въ видахъ

плотности и непромокаемости; таково было примитивное ведро. Затѣмъ научились дѣлать такіе сосуды и изъ одной глины, руками, при чемъ часто память о древесныхъ вѣткахъ сохранилась въ намалеванномъ изображеніи таковой (т. наз. «художественный пережитокъ»); такъ возникло искусство орнаментики вазъ. Затѣмъ изобрѣли гончарный кругъ, съ помощью котораго сумѣли придать вазѣ математическую правильность въ очертаніяхъ; узоры разнообразятся, причемъ особенно часто встрѣчается спиральный орнаментъ, затѣмъ стилизованныя растительныя и животныя формы (особенно популярный въ нашу эпоху полипъ) и, наконецъ, человѣкъ. Правда, изображеніе послѣдняго еще очень несовершенно (ср. микенскую «вазу воиновъ»): наивные контуры съ непомѣрно длинными ногами, угловатыя движенія. Но все же была достигнута ступень много выше той, съ которой пришлось начать культурѣ слѣдующей эпохи.

Еще выше стоитъ стѣнопись, образцы которой сохранились во дворцахъ Тиринѳа и Крита — каковаго преимущества мы для обѣихъ слѣдующихъ эпохъ лишены. На свѣжей известковой стѣнѣ пишутся всякаго рода изображенія разбавленными водой красками, которыя по мѣрѣ высыханія, благодаря процессу кристаллизаціи извести, прочно скрѣпляются со стѣной; это и есть стѣнопись al fresco (т.-е. по «свѣжей» стѣнѣ). Сюжетъ «фресокъ» нашей эпохи—родственный тѣмъ, которые намъ представляетъ рельефная скульптура; но благодаря ли большей свободѣ самой техники, или тому, что художники, приглашаемые царями для росписи ихъ дворцовъ, стояли выше, а только въ стѣнописи мы имѣемъ наивысшую ступень въ изображеніи человѣческаго тѣла, которая была достигнута въ нашу эпоху. Особенно хорошо передаются очертанія мускуловъ рукъ и ногъ. Правда, съ одной условностью мы имѣемъ дѣло и здѣсь: при изображеніи лица въ профиль глазъ представленъ en face. Но отъ нея живопись вообще освободилась только въ аттическій періодъ.

§ 9. **Мусическія искусства.** Въ началѣ развитія стоитъ, разумѣется, та хорея, о которой рѣчь была выше стр. 9. Мы находимъ ее въ двухъ разновидностяхъ, которыя вмѣстѣ образуютъ оба корня античной и вообще европейской поэзіи: пѣсни обрядовой и пѣсни рабочей.

А. Обрядовая пѣснь, соединенная съ пляской,—одинъ изъ актовъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ стремится склонить бога

къ себѣ; ея первоначальная цѣль, поэтому, польза. Расчетъ при этомъ двоякій, смотря по тому, на какой ступени религіозно-культуры стоятъ сами исполнители. Первоначально, вѣроятной имѣлось въ виду связывающее магическое дѣйствіе облеченнаго въ напѣвъ, слово и жестъ ритма, которое каждый могъ испытать на себѣ; хорея была заклинаніемъ, посредствомъ котораго человѣкъ мнилъ подчинить бога своей волѣ. На болѣе высокой ступени это представленіе должно было показаться несовмѣстимымъ съ признанной превосходящей силой бога; возникло желаніе снискать его милость усерднымъ служеніемъ, хорея стала молитвой. Чтобы снискать милость бога, старались его обрадовать хореей: радующій же ея элементъ состоялъ въ ея красотѣ. По мѣрѣ усиленія этого элемента религіозная хорея стала искусствомъ. Таковымъ она и была въ гомеровскую эпоху: пѣвецъ подчеркиваетъ (Ил. I, 473), что молящіеся поютъ «прекрасный» пэанъ богу, и что онъ «наслаждался, внимая ему».

При этомъ, замѣчательно религіозное освященіе также и пляски; благодаря ему также и эта третья часть хореи въ теченіе всей жизни античнаго міра стояла на такой культурной высотѣ, которой она потомъ никогда болѣе не достигла.

Б. Рабочая пѣсня имѣетъ въ своей основѣ—разумѣется, несознаваемое—облегченіе физическаго труда путемъ внесенія въ него ритма; такимъ образомъ и здѣсь первоначальный расчетъ—польза. И она была хореей; пляску въ ней замѣняли ритмическія движенія, требуемыя самой работой—размѣренное хожденіе марширующихъ воиновъ (какъ разъ такой маршъ подъ пѣсню изображенъ на одномъ рельефномъ сосудѣ), ткущей женщины у кросенъ, сѣятелей и т. д., размѣренное движеніе рукъ у мукомолки, пряхи, и т. д. Содержаніе же пѣсни могло быть самое различное—фантазіи была предоставлена полная свобода.

Таково зарожденіе поэзіи. Двѣ силы призвали ее къ жизни—молитва и работа; девизомъ ея дѣтства было ora et labora.

Совмѣстное развитіе всей хореи можетъ быть нами установлено только для слѣдующей эпохи; нашей принадлежитъ только развитіе двухъ ея частей, поэзіи съ музыкой, поведшее къ возникновенію былевой поэзіи. Такъ, Ахиллъ во время своего бездѣйствія услаждаетъ душу, воспѣвая «славу мужей» подъ аккомпанементъ непритязательнаго струннаго инструмента, такъ называемой форминги (Ил. IX, 186 сл.); особаго сословія пѣвцовъ тогда еще не было.

ГЛАВА IV.

Религія.

Древнѣйшей великой религіей Греціи была религія Зевса; ея расцвѣтомъ былъ нашъ періодъ. Ей предшествовала хронологически неопредѣлимая религія примитивизма, состоявшая изъ двухъ частей: анимизма (т.-е. признанія человѣческой души) и аниматизма (т.-е. признанія одушевленности природы). Такъ какъ они и въ историческую эпоху были очень живучи, то мы должны заняться также и ими.

§ 10. **Анимизмъ.** А. Его догматъ гласитъ въ самой общей формѣ такъ: въ тѣлѣ каждаго человѣка обитаетъ душа, какъ принципъ его физической жизни и носительница его разума, чувства и воли. Представленія о ней могутъ быть слѣдующія.

1. Душа-геній (genius), т.-е. какъ принципъ жизни тѣла, не представляемый подъ особой формой и гибнущій вмѣстѣ съ нимъ. Она предполагается обитающей въ особо важныхъ для жизни тѣла частяхъ: сердцѣ, печени, діафрагмѣ (phrenes), почкахъ, крови. Это представленіе получило особое развитіе у римлянъ (ниже ч. IV, отд. Б, гл. IV).

2. Душа-духъ (psychê, anima), покидающая тѣло въ минуту смерти, какъ облачко, въ послѣднемъ дыханіи.

3. Душа-идолъ (eidôlon) обитающая въ тѣлѣ въ формѣ куколки, видной черезъ зрачокъ (который поэтому называется korê, pupilla), и въ той же формѣ его покидающая (такъ объясняли помутнѣніе зрачка въ минуту смерти).

4. Душа-тѣнь, живущая самобытно послѣ смерти тѣла, какъ его безплотное подобіе, и въ этомъ видѣ навѣщающая живыхъ (чѣмъ объясняются явленія сна и галлюцинаціи).

Изъ этихъ четырехъ представленій послѣднія три образуютъ особую группу, противоположную первому, поскольку здѣсь душа предполагается живущей также отдѣльно отъ тѣла и, слѣдовательно, имѣющей свою особую форму. Такое представленіе мы называемъ трансцендентнымъ; то первое—имманентнымъ. Греки рано (въ противоположность римлянамъ) перешли отъ имманентнаго представленія къ трансцендентному; примиряя между собою формы 2—4, получившіяся каждая изъ особой серіи наблюденій, они полагали, что душа въ минугу смерти покидаетъ тѣло въ его послѣднемъ дыханіи въ видѣ куколки, а затѣмъ, доросши до его натуральной величины, живетъ въ

видѣ его призрака. Итакъ, они уже тогда допускали переживаніе (но еще не безсмертіе) души.

Б. Дальнѣйшія представленія о жизни отдѣленной отъ тѣла души сотканы изъ послѣдовательныхъ развитій двухъ противоположныхъ другъ другу и все-таки одинаково живучихъ основныхъ представленій: 1) объ ея безпомощности и 2) объ ея—преимущественно вредоносной—силѣ.

1. Душа безпомощна, такъ какъ она, сохраняя тѣ потребности, носительницей которыхъ она была при жизни тѣла, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ лишалась средствъ къ ихъ удовлетворенію. Поэтому это ихъ удовлетвореніе должно быть заботой живыхъ и, прежде всего, сына. Отсюда крайне строгое отношеніе общественнаго мнѣнія къ этому долгу благочестія сыновей по отношенію къ умершимъ родителямъ; отсюда также, при отсутствіи родныхъ сыновей, обычай усыновленія. Этотъ долгъ благочестія состоялъ изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ обязанностей:

а) Обязанности похоронъ, т.-е. преданія землѣ несожженнаго трупа. Въ ней три части: выставленіе (prothesis) тѣла на катафалкѣ, чтобы съ нимъ можно было проститься, его выносъ (ekphorá) на мѣсто погребенія и, наконецъ, само погребеніе (taphê). Всѣ три акта сопровождались приношеніемъ даровъ (волосъ, тканей и т. д.) и особенно—заупокойнымъ плачемъ, который въ нашу эпоху былъ очень изступленнымъ (удары въ грудь, царапаніе лица до крови и т. д.), но разсматривался, главнымъ образомъ, какъ дань покойнику и могъ поэтому совершаться равнодушно (плакальщицы) и даже враждебно (подневольные) настроенными людьми.

б) Обязанности поминокъ. Душа предполагалась живущей тамъ, гдѣ покоилось тѣло, вслѣдствіе чего гробницѣ и давали видъ человѣческаго жилища (выше стр. 48). Туда ей приносили предметы, которые она любила при жизни: мужчинамъ — оружіе, женщинамъ — украшенія (счастливое для насъ обстоятельство); здѣсь же ее въ поминальные дни кормили и поили. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого ухода былъ обычай поминальныхъ игръ, т.-е. состязаній—высшаго удовольствія для живыхъ и значитъ тоже для умершихъ. Это — обрядность нормальная, относящаяся къ умершимъ естественной смерью. Если же покойникъ палъ жертвой убійства, то первымъ долгомъ наслѣдника былъ долгъ кровавой мести, смягченной, впрочемъ, въ гомеровскую эпоху разрѣшеніемъ принимать виру (выше стр. 35).

2. Но душа, въ то же время, обладаетъ таинственной силой, отчасти благодѣтельной, отчасти и главнымъ образомъ вредоносной.

а) Ея благодѣтельная сила состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что она, какъ пріобщенная къ подземнымъ божествамъ, вмѣстѣ съ ними «возсылаетъ блага» изъ нѣдръ земли (урожай, клады и т. д.) и, во-вторыхъ, въ томъ, что она, какъ существо вѣщее, можетъ удѣлить своего знанія живущимъ. Она дѣлаетъ это часто добровольно, навѣщая ихъ ночью во снѣ сама, или же посылая имъ вообще сновидѣнія, такъ какъ и эти послѣднія (oneiroi) представляются живущими подъ землей, въ общеніи съ душами умершихъ. Отсюда очень распространенный видъ вѣдовства— толкованіе сновъ (онирокритика). Считалось, однако, возможнымъ посредствомъ магическихъ заклятій вызывать душу умершаго изъ могилы для предложенія ей вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ было доступно ея вѣщей силѣ (некромантія); сравнить внушительную сцену у Эсхила въ «Персахъ» 623 сл. (вызовъ души царя Дарія).

б) Ея вредоносная сила сказывается въ ея способности вызывать у людей, путемъ незримаго прикосновенія, загадочныя болѣзни, помѣшательство и смерть. Особенно дѣйствительной предполагалась эта сила у безвременно и притомъ насильственно погибшихъ (aôroi). Такая душа была не только сильной, но и злобной и мстительной; ее называли Эриніей (Erinys). Она и сама была страшна убійцѣ и, сверхъ того, слѣдила за тѣмъ, чтобы ближайшій родственникъ ревностно исполнилъ лежащій на немъ долгъ мести.

Въ дальнѣйшемъ развитіи Эринія обособилась отъ души убитаго, оставаясь, однако, «его» Эриніей, мстящей за его обиду; а затѣмъ и эта связь утерялась, и Эринія (или Эриніи) стала просто грознымъ божествомъ, карающимъ людей за преступленія противъ крови, и подъ конецъ—блюстительницей равновѣсія въ нравственномъ и физическомъ мірѣ (Ил. XIX, 418).

§ 11. **Аниматизмъ.** А. Его догматъ гласитъ такъ: явленія окружающей насъ природы объясняются наличностью въ ней такихъ же душъ, какъ и наша. Все одушевлено: и животныя, и деревья, и зрѣющая нива, и горный склонъ, и родники, рѣки, море, и грозовыя тучи—вплоть до камня, убившаго человѣка, или сѣкиры, послужившей орудіемъ его убійства; есть души животныя, растительныя, стихійныя (и т. п.) и предметныя.

Эти души на начальной ступени предполагаются обитающими въ одушевленной ими части природы и, стало-быть, при ея уничтоженіи (поскольку таковое возможно) уничтожаемыми; это согласно вышесказанному (выше стр. 52) имманентныя природныя души. На этой ступени онѣ, не имѣя каждая своей особой формы, подлежатъ и дифференціаціи, и интеграціи: я имѣю дѣло съ душею отдѣльнаго дерева (дифференціація), если я благодаренъ именно ему (маслинѣ напр.) за его богатый урожай; но я могу одушевить и цѣлую рощу, если я, ободренный ея прохладой, проникнусь къ ней дружелюбнымъ чувствомъ, стремящимся вылиться въ религіозную форму. Идя далѣе въ томъ же направленіи, т.-е. въ направленіи интеграціи, человѣкъ одушевлялъ всю совокупность явленій земной природы и получалъ единую душу божественной Земли (Gaia); поступая также съ небесными явленіями свѣта, грозы и дождя, онъ получалъ единую душу неба — Зевса (Zeus).

Дальше этого дуализма народная религія не пошла; когда же онъ былъ достигнутъ, получилась первая греческая религія высшаго порядка—религія Зевса (ниже § 12).

Дальнѣйшее развитіе чистаго аниматизма состояло въ томъ, что имманентное представленіе перешло въ трансцендентное, т.-е. природныя души стали представляться живущими и внѣ одушевляемой ими среды и, стало-быть, не связанными съ нею и обладающими каждая своею формой. Что же это была за форма? Мы различаемъ тутъ три ступени:

1. Теріоморфическихъ (thêriomorphos), т.-е. звѣреподобныхъ божествъ—поскольку извѣстныя животныя служили самыми наглядными олицетвореніями тѣхъ качествъ, которыя казались воплощенными въ данныхъ частяхъ природы. Таковыми были: медвѣдь (дикій лѣсъ: Артемида), лань (ласковая роща: тоже Артемида), конь (волнующееся море: Посидонъ), кобыла (волнующаяся нива: Деметра), быкъ (стремительный потокъ) и т. д На этой ступени и Земля представлялась—на то она и «кормилица»—какъ корова и, слѣдовательно, и оплодотворяющій ее своимъ дождемъ и свѣтомъ Зевсъ, какъ быкъ. Слѣдуетъ замѣтить, что эта ступень была повсюду въ Греціи преодолѣна; мы знаемъ ее только по пережиткамъ.

2. Миксантропическихъ (mixanthrôpos), т.-е. смѣшанныхъ божествъ—переходная ступень. Нѣкоторыя божества низшаго порядка на ней застыли; таковы Панъ (полукозелъ: на-

горная роща), сатиры (тоже), кентавры (полукони: горные потоки), тритоны (полурыбы: морскія волны). Характерно для Греціи то, что на этой ступени голова и грудь представлялись человѣческими и только нижняя часть тѣла звѣриной (въ Египтѣ наоборотъ).

3. Антропоморфическихъ (anthrôpomorphos), т.-е. человѣкоподобныхъ божествъ. На этой ступени мы находимъ всѣхъ высшихъ боговъ уже въ гомеровскую эпоху; только нѣкоторые пережиточные эпитеты («совоокая» Аѳина, «волоокая» Гера) напоминаютъ о забытыхъ эпохахъ теріоморфизма и миксантропизма. Съ особой охотой грекъ населилъ всю ласковую природу чарующими образами своихъ нимфъ; дерево получило свою дріаду, родникъ свою наяду, нагорная поляна свою ореаду—все это были благодѣтельныя и прекрасныя существа и, главнымъ образомъ, благодаря имъ греческая религія стала настоящимъ откровеніемъ красоты.

Б. Отношеніе человѣка къ природнымъ душамъ опредѣляется въ большинствѣ случаевъ той пользой, которую онъ желаетъ получить отъ нихъ: чтобы нивы и горныя пастбища были тучны и обильны, родники не изсякали, рѣки не затопляли полей, грозовая туча не убивала людей и т. д. Для обезпеченія себѣ этой пользы человѣкъ прибѣгалъ на низменной ступени къ заклинанію, на высшей—къ молитвѣ, приношеніямъ и обѣтамъ Заклинанія относятся къ широкой области магіи—древнѣйшей формы религіозной обрядности. Магію мы дѣлимъ на двѣ области—магію уподобительную и магію симпатическую. Пріемы уподобительной магіи въ религіи аниматизма сводятся къ тому, чтобы принять самому видъ соотвѣтственнаго божества и въ этомъ видѣ воздѣйствовать на управляемую имъ часть природы; такъ наряжались козлами или лошадьми для того, чтобы внушить плодородіе пастбищамъ и нивамъ и т. д. Отсюда распространенные у всѣхъ народовъ обходы ряженыхъ — обычай, очень богатый будущностью именно въ Греціи.—Практики симпатической магіи имѣютъ въ своей основѣ убѣжденіе, что цѣлое испытываетъ то, что творится надъ его частью и т. под. (что, напр., сжигая отрѣзанную у человѣка прядь волосъ, я причиняю мученія ему самому); къ нашей области она прямого отношенія не имѣетъ.

Молитва состоитъ обыкновенно изъ трехъ частей; 1) призыва божества, обставленнаго по возможности пышно съ нагроможде-

ніемъ именъ и эпитетовъ (т. наз., theologia), такъ какъ полагали, что божество это любитъ; 2) выраженія своего пожеланія (euchê) и 3) санкціи, т.-е. указанія того, ради чего божество должно исполнить молитву. Именно въ этой санкціи сказывается ступень религіозной культуры. На наивной ступени человѣкъ санкціонируетъ свою молитву ссылкой на свои прежнія заслуги передъ божествомъ или обѣщаніемъ таковыхъ въ будущемъ (въ этомъ случаѣ молитва сводится къ обѣту); на болѣе высокой, наоборотъ, ссылкой на раньше оказанную ему божествомъ милость, или на его милость вообще. Образцы молитвъ: съ наивной санкціей—Хриса (Ил. I, 37 сл.), съ болѣе возвышенной—Діомеда (Ил. V, 115 сл.).

Приношенія могутъ быть различныхъ родовъ, такъ какъ обо всемъ, что тѣшитъ человѣка, полагали, что оно тѣшитъ и божество; самымъ обычнымъ было возліяніе (spondê) масла, вина или меда на кору дерева, въ углубленіе скалы, въ родникъ или рѣку. Затрудненіе представляли неприступныя небесныя божества; оно было разрѣшено съ изобрѣтеніемъ огненной жертвы, при которой дымъ уносилъ въ небеса и чадъ тука жертвеннаго животнаго, и паръ возліяній. Отсюда въ дальнѣйшемъ строгое дѣленіе: небеснымъ (олимпійскимъ) божествамъ—огненныя жертвы, земнымъ (хтоническимъ) приношенія безъ огня. При огненной жертвѣ, впрочемъ, вошло въ обычай сжигать для божества только бедренныя части съ тукомъ (mêria), прочія же употреблять въ пищу для людей, которые дѣлались, такимъ образомъ, сотрапезниками божества; этотъ обычай имѣлъ важныя культурноисторическія послѣдствія.

Помимо сказаннаго, природныя души представлялись также и вѣщими; природный вѣщій даръ человѣка, поэтому, объяснялся легче всего наитіемъ природной души—особенно нимфы: про него говорили, что онъ «охваченъ нимфой» (nympho-lêptos). Это—«неискуственная» (atechnos) форма гаданія, въ противоположность къ искусственной (entechnos), о которой отчасти была (выше стр. 44), отчасти еще будетъ рѣчь. А такъ какъ и поэтическое вдохновеніе представлялось чудесной вѣщей силой, то и его приписывали наитію горныхъ нимфъ, а именно, олимпійскихъ или (позднѣе) геликонскихъ Музъ.

§ 12. **Религія Зевса.** А. Ея возникновеніе изъ религіи аниматизма описано выше (§ 11 А.); ея догматъ гласитъ: «Земля

предвѣчна и вѣчна; Зевсъ, возникшій во времени, современемъ погибнетъ». Въ его основѣ лежитъ характерное для грека представленіе о матери-Землѣ, а также развитіе наблюденій возникновенія свѣта изъ тьмы и теплаго, жизнетворнаго лѣта изъ недвижной зимы. Самый же догматъ облекся въ форму миѳа, какъ Зевсъ, рожденный Землей (Реей), сразилъ ее и ея силы (титановъ) и этимъ воздвигъ царство свое и своихъ боговъ,—и какъ ему за это грозитъ въ будущемъ гибель отъ нея же и ея силъ (гигантовъ). Въ дальнѣйшихъ миѳахъ нашли себѣ выраженіе попытки,—конечно тщетныя,—Зевса избѣгнуть грозящей ему гибели созданіемъ себѣ сына или потомка отъ смертной женщины (Геракла, Ахилла и др.; имена у различныхъ племенъ различныя).

Но если Зевсъ, какъ происшедшій отъ предвѣчной Земли (Реи), представляется ея сыномъ, то онъ по другой концепціи, какъ оплодотворяющее начало въ противоположность къ оплодотворяемой землѣ, является ея супругомъ. Имя Землѣ, какъ супругѣ Зевса, было вначалѣ Діона, позднѣе Гера. Итакъ, выходило, что Зевсу грозитъ гибель отъ его супруги (отсюда, въ очеловѣченной обстановкѣ, миѳъ объ Агамемнонѣ и Клитемнестрѣ). Въ связи съ этимъ послѣдовало дальнѣйшее развитіе олимпійской семьи; въ дочернія отношенія къ Зевсу были поставлены Аѳина (первоначально аниматистическое божество грозовой тучи), Афродита, Артемида, въ братскія—богъ морей Посидонъ.

Съ возведеніемъ религіи въ нравственную силу было естественно сдѣлать небесную семью образцомъ земной; но это удалось лишь отчасти вслѣдствіе неустранимыхъ пережитковъ изъ эпохи физической религіи. Такъ и возникли тѣ три крупныхъ нравственныхъ изъяна религіи Зевса, на которыя не переставали ссылаться ея противники вплоть до христіанскихъ временъ: 1) Надъ Зевсомъ тяготѣетъ рокъ (Мира, Moira), тожественный съ вѣщей силой Земли: онъ и не всемогущій, и не всевѣдущій.— 2) Онъ свергъ титановъ и среди нихъ того, котораго ему, какъ имѣющему мать, пришлось дать въ отцы—Кроноса; этимъ онъ нарушилъ священнѣйшую нравственную заповѣдь —заповѣдь о почтеніи къ отцу. Итакъ, онъ не всеблагой.—3) Прочнѣе всего держалось представленіе о Зевсѣ и Герѣ, какъ объ образцовой супружеской четѣ; ихъ «священный бракъ» (hieros gamos) былъ первообразомъ человѣческаго. Но пережиточное мнѣніе о грозящей Зевсу отъ Геры (Земли) гибели создало въ миѳѣ атмосферу ненависти между ней и имъ; эту ненависть объясняли ревностью

жены-единобрачницы къ мужу, создавшему себѣ сыновей отъ смертныхъ женъ (выше стр. 58; позднѣе къ этимъ незаконнымъ бракамъ Зевса прибавились другіе, о которыхъ будетъ сказано ниже II гл. IV). Эти изъяны не ощущались какъ таковые, пока религія Зевса была чисто физической; но они стали очень ощутительны, когда она стала нравственной силой. О попыткахъ ихъ устранить будетъ сказано ниже (III гл. IV).

Но зато съ другой стороны, погружаясь въ созерцаніе своего небеснаго бога, грекъ раньше всѣхъ народовъ земли возвысился до пониманія универсальнаго (а не только національнаго и племенного) божества. Какъ небо простираетъ свой сводъ надо всѣми людьми, такъ и отецъ небесный Зевсъ съ одинаковымъ участіемъ взираетъ на всѣ народы, вездѣ милуя благочестивыхъ и карая злыхъ. Ему, какъ своему высшему богу, молились ахейцы подъ Троей; и все же, когда Ахиллъ гналъ Гектора вокругъ стѣнъ его родного города, Зевсъ съ состраданіемъ смотрѣлъ на троянскаго витязя (Ил. XXII, 168):

Горе! Любезнаго мужа, гонимаго около града,
Видятъ очи мои, и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце!

Это—чрезвычайно важное откровеніе; этимъ своимъ религіозно-нравственнымъ подвигомъ Греція доказала, что она призвана стать проповѣдницей гуманности для всѣхъ народовъ.

Само собой разумѣется, что такой богъ могъ быть представляемъ только въ человѣческомъ образѣ; все же, будучи созданъ религіознымъ чувствомъ людей еще въ эпоху имманентности, Зевсъ прошелъ послѣдовательно черезъ всѣ стадіи трансцендентнаго пониманія, и теріоморфическій (отсюда его символъ на Критѣ—бычачья голова, или пара бычачихъ роговъ, а также и критскій миѳъ о похищеніи имъ, въ образѣ быка, критской родоначальницы Европы) и миксантропическій (отсюда образъ минотавра). Въ человѣческомъ же образѣ онъ представлялся возсѣдающимъ на Олимпѣ (выше стр. 22), какъ упирающейся въ небо горѣ, со своимъ любимымъ атрибутомъ, перуномъ, въ десницѣ. Послѣдній въ раннюю эпоху изображался двулезвійнымъ топоромъ (labrys), позднѣе, какъ фантастическое метательное орудіе о трехъ копьецахъ съ обѣихъ сторонъ.

Б. Культъ религіи Зевса дѣлилъ съ культомъ анимотизма ту особенность, что и онъ—въ рѣзкомъ отличіи отъ религіи слѣдующихъ эпохъ—не признаетъ ни храмовъ, ни куми-

ровъ, ни профессіональныхъ жрецовъ. Жрецомъ былъ отецъ семейства за свой домъ и царь за свою общину; жертва по изложеннымъ выше (стр. 57) причинамъ полагалась огненная, и приносилась она подъ открытымъ небомъ: за домъ—во дворѣ (такъ называемому «Зевсу ограды», Zeus herkeios, алтарь которому, какъ символъ единства и святости дома, не отсутствовалъ нигдѣ), а за общину—на высотахъ, гдѣ небо казалось ближе. Жертвоприношенію предшествовала такъ наз. chernips, т.-е. окропленіе хозяиномъ семьи, челяди и гостей водой, освященной погруженіемъ жертвенной головни; исключеніе человѣка изъ chernips было равносильно его отлученію отъ общины.

Но если жрецъ и отсутствовалъ, то зато имѣлись гадатели (manteis); ихъ обязанностью было узнавать волю Зевса и по полету его вѣстницъ-птицъ (особенно орловъ, полетъ которыхъ самый высокій), и по огненнымъ знакамъ (èmpyra), т.-е. по горѣнію жертвеннаго огня и по рисунку печени жертвеннаго животнаго. Это гаданіе принадлежало къ такъ наз. «искусственнымъ» (выше стр. 57); изученіе его метода было особой професcіей, выдѣлявшей своихъ адептовъ въ особое сословіе, тоже, подобно врачамъ и (позднѣе) пѣвцамъ, принадлежавшее къ ремесленникамъ (деміургамъ). Миѳологія сохранила рядъ именъ особенно славныхъ гадателей — Тиресія, Мелампа, Амфіарая, Калханта и др.

Безкумирность религіи Зевса не исключала, однако, священныхъ изображеній вообще; все же характерно, что обнаруженныя раскопками изображенія (статуэтки и рельефы) представляютъ исключительно женское божество, т.-е. Землю, между тѣмъ, какъ Зевсу поклонялись только въ его символахъ, коими были бычачья голова (или пара роговъ) и labrys (выше стр. 59).

Примѣчаніе. Описанная картина быта ахейской Греціи получилась изъ соединенія древнѣйшихъ извѣстій Гомера съ результатами раскопокъ такъ наз. эгейской культуры: въ ея основѣ лежитъ убѣжденіе, что древнѣйшій, описанный Гомеромъ, быть современенъ послѣдней эпохѣ эгейской культуры и предшествуетъ тому переселенію племенъ, которое открываетъ собой эллинскій періодъ. Сами гомеровскія поэмы (въ ихъ историческомъ видѣ) возникли уже послѣ этого переселенія.

Но даже и при этомъ предположеніи придется допустить, что описанному нами «ахейскому» періоду греческой культуры предшествовала очень долгая эпоха, извѣстная намъ только по нѣмымъ вещественнымъ памятникамъ; исторія матеріальной культуры начинается для насъ много раньше исторіи культуры духовной.

Эту исторію матеріальной культуры принято дѣлить на слѣдующіе періоды:

I. Каменный вѣкъ, еще незнакомый съ обработкой металловъ. Онъ дѣлится на два періода:

1) Древній каменный вѣкъ (палеолитъ), періодъ пещерныхъ жителей, употреблявшихъ оружіе и утварь изъ нетесаннаго камня, а также глиняную посуду безъ гончарнаго круга. Въ Греціи слѣдовъ не найдено.

2) Новый каменный вѣкъ (неолитъ), отъ древнѣйшихъ временъ до третьяго тысячелѣтія. Дома сначала круглые или овальные изъ тростника, смазаннаго глиной, затѣмъ и прямоугольные; оружіе и утварь изъ тесаннаго камня, а также и глиняная, сначала безъ гончарнаго круга, а затѣмъ и съ помощью такового (древнѣйшія раскопки на Критѣ, въ Беотіи, Өессаліи).

II. На рубежѣ между этимъ вѣкомъ и слѣдующимъ, бронзовымъ, стоитъ переходный, характеризуемый спорадической наличностью бронзовыхъ издѣлій; антропологи нарекли его, поэтому, (безграмотнымъ) терминомъ, «энеолитъ» (слѣдовало бы по кр. м. «аэнеолитъ», отъ лат. aëneus или aheneus и греч. lithos).

III. Бронзовый вѣкъ, или эгейская культура (3-е и 2-е тысячелѣтія), характеризуемый встрѣчаемостью бронзы, но не желѣза. Дѣлится на эпохи: культуры островной (раскопки на Кикладахъ, но также на Критѣ и въ древней Троѣ) минойской (гл. обр. на Критѣ) и микенской (Критъ, Тиринѳъ, Микены и др.). Послѣдній прибл. совпадаетъ съ описаннымъ нами ахейскимъ періодомъ, который мы ограничили 1000 г. до Р. Х.).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Эллинскій періодъ.

(1000—500 до Р. Х.).

ГЛАВА ВВОДНАЯ.

Внѣшняя исторія Греціи за эллинскій періодъ.

§ 1. **Переселеніе племенъ.** На рубежѣ 2-го и 1-го тысячелѣтій до Р. Х. Греція стала театромъ политическихъ событій, которыя значительно измѣнили ея этнографическій обликъ и имѣли своимъ послѣдствіемъ крушеніе ахейскихъ державъ. Эти событія въ своей совокупности носятъ имя переселенія (сѣверныхъ) племенъ или, a potiori, переселенія дорійцевъ.

Изъ неопредѣлимыхъ точнѣе сѣверныхъ областей, въ силу равнымъ образомъ неопредѣлимыхъ причинъ, двинулось могучее племя дорійцевъ въ составѣ своихъ трехъ колѣнъ (филъ)—гиллейцевъ, диманцевъ и памфилійцевъ,—сначала въ сѣверную Грецію, а затѣмъ черезъ Ѳермопилы и въ среднюю. Маленькая часть осталась у Ѳермопилъ, образуя извѣстное въ историческое время государство Дориду; остальные прослѣдовали въ центральный лабиринтъ среднегреческихъ горъ, наложили отчасти свой племенной отпечатокъ на обитателей Фокиды и Локриды (причемъ послѣднюю они разбили пополамъ, оттѣсняя одну половину къ Коринѳскому, другую—къ Мелійскому заливу) и, наконецъ, перешли въ Пелопоннесъ. Здѣсь они заняли Арголиду, Лаконику и Мессенію, разрушая старинныя микенскую и амиклейскую державы; затѣмъ они прослѣдовали на «стоградый» Критъ, гдѣ они

на развалинахъ старыхъ «минойскихъ» государствъ основали рядъ полудикихъ общинъ, далѣе—на остальные острова южнаго «моста» (главн. образомъ Косъ и Родосъ) и, наконецъ, въ юго-западный уголъ Малой Азіи, гдѣ ими были основаны Книдосъ и Галикарнассъ. Но эти послѣднія основанія, расширяя исконные предѣлы греческой земли, относятся уже къ «колоніальному движенію» (ниже § 2).

Изъ другихъ переселеній, одновременныхъ дорическому или послѣдовавшихъ за нимъ, намъ обрисовываются болѣе или менѣе ясно переселенія поздн. этолійцевъ, беотійцевъ и ѳессалійцевъ. Первые, родственное дорійцамъ племя, двинулись параллельно имъ по западной линіи и заняли Этолію, имя которой они унаслѣдовали, причемъ разрушили царства плевронское и калидонское и на долго погрузили въ варварство долину Ахелоя; оттуда они черезъ Коринѳскій заливъ перешли въ Пелопоннесъ и, занявъ его западную область, долины Пенея (элидскаго) и Алфея, основали нѣсколько государствъ, объединяемыхъ подъ именемъ Элиды. Беотійцы заняли плодородную страну, называемую отнынѣ ихъ именемъ, разрушая и минійскій Орхоменъ, и Ѳиванское царство кадмейцевъ, уже обезсиленное отъ тяжкихъ войнъ съ пелопоннесцами («похода Семи» и «похода Эпигоновъ»). Имъ удалось объединить страну въ прочный «беотійскій союзъ» подъ главенствомъ возстановленныхъ Ѳивъ. Наконецъ, ѳессалійцы покорили роскошную долину сѣвернаго Пенея, которой они дали свое имя.

Разнообразныя отношенія переселенцевъ къ побѣжденнымъ исконнымъ племенамъ, гл. образомъ ахейскимъ и іонійскимъ, которыя были отчасти оттѣснены, отчасти приняты въ сообщество, отчасти покорены, повели къ ряду переворотовъ и внутренняго и внѣшняго характера. Къ послѣднимъ относится особенно «колонизаціонное движеніе», расширившее область эллинизма далеко за предѣлы исконной греческой страны и разбросавшее сѣмена эллинской культуры по всему Средиземноморію отъ отроговъ Кавказа до южнаго побережья Испаніи.

§ 2. **Колонизаціонное движеніе** въ свою раннюю эпоху состоитъ изъ трехъ послѣдовательныхъ актовъ: 1) движенія послѣднихъ временъ ахейскаго періода, обусловленнаго избыткомъ населенія; 2) движенія оттѣсненныхъ дорическимъ переселеніемъ племенъ и 3) движенія въ колоніальныя области самихъ побѣ-

дителей-дорійцевъ. Изъ этихъ трехъ актовъ первый былъ увѣковѣченъ легендой подъ именемъ троянскаго похода; но прочные и уловимые для насъ этнографическіе результаты дали только второй и третій акты, при чемъ второй сводится къ эолійской и іонійской, третій—къ дорической колонизаціи.

1. Изъ обоихъ главныхъ оттѣсненныхъ племенъ только іонійскому удалось сохранить свою племенную чистоту; ахейское, поскольку оно не осталось на мѣстахъ, смѣшалось съ другими, послѣдствіемъ чего было образованіе «эолійскаго», т.-е. «пестраго» племени. Ему принадлежатъ колоніи въ сѣверно-западномъ углу Малой Азіи (главн. образомъ Смирна) и въ особенности на противолежащемъ островѣ Лезбосѣ. Здѣсь они основали пять городовъ, главнымъ изъ которыхъ была «великая» Митилена (Mitylênê), средоточіе эолійской лирики въ VI вѣкѣ (ниже § 16).

2. Гораздо богаче была колонизаціонная дѣятельность іонійскаго племени въ лицѣ его обоихъ главныхъ городовъ, Аѳинъ и евбейской Халкиды. Колоніями Аѳинъ считали себя прежде всего іонійскіе города средняго малоазіатскаго побережья, изъ коихъ главными были Милетъ, Эфесъ, Фокея и Теосъ; то же придется допустить и объ островныхъ колоніяхъ средняго «моста» (выше стр. 23), т.-е. Кикладъ съ прибавленіемъ къ нимъ Самоса и Хіоса. Изъ нихъ особенно расцвѣлъ Милетъ у устья Меандра; онъ сталъ въ свою очередь центромъ колонизаціи, охватившей м. пр. сѣверное Черноморіе (ниже § 3). Фокея лишь позднѣе, уступая напору сосѣдей-варваровъ, отослала на чужбину значительную часть своихъ гражданъ, которые послѣ многихъ приключеній основали на дальнемъ западѣ Массалію (у впаденія Роны въ Львиный заливъ; лат. Массилія, нынѣ Марсель), ставшую очень вліятельнымъ центромъ эллинизма въ западномъ Средиземноморіи. При такихъ же обстоятельствахъ и Теосъ, разгромленный персами, основалъ на ѳракійскомъ побережьѣ Абдеру.

Не менѣе дѣятельной оказалась и Халкида: она нетолько заселила 32 городами трехпалый македонскій полуостровъ, получившій отъ нея имя Халкидики, но и перенесла свою колонизаціонную работу на западъ, основавъ рядъ іонійскихъ городовъ въ южной Италіи и Сициліи, м. пр. Кумы и Неаполь въ Кампаніи, этотъ важнѣйшій мостъ между Греціей и Римомъ; затѣмъ Регій и Занклу (поздн. Мессана, Мессина) по обѣ стороны Мессинскаго пролива и Катану у подножія Этны.

938
Z63*i

Zielinskii, F. Tadeusz

Istoriia antichnoi kul'tury. Ch.1.
Moskva, Izdanie T-va I.D.Sytina, 1915.

PURCHASE ORDER NO.
X135684

DEALER

Napier/11/21/93

FUND	COPIES
	✓

1

DATE OF BILL	COST	DATE FWD.	LOCATION

SLAVIC & EAST EUROPEAN DEPT.

3) Дорическій колонизаціонный потокъ тоже направился отчасти въ Малую Азію, но по южному «мосту» и къ ея юго-западному углу; тамъ были доризированы Критъ, Косъ, Родосъ и основаны города Книдосъ и Галикарнассъ на малоазіатскомъ берегу. Въ дальнѣйшемъ особенно выдѣлились, какъ колонизаціонные центры, Коринѳъ и Мегара, притомъ, соотвѣтственно ихъ положенію на двухъ моряхъ, и на востокѣ и на западѣ. Правда, на востокѣ роль Коринѳа была невелика и уступала роли Мегары, основавшей у входа въ Черное море, другъ противъ друга, двѣ колоніи огромной важности—Византію и Халкедонъ. Зато, западъ былъ для Коринѳа богатымъ полемъ, на которомъ съ нимъ трудно было соперничать; имъ были заселены острова Іонійскаго моря (особ. Коркира) и основаны въ Сициліи Сиракузы, которыя вмѣстѣ съ тоже дорическимъ Акрагантомъ (Akragas, у римл. Agrigentum) стали главными городами этого важнаго острова. Спартою была основана только одна колонія, зато очень значительная—Тарентъ въ южной Италіи. Дорическому же племени принадлежитъ и важнѣйшая греческая колонія въ сѣверной Африкѣ — Кирена на Большомъ Сиртѣ, ставшая, въ свою очередь, метрополіей такъ наз. киренскаго «Пятиградія» (Pentapolis) тамъ же; къ нему примыкалъ на узкой береговой полосѣ, отдѣляющей оба Сирта, послѣдній греческій оплотъ противъ Карѳагена, такъ наз. «Трехградіе», сохранившее понынѣ свое греческое имя—Триполи(съ).

Все перечисленное—лишь малая, хотя и главная часть греческихъ колоній на берегахъ Средиземнаго моря; вмѣстѣ взятыя, онѣ образовали, по выраженію Цицерона, «эллинскую кайму, пришитую къ варварскимъ материкамъ». Въ отличіе отъ финикійскихъ, онѣ стремились быть не только торговыми, но и земледѣльческими центрами; гдѣ только можно было, онѣ расширяли свои владѣнія вглубь материка, образуя настоящія области съ группами подвластныхъ городовъ—таковы колоніи Черноморія, Халкидика, Сиракузы, Кирена, Массалія и почти всѣ острова.

Само собой понятно, что такое систематическое заселеніе Средиземноморія было бы невозможно безъ общаго и обязательнаго руководительства; а при политической разобщенности греческихъ государствъ такимъ объединяющимъ началомъ могла быть только духовная власть. Таковой былъ дельфійскій оракулъ Аполлона. Было принято передъ основаніемъ каждой новой колоніи испрашивать благословенія Аполлона дель-

фійскаго; понятно, что ново-основанная колонія и въ дальнѣйшемъ сохраняла связь съ нимъ. Обладая, такимъ образомъ, многочисленными подворьями по всему Средиземноморію, дельфійскій храмъ обратился въ своего рода «переселенческое управленіе»: ему нетрудно было въ каждомъ данномъ случаѣ направлять колонизаціонный потокъ такъ, какъ этого требовали интересы и самихъ колонистовъ и обще-эллинскаго дѣла. Эта роль Аполлона, какъ руководителя колонизаціоннаго движенія, была однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ сакрализаціи политики въ нашъ эллинскій періодъ.

§ 3. **Эллинство въ сѣверномъ Черноморіи.** Особый интересъ представляютъ для насъ колоніи, основанныя греками на югѣ нынѣшней Россіи и прилежащей полосѣ нынѣ славянскаго Черноморія.

Эти мѣста населяли въ нашу эпоху три главныхъ народности. Во-первыхъ, геты, отъ Балкановъ до устья Дуная, храбрый кочевой народъ ѳракійскаго происхожденія, мало доступный цивилизаціи. Во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, скиѳы, отъ Дуная до Дона, иранскаго происхожденія и родственные персамъ; они, наоборотъ были воспріимчивы къ благамъ культуры, какъ доказала исторія ихъ сношеній съ греческими колоніями. Отъ нихъ, впрочемъ, слѣдуетъ отличать тавровъ, давшихъ свое имя таврическому Херсонесу: они пріобрѣли дурную славу среди эллиновъ своимъ негостепріимствомъ и варварствомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, отъ Дона до Волги дикій народъ савроматовъ (позднѣе: сарматовъ).

Казалось бы, первыми поселенцами этого края должны были стать эолійцы, занявшіе крайній сѣверовостокъ Архипелага; на дѣлѣ же они не двинулись далѣе Геллеспонта, на которомъ основали, съ европейской стороны, городъ Сестъ. Черное море пугало ихъ своими бурями и дикими нравами прибережныхъ жителей. Измѣненіе къ лучшему наступило лишь тогда, когда колонизаціонная сила эолійцевъ пошла на убыль и ихъ смѣнили іонійцы и среди нихъ особенно милесійцы. Идя по стопамъ своихъ предшественниковъ, они прежде всего основали противъ ихъ колоніи Сеста на Геллеспонтѣ съ азіатской стороны Абидосъ (Abydos, въ 670 г.; соперничество обѣихъ колоній подало позднѣе поводъ къ поэтической легендѣ о Герò и Леандрѣ) и приблизительно въ то же время Кизикъ (Kyzikos) на Пропонтидѣ; а затѣмъ дерзнули миновать «синій» утесъ Симплегадъ, замыкающій Босфоръ съ черноморской стороны, и заселить своими колоніями все Черноморіе.

Въ странѣ гетовъ основали они городъ Истръ, названный такъ по имени великой рѣки (нынѣ Дуная), у устья которой онъ стоялъ; за нимъ послѣдовали тамъ же города Томы (н. Констанца) и Одессъ (н. Варна). Далѣе, у впаденія Днѣстра (древн. Tyras) въ море, былъ заложенъ городъ, тоже названный по имени рѣки — Тирасъ. Но самой важной колоніей милетцевъ сталъ городъ, пророчески названный Ольвіей, (Olbia, «блаженная»), основанный въ 644 г. въ исключительно благопріятной мѣстности — тамъ, гдѣ лиманъ Буга (древн. Hypanis) сливается съ лиманомъ Днѣпра (др. Борисѳенъ, Borysthenes). Западная Таврида пока была обойдена — вѣроятно, вслѣдствіе дикости своихъ жителей; зато въ восточной, населенной скиѳами, мы находимъ рядъ милетскихъ городовъ — Ѳеодосію, Нимфей и въ особенности Пантикапей (нынѣ Керчь), будущую столицу босфорскаго царства. Противъ него, на другомъ берегу керченскаго пролива («Босфора Киммерійскаго») іонійцы изъ Теоса основали Фанагорію; наконецъ, на Азовскомъ (у древнихъ Меотійскомъ) морѣ, тамъ, гдѣ въ него вливается Донъ (Tanais), былъ основанъ городъ, тоже получившій свое имя отъ рѣки — Танаидъ.

Такова была колонизаторская дѣятельность іонійцевъ. Дорійцы пока держали себя въ сторонѣ. Правда, мы видѣли, что предпріимчивая Мегара обезпечила себѣ обладаніе Босфоромъ, основавъ (675) Халкедонъ на его азіатскомъ и (658) Византію на его европейскомъ берегу — и тщетно спрашиваемъ себя, какъ могли дальновидные милетцы оставить эти два ключа всего Понта въ рукахъ, если не враговъ, то соперниковъ. Но отсюда дѣятельность колонизаторовъ направилась не на европейскій, а на азіатскій берегъ Чернаго моря: ок. 550 г. тамъ была основана Гераклея Понтійская, самый важный городъ этого побережья. Отсюда была выведена одна изъ главныхъ южно-русскихъ колоній — богатый своей будущностью Херсонесъ Таврическій; но это случилось, повидимому, лишь въ слѣдующую эпоху.

Такъ-то и наше Черноморіе получило въ VII в. свою «эллинскую кайму»; благодаря ей, сѣмена гуманности и культуры проникли къ его обитателямъ въ такое раннее время, когда родныя земли нынѣшнихъ нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и испанцевъ были еще погружены въ самое безпросвѣтное варварство. Конечно, было бы самообольщеніемъ думать, что милетскіе гости ради этого пожаловали къ намъ; ихъ соблазняли богатства страны, прежде всего — рыбныя, вслѣдствіе чего вяленая мор-

ская рыба (тунецъ и паламида) стала главнымъ предметомъ вывоза изъ новыхъ колоній въ собственную Грецію. Затѣмъ и соль легко добывалась въ лиманахъ большихъ рѣкъ. Но главной приманкой были онѣ сами, эти рѣки, какъ готовые пути сообщенія съ внутренними частями невѣдомой страны. Скиѳы, какъ уже сказано, были народомъ податливымъ, и завести съ ними сношенія было легко. И вотъ, вмѣстѣ съ предметами торговли, и вѣсти о дальнемъ сѣверѣ начинаютъ проникать въ Грецію—конечно, окутанныя дымкой сказки. Прежде всего—о самихъ скиѳахъ съ ихъ кибитками, замѣнявшими имъ дома, и съ ихъ кобылицами, молоко которыхъ они пьютъ; о сѣверныхъ бѣлыхъ ночахъ; о дивныхъ золотыхъ розсыпяхъ въ странѣ одноглазыхъ аримасповъ, похищающихъ этотъ драгоцѣнный металлъ у стерегущихъ его грифоновъ; о странѣ, гдѣ воздухъ до того наполненъ «пухомъ», что изъ-за него ничего не видно, впрочемъ,—самъ Геродотъ, сообщающій намъ это диво, догадывается, что подъ пухомъ слѣдуетъ разумѣть снѣгъ. И т. д.

И вотъ начинается, благодаря милетскимъ колонистамъ, цивилизація, т.-е. эллинизація скиѳскаго Черноморія. Ея живымъ символомъ стала легендарная личность царственнаго скиѳа Анахарсиса, современника Солона, отправившагося въ Грецію для изученія на мѣстѣ греческой мудрости и благозаконія и поплатившагося жизнью за свою слишкомъ крутую попытку ввести у своихъ земляковъ греческую религію; ея же результатомъ былъ постепенный переходъ сосѣднихъ грекамъ скиѳовъ отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому и къ хлѣбопашеству.

Особенно благотворно было въ этомъ отношеніи воздѣйствіе ольвіополитовъ. Когда намъ говорятъ, что ближе всѣхъ къ нимъ примыкаютъ скиѳы-полуэллины, за ними идутъ скиѳы-земледѣльцы, и сѣющіе хлѣбъ, и питающіеся имъ, еще сѣвернѣе — скиѳы-пахари, тоже сѣющіе хлѣбъ, но только для продажи, а еще сѣвернѣе—скиѳы-«людоѣды»,—то мы въ этой постепенности легко узнаемъ ослабѣвающую по мѣрѣ удаленія отъ центра силу культурныхъ лучей, исходящихъ отъ Ольвіи. Земля не осталась въ долгу: начиная уже съ VI вѣка, хлѣбъ дѣлается главнымъ предметомъ вывоза изъ сѣвернаго Черноморія, а оно само — главной житницей каменистой Греціи.

Такъ-то на равнинахъ нашего Приднѣпровья заколыхались первыя зеленыя нивы — и притомъ въ такое время, когда не только прочій скиѳскій сѣверъ, но и германцы, британцы, галлы

питались желудями и мясной пищей. Благодарная Греція отразила этотъ подвигъ въ своемъ чудномъ миѳѣ о богинѣ земледѣлія, Деметрѣ, и ея молодомъ посланцѣ Триптолемѣ (см. ниже § 8): вручивъ ему колосья пшеницы, богиня на крылатой колесницѣ отправила его на сѣверное Черноморіе и черезъ него благословила эту дотолѣ дикую землю, чтобы она стала благодатной и хлѣбородной на всѣ времена.

§ 4. **Внѣшняя исторія эллиновъ** въ теченіе эллинскаго періода была результатомъ ихъ колонизаціоннаго движенія. На Грецію, страну сравнительно бѣдную и къ тому же почти неприступную, никто не посягалъ; но основаннымъ на побережьяхъ колоніямъ приходилось нерѣдко вести длительныя войны съ обитателями материка. О нихъ, однако, какъ о явленіи хроническомъ, исторія умалчиваетъ; только тѣ столкновенія ею отмѣчены, въ которыхъ участвовали цѣлые колоніальные союзы — съ одной стороны, и могущественные и культурные «варварскіе» народы—съ другой.

Такъ эллины малоазіатскаго побережья могли безпрепятственно развиваться до тѣхъ поръ, пока—вѣроятно, подъ ихъ же вліяніемъ—у ихъ сосѣдей лидійцевъ не проснулся политическій и воинственный духъ; когда же это случилось, объединенному лидійскому народу, подъ главенствомъ его способныхъ царей (особенно Аліатта ок. 600 г.) нетрудно было восторжествовать надъ греческими колоніями. Все же лидійское правленіе было не особенно тяжелымъ: если оно и имѣло послѣдствіемъ нѣкоторое политическое подчиненіе, формы котораго намъ неизвѣстны, то зато въ культурномъ отношеніи побѣдителями были эллины, и ихъ языкъ, искусство и даже религія завоевали Лидію, превращая ея столицу Сарды почти-что въ греческій городъ. Вотъ почему греческая традиція не относится враждебно къ Лидіи, а ея послѣдній царь Крезъ, сынъ Аліатта, ревностный поклонникъ дельфійскаго Аполлона, сталъ даже безсмертной фигурой греческой легенды.

Но положеніе дѣлъ измѣнилось къ худшему, когда Крезъ въ 546 г. былъ разбитъ основателемъ персидскаго царства Киромъ и греческіе города должны были признать суровое владычество персовъ. Персидская держава унаслѣдовала отъ своей предшественницы, ассиро-вавилонской, ея вселенскія притязанія: эллинскіе города были обложены тяжелой данью, ихъ граждане должны были участвовать въ совершенно чуждыхъ для нихъ, далекихъ походахъ—сынъ Кира, Камбисъ, повелъ ихъ противъ Египта, преем-

никъ послѣдняго, Дарій, противъ скиѳовъ. А для осуществленія обѣихъ задачъ—и финансовой, и военной—персидскій царь назначалъ въ греческіе города своихъ намѣстниковъ, т. наз. тирановъ, которые во всѣ времена были ненавистны свободолюбивымъ грекамъ. Все же, въ теченіе почти полувѣка пришлось терпѣть непреоборимую власть персидскаго царя; но когда скиѳскій походъ Дарія кончился неудачей, у малоазіатскихъ грековъ мелькнула надежда стряхнуть невыносимое иго: вспыхнуло іонійское возстаніе (500), послужившее сигналомъ къ великой греко-персидской войнѣ (ниже, ч. III, § 1).

На западѣ эллинская колонизація встрѣтила отпоръ со стороны двухъ могущественныхъ государствъ, карѳагенскаго и этрусскаго. Карѳагенъ, колонія финикіянъ, владѣлъ обширной областью въ Африкѣ на Маломъ Сиртѣ и, въ свою очередь, основалъ рядъ колоній въ западной Сициліи, особенно Панормъ (нынѣ Палермо) и Лилибей (нынѣ Марсала). Этрурія — по-гречески Тирренія — была самой сильной державой въ Италіи: она распространила свою власть и къ сѣверу—на долину По, и къ югу—на долину Тибра (самъ Римъ подпалъ ей въ VI в. при Тарквиніяхъ) и дала свое имя всему западно-италійскому, «Тирренскому» морю. Смѣлыя колонизаціонныя предпріятія фокейцевъ, основавшихъ въ 565 г. колонію Алалію на Корсикѣ, заставили оба государства соединить свои морскія силы противъ общаго врага. Въ битвѣ при Алаліи (545) фокейцы были разбиты, Корсика (съ Сардиніей) потеряны для эллинизма и для культуры; на все дальнѣйшее время вплоть до нашихъ дней эти два острова остались самыми дикими мѣстностями Средиземноморья.—Послѣ этого успѣха Карѳагенъ и Этрурія стали еще болѣе опасными сосѣдями западнаго эллинства: Этрурія угрожала италійскимъ колоніямъ, начиная съ Кумъ и Неаполя, Карѳагенъ—сицилійскимъ. Моментомъ для рѣшительнаго натиска они избрали—повидимому, не безъ сговора съ персами—самый страшный для собственной Греціи 480 годъ. Спасителями явились оба «ока» Сициліи, Сиракузы и Акрагантъ; обѣими побѣдами при Гимерѣ (480) надъ Карѳагеномъ и при Кумахъ (477) надъ этрусками они надолго обезпечили культурное развитіе всему эллинскому западу.

А впрочемъ, въ культурномъ отношеніи и здѣсь Греція была съ самаго начала побѣждающей страной. Этрурія, хотя и сохранила свой языкъ, въ отношеніи искусства и религіи была въ сильной степени эллинизована и, въ свою очередь, стала, наравнѣ

съ Кумами, очагомъ эллинизаціи для молодого Рима. Менѣе податливымъ оказался Карѳагенъ, гордившійся своей старой финикійской культурой; все же и онъ долженъ былъ принять сѣмена эллинизма, которыя взошли къ слѣдующему періоду и дали особо богатые плоды въ эллинистическую эпоху.

Примѣчаніе. Общее имя грековъ въ этотъ періодъ — эллины (Hellênes). Его происхожденіе загадочно: въ ахейскій періодъ такъ назывался народъ, жившій въ долинѣ Сперхея, а Элладой (Hellás) —его область; что повело къ распространенію его имени на всю Грецію— мы не знаемъ. А впрочемъ, это имя было въ ходу только у самихъ грековъ. Восточные ихъ сосѣди, персы, называли ихъ «Iavana»—т.-е іонійцами—повидимому, по имени того племени, съ которымъ именно они имѣли дѣло. По той же причинѣ римляне называли ихъ Grai, Graici Graeci—по имени того маленькаго іонійскаго племени, которое заселило ближайшій къ нимъ городъ — Кумы. Такъ и понынѣ французы называютъ нѣмцевъ «аллеманнами», южные славяне—«швабами», а финны—«саксами»: каждые по имени ближайшаго къ нимъ изъ многочисленныхъ германскихъ племенъ.

ГЛАВА I.

Нравы.

§ 5. **Семейный бытъ.** Главнымъ измѣненіемъ, внесеннымъ нашей эпохой въ семейный бытъ грековъ, было введеніе приданаго вмѣсто вѣна ахейской эпохи (выше стр. 26). Мы можемъ прослѣдить постепенное возникновеніе этого обычая. Вначалѣ все сводилось къ вѣну (hedna), т.-е. къ куплѣ невѣсты женихомъ; затѣмъ, по мѣрѣ смягченія нравовъ, стало соблюдаться правило, чтобы часть этого вѣна, подъ именемъ «ласки» (meilia), давалась тестемъ невѣстѣ, составляя ея частную собственность въ домѣ ея мужа; при этомъ случалось, что особенно желательному жениху тесть и вовсе отпускалъ требуемое вѣно. Такъ-то подъ конецъ возобладало приданое (proix), какъ матеріальная помощь тестя молодымъ для ихъ новаго хозяйства.

Это приданое, составляя собственность жены, дѣлало ея положеніе въ домѣ мужа почетнымъ также независимо отъ жизни ея родителей и родни (отсюда грустная поговорка: «жена - безприданница не имѣетъ свободы слова»). Поэтому одной изъ главныхъ заботъ родителей подростающей дѣвушки, а за ихъ смертью ближайшихъ родственниковъ, была забота о приданомъ для нея.

Но съ другой стороны, оно вносило новый элементъ въ оцѣнку достоинствъ невѣсты — ея богатство, и этотъ элементъ нанесъ нѣкоторый уронъ построенной на принципѣ «евгеніи» ахейской семьѣ; отсюда характерныя жалобы, что благодаря преимуществу богатыхъ невѣстъ передъ «благородными», «гражданъ мельчаетъ порода» (Θеогн. 183 сл.)—жалобы, значенія которыхъ, разумѣется, не слѣдуетъ преувеличивать.

Затѣмъ, замѣна монархической формы правленія аристократической повела къ тому, что бывшая раньше въ ходу «эксогамія» (т.-е. добываніе невѣстъ на чужбинѣ) уступила мѣсто «эндогаміи» (т.-е. бракамъ внутри того же народа): берущій невѣсту изъ чужой страны аристократъ навлекалъ на себя подозрѣніе, что онъ ищетъ внѣ своей общины опоры для своего властолюбія. Все же, примѣры встрѣчаются, и принципъ эндогаміи былъ строго проведенъ лишь въ слѣдующую, демократическую эпоху.

Эндогамія же, въ свою очередь, повела къ возникновенію новыхъ свадебныхъ обрядовъ, предполагающихъ близость обоихъ брачущихся домовъ. Изъ нихъ главнымъ былъ слѣдующій: мать невѣсты зажигала факелъ у очага своего дома и съ нимъ въ торжественномъ шествіи сопровождала свою дочь въ домъ ея жениха, гдѣ она тѣмъ же факеломъ возжигала новый огонь на новомъ очагѣ. Въ этомъ красивомъ обрядѣ — вслѣдствіе котораго факелъ сталъ символомъ брака—нашла себѣ наглядное выраженіе идея женской преемственности въ домашнемъ хозяйствѣ. Другой составной частью свадебной обрядности была брачная пѣсня, исполнявшаяся дружками жениха и подругами невѣсты, съ величаніемъ того и другой и съ неизмѣннымъ, загадочнымъ для насъ припѣвомъ «Hymenaie» или «Hymên ô Hymenaie»; для объясненія придумали особаго бога брака, Гименея, который изображался съ факеломъ въ рукѣ. Затѣмъ, обязательнымъ символомъ грядущаго благочадія былъ сопровождавшій невѣсту красивый мальчикъ; ради добраго знаменія избирали такого, оба родителя котораго были живы, вслѣдствіе чего онъ назывался «обоюдоцвѣтущимъ», amphithalês.

Подобно свадьбамъ и похороны въ нашу эпоху обогатились новыми обрядами; причиной былъ заимствованный изъ Малой Азіи обычай сжиганія труповъ. Объ его вѣроятномъ вліяніи на представленія о загробномъ мірѣ рѣчь будетъ ниже (§ 18); здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что онъ не былъ въ Греціи повсемѣстнымъ, и что обычай погребенія сохранился рядомъ съ

нимъ. Сжигался трупъ на кострѣ, затѣмъ пепелъ собирался въ урну, которая и ставилась въ родовую или семейную гробницу. Поводъ къ заимствованію этого обычая дали, вѣроятно, заморскія войны: всякому было желательно покоиться въ родной землѣ, а для павшихъ въ далекой чужбинѣ иной возможности не было. Вотъ почему уже Иліада во всѣхъ своихъ наслоеніяхъ знаетъ только обычай сжиганія труповъ.

Воспитаніе въ нашу эпоху отличается отъ ахейскаго, гл. образомъ, въ двухъ пунктахъ: въ первыхъ, оно становится коллективнымъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ и, такимъ образомъ, не сосредоточивается болѣе въ семьѣ; во-вторыхъ, оно проникается сакральной идеей. И то, и другое было послѣдствіемъ религіи Аполлона, которая старалась всячески замѣнить семью, какъ основную ячейку общества, сакрально-военнымъ кружкомъ. Но эта важнѣйшая культурная реформа нашей эпохи относится къ области общественнаго быта.

§ 6. Общественный бытъ. Жизнь человѣка ахейской эпохи протекаетъ въ его семьѣ; въ эллинскую эпоху она протекаетъ въ кружкѣ, семья же доведена до минимума своего значенія какъ біологической и хозяйственной единицы. Мы не знаемъ, скрывался ли зародышъ этой реформы въ доисторической жизни сѣверныхъ племенъ, наложившихъ свою печать на Грецію эллинскаго періода, или же она возникла всецѣло въ новой религіи Аполлона; во всякомъ случаѣ, эта религія всячески укрѣпила и одухотворила означенную реформу. Не вездѣ, равнымъ образомъ, она была проведена одинаково строго; строже всего кружковой принципъ былъ выдержанъ въ Спартѣ.

Обособленіе половъ и возрастовъ было первымъ условіемъ этой новой реформы: были кружки мальчиковъ, юношей, зрѣлыхъ мужей, старцевъ, и точно также — дѣвочекъ, дѣвушекъ, матерей. Объединялись они богослуженіемъ; цѣлью же было достиженіе наивысшаго физическаго и умственнаго совершенства, чтобы мужчинамъ быть храбрыми защитниками и сильными правителями своей родины, а женщинамъ — быть въ состояніи рождать таковыхъ. Но органическое стремленіе эллина къ красотѣ и радости окружило и эту кружковую жизнь всей прелестью искусства и одухотворенной общественности.

Въ дѣтскомъ возрастѣ кружокъ имѣлъ воспитательное значеніе; впрочемъ, только въ Спартѣ онъ всецѣло вырывалъ ребенка изъ

семьи; въ болѣе свободныхъ государствахъ онъ лишь для самого ученія созывалъ своихъ малолѣтнихъ членовъ къ учителю грамоты, гимнастики или игры на лирѣ. Плотнѣе объединялъ онъ юношей и дѣвушекъ, причемъ начальное образованіе продолжалось и завершалось въ хореѣ и въ палестрѣ; женская молодежь могла имѣть либо своего учителя, какъ Алкмана въ Спартѣ (стр. 111), либо свою учительницу, какъ Саффо̀ на Лезбосѣ (стр. 114). Соревнованія — въ силѣ, въ ловкости, въ мусическихъ искусствахъ, въ красотѣ— происходили и внутри каждаго кружка, и между кружками; особенно на праздникахъ боговъ, которые они украшали своимъ участьемъ. Вообще, истинно-греческая агонистика проникала и оживляла всю эту кружковую жизнь. Само собой разумѣется, что упражненія въ военномъ дѣлѣ у мужской молодежи стояли на первомъ планѣ, особенно въ Спартѣ. Здѣсь и среди мужчинъ не ослабѣвали кружковыя узы, такъ какъ обычай повелѣвалъ имъ сходиться для общихъ трапезъ (т. назыв. фидитій), чѣмъ сильно умалялось значеніе домашняго очага; но въ другихъ государствахъ семейная жизнь мужчины-отца семейства болѣе успѣшно состязалась съ кружковой. Естественно болѣе привязана къ дому была хозяйка: но и ее отвлекали собранія и праздники въ честь женскихъ божествъ (гл. обр., Деметры), и только «старушка-домосѣдка» мирно доживала свой вѣкъ подъ кровомъ сына или зятя, вся посвящая себя своимъ внучатамъ.

Понятно, что такая жизнь требовала извѣстнаго, хотя бы частичнаго, досуга отъ работъ по добыванію пропитанія. Это— жизнь аристократической Греціи. Но именно въ нашу эпоху вся Греція была аристократической, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе: болѣе всего въ Спартѣ, гдѣ мы, поэтому, встрѣчаемъ полное освобожденіе полноправныхъ гражданъ, т. наз. спартіатовъ, отъ производительной работы. Они жили доходами со своихъ земельныхъ надѣловъ, которые обрабатывали для нихъ закрѣпощенные потомки коренныхъ жителей, т. наз. «илоты». А такъ какъ спартанская государственность застыла въ своей аристократической формѣ, то надѣлы и илоты стали необходимымъ ея устоемъ; когда въ Лаконикѣ таковыхъ не хватило, пришлось перейти Таигетъ и завоевать братскую Мессенію, земля которой была обращена въ надѣлы, жители—въ илотовъ. Зато, вся воинская повинность лежала на спартіатахъ: жизнь ихъ была сурова и полна лишеній, но и выработала «атлетовъ войны»—лучшее во всей Греціи пѣшее войско тяжеловооруженныхъ (гоплитовъ), доставив-

шее своей странѣ политическое предводительство (гегемонію) въ Пелопоннесѣ, а затѣмъ и въ прочей Элладѣ.

Есть аристократія труда и аристократія бездѣлья; греческая аристократія принадлежала къ первой разновидности. Своимъ же относительнымъ досугомъ отъ государственныхъ и военныхъ трудовъ она воспользовалась для того, чтобы создать идеалы духовной культуры, которые безъ этого досуга не могли быть созданы, а, разъ созданные, стали достояніемъ всего народа. Въ этомъ—ея оправданіе, какъ переходнаго періода въ исторіи греческой культуры.

§ 7. Хозяйственный бытъ. Колонизаціонное движеніе рѣшающимъ образомъ подѣйствовало на хозяйственный бытъ также и коренной Греціи. Естественная связь между метрополіями и колоніями повела къ необходимости содержать коммерческій, а для его защиты—и военный флотъ. Такъ-то государственныя «тріеры» (суда о трехъ рядахъ гребцовъ, національные корабли грековъ), съ одной стороны, стѣснили двусмысленную дѣятельность прежнихъ вольныхъ «добытчиковъ» (выше стр. 32), съ другой—вытѣснили изъ Эгейскаго моря струги финикіянъ, превращая это море въ чисто греческое.

Тамъ, въ Малой Азіи, эллинъ познакомился впервые съ тѣмъ металломъ, который отнынѣ занялъ первое мѣсто въ его работѣ—съ желѣзомъ, металломъ плуга и металломъ меча. А впрочемъ, оно недолго оставалось предметомъ ввоза: открытіе желѣзныхъ рудниковъ въ Беотіи, Евбеѣ и др. гористыхъ мѣстностяхъ позволило Греціи обходиться собственными силами. Способъ закалки стали, перенятый отъ загадочнаго понтійскаго народа халибовъ (отсюда сталь по-греч.—chalybs), тоже скоро привился и сталъ работой кузнеца, который, однако, продолжалъ называться chalkeus, т.-е. «мѣдникомъ». Но другіе предметы обязательно ввозились, особенно хлѣбъ, котораго гористая Греція не могла производить столько, сколько требовалось для ея растущаго населенія. Отсюда необходимость вывоза, которымъ бы уравновѣшивался ввозъ; а такъ какъ сырья едва для своихъ нуждъ хватало, то пришлось налечь на промышленность, стараясь завоевать рынки и прочностью, и изяществомъ работы. Среди же всѣхъ отраслей промышленности особенно по сердцу была грекамъ гончарная (объ ея важности въ древнемъ мірѣ см. выше 32); колоніальныя госу-

дарства, особенно Халкида, Коринѳъ, а затѣмъ Аѳины стали поставщиками ея издѣлій для всего греческаго Востока и Запада съ сосѣдними землями. О другихъ отрасляхъ намъ менѣе извѣстно.

Оживленіе торговли повело, въ свою очередь, къ крупной денежной реформѣ—точнѣе, къ двумъ послѣдовательнымъ. При заморскихъ оборотахъ прежняя мѣновая единица — головы рогатаго скота (выше стр. 33)—потеряла свою примѣнимость; потребовалась новая, которая представляла бы возможно большую потребительную цѣнность при легчайшей переносимости и безусловной прочности. Это повело къ изобрѣтенію металлическихъ денегъ—желѣзныхъ, мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ. Ихъ стоимость опредѣлялась по вѣсу; наименьшую единицу представляла желѣзная «палочка» (obolos; шесть такихъ палочекъ составляли «пригоршню», drachmê). Деньги изъ благородныхъ металловъ были заимствованы съ Востока; крупнѣйшую единицу представлялъ «талантъ» золота (talanton), дѣлившійся на шестьдесятъ «минъ» (mnâ, лат. mina). При соединеніи этой вавилонской системы съ домашней, мина была оцѣнена въ сто драхмъ (послѣдняя—25 до 30 коп.).

Неудобство этой вѣсовой оцѣнки состояло въ томъ, что при всякой продажѣ и куплѣ требовался контроль денегъ вѣсами, а для благородныхъ металловъ—и пробирнымъ камнемъ; это повело къ изобрѣтенію чекана, посредствомъ котораго государство налагало свою печать на монету, гарантируя этимъ и доброкачественность монеты, и полноту ея вѣса. При этомъ, желѣзныя палочки были замѣнены мѣдными монетами; только консервативная Спарта осталась при старой системѣ «желѣзныхъ денегъ». Но онѣ болѣе употреблялись для внутреннихъ оборотовъ; междуэллинское и международное значеніе имѣли драхмы и тетрадрахмы (рубли); и мы видимъ, какъ государства соперничаютъ между собою не только въ солидности, но и въ красотѣ своихъ серебряныхъ монетъ (золото въ Греціи не чеканилось), вслѣдствіе чего греческая «нумизматика» стала самой интересной областью этой науки.

Развитіе промышленности и торговли повело къ образованію новаго зажиточнаго сословія; прежняя родовитая знать, потомки старыхъ завоевателей, увидѣла рядомъ съ собой новую, съ аристократіей отъ булата заспорила аристократія отъ злата. Благодаря разнообразію эллинскихъ государствъ, создались очень различныя отношенія между той и другой. Въ Спартѣ родовитая аристократія чуждалась всякаго участія въ новыхъ формахъ

жизни: спартіатъ гордо занимался своимъ военнымъ дѣломъ и предоставлялъ «періэку» торговать и богатѣть. Въ Коринѳѣ, напротивъ, родовитая аристократія, очень малоземельная, сама набросилась на торговлю и, благодаря безпримѣрно выгодному положенію своего города, вывела его въ рядъ самыхъ вліятельныхъ и могущественныхъ. Въ Аѳинахъ, наконецъ, сидящая въ плодородной «равнинѣ» (pediaia) родовитая знать косо смотрѣла на развивающуюся въ «приморской полосѣ» (paralia) торгово-промышленную; но рѣшающее слово сказало, все-таки, не та и не эта, а бѣдное суровое «междугоріе» (diakria). Но объ этомъ ниже (§ 9).

§ 8. Правовой бытъ. При переходѣ отъ монархическаго правленія къ аристократическому положеніе малоземельнаго крестьянства, вслѣдствіе увеличенія поборовъ, значительно ухудшилось; ухудшенію способствовало и судопроизводство, служившее въ рукахъ знати нерѣдко средствомъ къ ея еще большему обогащенію. Пѣвецъ этого крестьянства, Гесіодъ (VIII в.), въ гнѣвныхъ выраженіяхъ клеймитъ «царей-дароѣдовъ» (dôrophagoi basilêes, т.-е. аристократовъ), за мзду творящихъ «кривой судъ» («Труды и дни», 220 сл.):

Вопли на площади слышу: то сирую Правду волочитъ
Сила мужей-дароѣдовъ, кривую расправу творящихъ.
Все же вернется она, горемычная, въ городъ изгнавшихъ,
Въ мглѣ выступая незримо, и взыщетъ обидчиковъ горемъ.

Изгнанная Правда вернется Эриніей; поруганіе правосудія разольется отравой по всей жизни государства. Вотъ почему, начиная съ VIII в., раздается все громче и громче требованіе писаннаго законодательства, въ видахъ обезпеченія равнаго для всѣхъ суда.

Возникновеніе той второй аристократіи, о которой рѣчь была выше, усилило положеніе тѣхъ, которые его требовали; и вотъ мы видимъ, какъ въ VII в. законодательная волна, поднявшись на греческомъ Западѣ, заливаетъ всю Элладу. Подъ «законами» разумѣлись тогда одинаково постановленія и государственнаго, и уголовнаго, и гражданскаго права вмѣстѣ съ судопроизводствомъ. Починъ былъ данъ Залевкомъ въ италійскихъ Локрахъ; суровый аристократъ, онъ ограничился записью обычнаго права, но и это было уже прогрессомъ въ сравненіи съ царившимъ ранѣе произволомъ, и Залевкъ заслужилъ благодар-

ность потомства, какъ первый законодатель, и укрѣпилъ славу «благозаконія», eunomia, за своей локрійской родиной. Уступчивѣе къ новымъ вѣяніямъ былъ его преемникъ, Харондъ изъ Катаны въ Сициліи: считаясь съ нуждами торговаго класса, онъ включилъ въ свое законодательство также и т. наз. облигаціонно право, признавая дѣйствительность письменныхъ обязательствъ, векселей и т. под. Затѣмъ движеніе перекинулось въ собственную Грецію: около середины того же VII в., въ самый разгаръ войны съ Мессеніей, поэтъ Тиртей, въ Спартѣ—правда, не записалъ тамошнее обычное право возводимое къ миѳическому Ликургу, но все же закрѣпилъ его тѣмъ, что далъ ему стихотворную форму. Около того же времени выступилъ аргосскимъ законодателемъ Фидонъ—едва ли не самая могучая личность VII вѣка. Къ концу его Драконъ далъ аѳинянамъ ихъ первое писанное законодательство, своей суровостью въ уголовномъ правѣ увѣковѣчившее его имя; но такъ какъ онъ не удѣлилъ достаточнаго вниманія нуждамъ какъ мелкаго крестьянства, такъ и торговопромышленнаго класса, то его попытку пришлось вскорѣ (въ 594 г.) повторить Солону, законы котораго навсегда опредѣлили правовой бытъ Аѳинъ. Около того же времени и мудрый правитель Лезбоса на греческомъ Востокѣ, Питтакъ, далъ законы своей родной странѣ. Всего мы перечислить не можемъ; но къ VI в. законодательная волна уже исполнила свое дѣло, раздѣливъ всѣ греческія государства на «благозаконныя» (eunomumenai) и беззаконныя. Послѣднюю незавидную славу стяжала особенно рыцарская Ѳессалія съ ея помѣщичьимъ самовластьемъ и крѣпостнымъ правомъ.

Особенность этихъ греческихъ законодательствъ заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что они, будучи даны законодателями, каждымъ для своего государства, тѣмъ не менѣе не были ограничены его предѣлами: если они оказывались цѣлесообразными, то являлись изъ другихъ государствъ уполномоченные съ просьбой «удѣлить имъ законовъ»—и такъ какъ отказа быть не могло, то законодательства особенно Залевка и Харонда (какъ въ новой Европѣ «магдебургское право») распространялись повсюду, окружая новой славой имена законодателей и ихъ родныхъ городовъ.—Вторая особенность заключалась въ той выдающейся роли, которая была отведена личности законодателей. Всѣ эти Залевки, Харонды и т. д. были гражданами свободныхъ республикъ; б. ч., они въ трудную годину междо-

усобицъ довѣріемъ согражданъ были избираемы на временную должность умиротворителей—на красивомъ языкѣ тѣхъ временъ «помнящихъ о правдѣ» (aisy-mnêtês)—и, какъ третейскіе судьи надъ враждующими партіями, составляли свои обязательные для всѣхъ законы. — Третьей особенностью, этотъ разъ невыгодной, была та, что законодатели, рѣшивъ по совѣсти затрудненіе настоящей минуты, не позаботились о постоянномъ органѣ, который могъ бы и въ будущемъ, путемъ толкованій, развитій, упраздненій и дополненій, приводить ихъ законодательство въ соотвѣтствіе съ новыми требованіями жизни—каковымъ органомъ обладало позднѣе римское государство въ лицѣ претуры.—Наконецъ четвертой особенностью, тоже невыгодной, хотя по тѣмъ временамъ неизбѣжной, мы должны признать конкретный характеръ правовыхъ нормъ, придающій имъ подобіе рецептовъ: «если кто сдѣлалъ то-то, то онъ долженъ претерпѣть то-то»; одухотвореніе права, его возведеніе къ нормамъ общаго характера было заслугой римской юриспруденціи, вдохновленной—какъ мы увидимъ—греческой философіей. Въ силу обоихъ послѣднихъ пунктовъ не греческое право, а римское было воспитателемъ новой Европы.

Вообще же, въ этомъ древнѣйшемъ правѣ, насколько мы его знаемъ, бросается особенно въ глаза малочисленность какъ самихъ постановленій—онѣ могли быть записаны на немногихъ доскахъ—такъ и указанныхъ въ нихъ судебныхъ органовъ, особенно, если имѣть въ виду крайнюю развѣтвленность новѣйшаго права. Происходило это отъ того, что вслѣдствіе гораздо большей участливости античной общины, въ которой каждый гражданинъ смотрѣлъ на себя, какъ на посильнаго блюстителя законности, большинство гражданскихъ и уголовныхъ правонарушеній разрѣшалось частнымъ судомъ родственниковъ, сосѣдей, арбитровъ, не успѣвъ вырасти въ настоящее «дѣло». Къ тому же, законодатель, не считая себя въ силахъ предусмотрѣть всѣ возможныя злодѣянія, предоставлялъ суду судить также и непредусмотрѣнныя и опредѣлять въ такихъ случаяхъ взысканія по собственной совѣсти — какъ это имѣло мѣсто, напр., въ процессѣ Сократа (399 г.); лишь римское право положило этому предѣлъ, вводя обязательную и для насъ норму nullum crimen sine lege.—Затѣмъ, чѣмъ древнѣе было законодательство, тѣмъ болѣе внѣшнимъ образомъ относилось оно къ понятію преступленія. Первоначально всякая пролитая кровь требовала возмездія (а именно—казни, по такъ называемому jus

talionis, «око за око» и т. д.), независимо отъ того, какъ она пролита; но уже Драконъ признаетъ наряду съ умышленнымъ убійствомъ, которое было подсудно Ареопагу, и такъ называемое «справедливое» (т.-е. по праву самообороны) и «нечаянное» убійство. А впрочемъ, и тамъ сказалось не мало здраваго смысла и заботливости объ истинномъ благѣ народа; такъ, за преступленіе, совершенное въ нетрезвомъ видѣ, Залевкъ положилъ двойную мѣру наказанія—одну за преступленіе, другую за пьянство.

Судопроизводство во многомъ отличалось не только отъ нашего, но и отъ римскаго. Представительства сторонъ не допускалось; только потерпѣвшій могъ обвинять, только обвиняемый могъ защищаться. По первому пункту, впрочемъ, необходимы двѣ оговорки: 1) если совершено было убійство, то обвинялъ ближайшій родственникъ, и это было не только его правомъ, но и его обязанностью, въ которой ожилъ старинный долгъ кровавой мести; принимать виру было запрещено (ср. выше, стр. 35); 2) если потерпѣвшимъ было государство (въ случаяхъ государственной измѣны, растраты государственныхъ суммъ и т. д.) или безпомощное существо, то обвинялъ «всякій желающій». Это опасное, но за неимѣніемъ государственной прокуратуры неизбѣжное постановленіе повело современемъ въ Аѳинахъ къ возникновенію, такъ называемыхъ, сикофантовъ (sykophantês, слово темное), т.-е. обвинителей-добровольцевъ, подъ видомъ соблюденія государственныхъ или общечеловѣческихъ интересовъ занимавшихся вымогательствами и ставшихъ такимъ образомъ одной изъ язвъ общественной жизни Аѳинъ.

Въ соотвѣтствіи со сказаннымъ не допускалось судебныхъ рѣчей: все дѣло сводилось къ представленію доказательствъ и допросу. Лучшимъ доказательствомъ считалась клятва, введенная именно въ нашу эпоху, какъ послѣдствіе сакрализаціи культуры. Дѣйствительно, въ эпоху живой и всеобщей вѣры эта «клятва сторонъ» была могучимъ средствомъ установленія истины: но въ то же время она содержала соблазнъ къ клятвопреступленію, почему ее и отвергло и римское законодательство, и наше. Клятву давали и свидѣтели, кромѣ рабовъ; эти послѣдніе допрашивались подъ пыткой. Это—несомнѣнное пятно на греческомъ судопроизводствѣ. Все же слѣдуетъ признать: 1) что эта пытка, сводившаяся къ причиненію боли, но не увѣчья, была очень невинна въ сравненіи съ тѣмъ, что практиковалось тогда на Востокѣ, а затѣмъ и въ новой Европѣ и 2) что ограниченіе

пытки одними только рабами заключало въ себѣ признаніе ея несовмѣстимости со свободой — признаніе, принципіально драгоцѣнное въ виду будущихъ временъ, когда свобода станетъ неотъемлемымъ достояніемъ человѣческой личности.

Наказанія осужденнымъ были сравнительно суровыя, въ зависимости отъ недостаточности предварительнаго слѣдствія, которое было всецѣло предоставлено обвинителю: такъ какъ преступникамъ нерѣдко удавалось схоронить концы, то было желательно въ видахъ устрашенія, чтобы хоть уличенные платились построже (психологическую несостоятельность этой теоріи развиваетъ въ замѣчательномъ разсужденіи Ѳукидидъ III, 45). Этими наказаніями были: 1) казнь, 2) продажа въ рабство на чужбину (Солонъ, однако, ее упразднилъ); 3) изгнаніе; 4) тюрьма; 5) атимія (т.-е. лишеніе правъ) различныхъ степеней; 6) денежная пеня. Изъ нихъ казнь совершалась безбольно черезъ принятіе быстродѣйствующаго яда—омега (kôneion, cicuta); такъ былъ казненъ, м. пр., Сократъ. Ср. незабвенное описаніе этой казни въ послѣднихъ главахъ Платонова «Федона», дающее вообще благопріятное представленіе о гуманности эллиновъ также и въ этомъ отношеніи—правда, уже въ слѣдующій, аттическій періодъ.

§ 9. **Государственный бытъ.** На порогѣ нашего періода стоитъ аристократизація Греціи. Ея причины заключались, съ одной стороны, въ осложненіи царскихъ обязанностей, такъ какъ къ прежнимъ тремъ функціямъ (жреческой, полководческой и судебной), по мѣрѣ перехода отъ сельской жизни къ городской, стали присоединяться и разныя административныя; съ другой стороны, въ вырожденіи царскихъ родовъ. И вотъ начинается дробленіе власти царя: ему даются помощники въ видѣ полководца (полемарха), администратора (архонта), «законоуложителей» (ѳесмоѳетовъ); только жреческія функціи за нимъ оставляются, какъ самыя безобидныя и къ тому же по своему религіозному значенію незыблемыя. Эти помощники вначалѣ, какъ и сами цари, пожизненны; затѣмъ вслѣдствіе соревнованія вельможъ опредѣляется ихъ срочность; эта срочность распространяется и на царя; въ результатѣ получается, какъ мы это видимъ въ Аѳинахъ съ VII вѣка, взамѣнъ единоличнаго, наслѣдственнаго царя—цѣлая коллегія изъ девяти годичныхъ «архонтовъ» (въ широкомъ смыслѣ), состоящая изъ царя, архонта (въ тѣсномъ смыслѣ), полемарха и шести ѳесмоѳетовъ. Отслужившіе свой срокъ ар-

хонты поступали въ совѣтъ, собиравшійся на «Аресовомъ холмѣ» (Ареопагѣ) подъ Акрополемъ и носившій его имя — главный органъ правленія въ аристократическихъ Аѳинахъ, затмевавшій значеніе народнаго собранія (экклесіи).

Въ другихъ греческихъ общинахъ аристократизація вылилась въ другія формы. Такъ, въ Коринѳѣ власть присвоилъ себѣ одинъ родъ—Вакхіады,—и собраніе его членовъ стало правящимъ органомъ этого могущественнаго города. Но особенно интересуетъ насъ Спарта, какъ первенствующая община нашего періода. Здѣсь удержалась царская власть въ качествѣ не только пожизненной, но и наслѣдственной; но царей было двое, изъ двухъ различныхъ домовъ, которые возводили себя къ двумъ братьямъ-близнецамъ (Еврисѳену и Проклу), потомкамъ Геракла въ пятомъ поколѣніи. Они были предсѣдателями совѣта старѣйшинъ (герусіи), коихъ было, включая царей, тридцать. Эта герусія вѣдала всѣ дѣла, въ чемъ и состоялъ аристократическій характеръ спартанской конституціи; изрѣдка созываемое народное собраніе могло принять или отвергнуть вносимое отъ имени герусіи предложеніе, но ставить своихъ ораторовъ не могло и вообще законодательнаго почина не имѣло. Болѣе демократическій характеръ имѣла коллегія «эфоровъ» (т.-е. «блюстителей»), избиравшаяся уже съ 755 г. въ составѣ пяти изъ всего народа для надзора за законностью дѣйствій органовъ власти; но такъ какъ этотъ народъ составляли одни спартіаты, то и дѣятельность этой коллегіи была строго консервативна.

Такъ-то въ VIII—VI вв. вся Греція была въ рукахъ аристократіи. Религія дельфійскаго Аполлона, расцвѣтъ которой совпалъ съ означенной эпохой, освятилъ повсемѣстно аристократическое правленіе, всячески укрѣпляя ту кружковую организацію, которая была и ея внѣшнимъ оплотомъ, и—равнымъ образомъ, благодаря ея культу силы и красоты—ея спасеніемъ отъ вырожденія. Наступила та радостная рыцарская пора, о которой свидѣтельствуетъ и поэзія (особ. лирика), и художества тѣхъ вѣковъ.

Правда, если мы отъ управляющихъ обратимся къ управляемымъ, къ малоземельнымъ и безземельнымъ — о нихъ намъ говорятъ «Труды и дни» Гесіода, — то картина мѣняется. Вначалѣ у нихъ не было никакихъ средствъ бороться съ организованной силой притѣснителей; таковыя явились только тогда, когда, благодаря усиленію промышленности и торговли, съ крупнопомѣстной

и родовитой «аристократіей отъ булата» стала соперничать новая «аристократія отъ злата». Важнымъ результатомъ этой борьбы были, какъ мы видѣли, писанныя законодательства и равные для всѣхъ суды; но, улучшая въ этомъ отношеніи положеніе крестьянства, новыя законодательства ухудшили его въ другомъ: признанное законодателями облигаціонное право дозволяло выдавать ссуды не только подъ залогъ земли, но и «подъ залогъ тѣла». Въ силу перваго уложенія, несостоятельный крестьянинъ-должникъ терялъ свою землю и становился изъ собственника фермеромъ; въ силу второго, онъ терялъ и свою личную свободу и либо продавался въ рабство, либо дѣлался крѣпостнымъ. Спарта избѣгла этого кризиса тѣмъ, что своевременно удачной войной съ Мессеніей увеличила количество своихъ земельныхъ надѣловъ сообразно съ ростомъ населенія, соблюдая ихъ равенство между собой; но въ другихъ государствахъ онъ былъ очень тяжелъ, и борьба за землю стала въ VI вѣкѣ такимъ же боевымъ кличемъ нарождающейся демократіи, какъ въ VII «борьба за право». Точнѣе мы освѣдомлены объ Аѳинахъ. Здѣсь нѣкоторое успокоеніе было внесено мудрымъ законодательствомъ Солона (594), который отмѣнилъ на всѣ времена «ссуды подъ залогъ тѣла» и объявилъ недѣйствительными всѣ состоявшіяся во вредъ крестьянству сдѣлки: закрѣпощенные стали вновь свободными, съ ихъ земель были удалены «позорные столбы», свидѣтельствовавшіе о лежащихъ на нихъ долгахъ. Но страсти разгорались, и Солону трудно было держаться средняго умѣреннаго пути между упорствомъ аристократовъ, не желавшихъ никакихъ измѣненій въ создавшемся положеніи, и вожделѣніями пролетаріата, требовавшаго конфискаціи и передѣла всей земли. Продолжая свое дѣло умиротворенія партій, онъ раздѣлилъ гражданъ на четыре класса, въ зависимости отъ имущественнаго и притомъ земельно-имущественнаго ценза (I «пентакосіомедимны», богатѣйшіе; II «всадники», крупнопомѣстные; III «зевгиты», мелкопомѣстные; IV «ѳеты», безземельные); оставляя неприкосновенными старинныя четыре родовыя филы, но примѣняя къ нимъ введенный имъ земельный цензъ, онъ изъ гражданъ первыхъ трехъ классовъ набралъ новый «совѣтъ четырехсотъ» (по 100 на филу), которому поручилъ постоянное управленіе государствомъ, оставляя за Ареопагомъ преимущественно судебныя дѣла. Благодаря этимъ законамъ, Солонъ сталъ чиноначальникомъ аѳинской демократіи; но длительнаго успокоенія онъ своей родинѣ дать

не могъ, и она продолжала катиться далѣе по той наклонной плоскости, которая привела, наконецъ, и ее къ тираніи.

Въ прочей Греціи тиранія еще въ VII вѣкѣ являлась не разъ исходомъ изъ партійныхъ смутъ, притомъ и на Востокѣ (Ѳрасибулъ милетскій), и на Западѣ (Фаларидъ акрагантскій), и въ собственной Греціи (особ. Кипселъ коринѳскій, свергшій династію Вакхіадовъ, съ его сыномъ, прославленнымъ легендой Періандромъ). Всѣ эти тираны были одного типа: враги аристократіи и ненавидимые ею, они къ народу относились хорошо, старались улучшить его матеріальное положеніе, отвлекая его одновременно отъ политики, и заботились о внѣшнемъ могуществѣ и внутреннемъ процвѣтаніи своихъ родныхъ городовъ.—Теперь и Аѳины дождались своего тирана. Аристократы «педіеи» (выше стр. 77) враждовали съ торгово-промышленной знатью «параліи», вождями которой были измѣнившіе своей партіи, очень родовитые Алкмеониды. Этой враждой воспользовалась пастушеская «діакрія», видѣвшая своего заступника въ смѣломъ и умномъ Писистратѣ. Искусно пользуясь неумѣлостью своихъ враговъ, Писистратъ захватилъ высшую власть, которую онъ укрѣпилъ союзами съ другими тиранами, особенно со славнымъ Поликратомъ самосскимъ. Его правленіе было эрой благополучія для Аѳинъ, которыя при немъ окрѣпли матеріально, стали могущественны въ Элладѣ и средоточіемъ какъ изобразительныхъ, такъ и мусическихъ искусствъ; любовь къ нему была такъ велика, что по его смерти его сыновья, Гиппій и Гиппархъ, безпрепятственно унаслѣдовали его власть. Но они не могли удержаться. Гиппархъ палъ жертвой частной мести отъ рукъ «тираноубійцъ» Гармодія и Аристогитона; ожесточенный его смертью Гиппій своими крутыми мѣрами вооружилъ противъ себя и педіею, и паралію; вожди послѣдней, Алкмеониды, черезъ благоволеніе къ нимъ Дельфы заручились помощью Спарты, и дружнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ силъ Гиппій былъ изгнанъ (510 г.).

Хозяевами положенія стали, послѣ кратковременной смуты Алкмеониды; ихъ главный представитель, Клисѳенъ, преобразовалъ государство на демократическихъ началахъ, навсегда устраняя своими реформами значеніе и педіеи, и параліи, и діакріи, раздиравшихъ Аѳины въ теченіе столѣтія слишкомъ. Такъ какъ его реформы опредѣлили государственный строй Аѳинъ въ слѣдующій, «аттическій» періодъ то мы тамъ ими и займемся.

§ 10. **Междуэллинскій бытъ.** Описанный въ предыдущемъ § государственный бытъ эллиновъ могъ быть представленъ въ отрывкахъ, касающихся, главнымъ образомъ, Спарты и Аѳинъ. Не для дополненія картины—таковое за скудостью источниковъ невозможно,—а для возстановленія пропорціи слѣдуетъ помнить, что такихъ «городовъ-государствъ» (poleis) съ отдѣльными конституціями было въ Греціи около полутораста, и что всѣ они по объему своихъ территорій удобно укладываются въ одну нашу Новгородскую губернію.

Характерными признаками греческой polis были два 1) Автономія, т.-е. «самозаконіе», независимость не только отъ внѣшняго властителя, но и отъ внутренняго, ото всего, что мѣшало бы гражданину путемъ непосредственной подачи голоса вліять на судьбу своей родины. Въ силу этой автономіи—причины какъ внутренней силы, такъ и внѣшней слабости Эллады, какъ политическаго организма—эллинъ неудержимо стремился къ демократіи, но къ демократіи «плебисцитарной», а не «парламентской», такъ какъ послѣдняя, ставя на мѣсто гражданина избраннаго имъ на опредѣленное время представителя, этимъ самымъ устраняла его самого отъ пользованія своимъ голосомъ. Этимъ пониманіемъ автономіи былъ положенъ предѣлъ расширенію территорій общины: гражданинъ долженъ былъ имѣть возможность являться самолично въ народное собраніе, что при слишкомъ дальнихъ разстояніяхъ было бы неисполнимо.—2) Вторымъ признакомъ была автаркія, т.-е. «самодовлѣніе» способность собственными средствами удовлетворять свои матеріальныя и прочія нужды. Гдѣ этихъ средствъ, вслѣдствіе незначительности территоріи, не давало земледѣліе, тамъ приходилось обращаться къ промышленности и торговлѣ, какъ мы это видимъ на Коринѳѣ, Мегарѣ, Эгинѣ и др.

Оба эти требованія были центробѣжными, на всегда исключившими возможность образованія единаго греческаго государства. Но они не исключали возможности междуэллинскихъ политическихъ группировокъ; таковыя могли принимать одну изъ слѣдующихъ формъ:

1) Форму синэкизма (synoikismos, «соселеніе»), при которой изъ двухъ или нѣсколькихъ гражданскихъ общинъ образовалась одна. Синэкизмъ могъ быть либо фактическимъ, либо правовымъ. Въ первомъ случаѣ жители двухъ или нѣсколькихъ селъ оставляли свои дома и селились вмѣстѣ: такъ возникли Мантинея, Элида и др. При правовомъ синэкизмѣ всѣ оставались на своихъ

мѣстахъ и только общіе органы правленія переносились въ одну центральную общину, гражданами которой становились всѣ участники этого государственно-правового акта. Такъ возникли Аѳины, какъ государство. Вначалѣ это была одна община Аттики наравнѣ съ Элевсиномъ, Бравроноомъ, Мараѳономъ и др.; но вотъ однажды, какъ гласитъ мѣстная легенда—Ѳесей, «упразднивъ отдѣльные пританеи, совѣты и властей, учредилъ одинъ общій для всѣхъ пританей и совѣтъ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ» (Плутархъ «Ѳесей», гл. 24). Всѣ элевсинцы, бравронцы и т. д. остались жить тамъ, гдѣ жили до тѣхъ поръ, но стали аѳинскими гражданами и членами общеаѳинскаго народнаго собранія съ одинаковымъ активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ.

2) Форму амфиктіоніи, т.-е. религіозно-правового союза «амфиктіоновъ» (amphiktiones, «окрестныхъ жителей») для защиты центральной святыни. Такихъ амфиктіоній Греція знала нѣсколько; самой знаменитой была дельфійская, т.-е. союзъ двѣнадцати племенъ, главнымъ образомъ, средней Греціи для защиты дельфійскаго храма. Самымъ громкимъ дѣломъ этой амфиктіоніи была, такъ называемая (первая) священная война въ началѣ VI вѣка противъ Крисы фокидской, которая, злоупотребляя своимъ удобнымъ положеніемъ, какъ гавань Дельфовъ, облагала паломниковъ произвольными поборами и вообще относилась враждебно къ храму и посаду Аполлона. Результатомъ войны было разрушеніе Крисы и присужденіе ея территоріи Дельфамъ, которые, такимъ образомъ, получили нѣчто въ родѣ «церковной области», каковая побѣда ими отмѣчена учрежденіемъ пиѳійскихъ игръ (586 г.) Но хотя въ данномъ случаѣ амфиктіонамъ и пришлось поступить круто, все же, въ общемъ, ихъ вліяніе на военное право было благотворнымъ (ниже, стр. 88). О роковой ихъ роли въ дѣлѣ греческой свободы противъ Филиппа Македонскаго и о несчастной послѣдней «священной войнѣ» будетъ сказано ниже.

3) Форму гегемоніи (hēgemonia), т.-е. предводительства одной общины въ союзѣ другихъ безъ потери послѣдними своего самоуправленія (этимъ гегемонія отличается отъ синэкизма). Такъ, въ миѳическую старину Микены, столица Атридовъ, пользовалась гегемоніей во всей Греціи, въ силу чего Агамемнонъ и могъ повести соединенную ахейскую рать противъ Трои. Эта гегемонія Атридовъ была въ историческую эпоху кормчей звѣздой для могучихъ и честолюбивыхъ общинъ и царей вплоть до Александра Великаго. Къ началу эллинскаго періода ее осуществилъ

сосѣдъ и естественный наслѣдникъ Микенъ, дорическій Аргосъ; но условіемъ междуэллинской гегемоніи была внутренняя гегемонія въ Арголидѣ, которую нелегко было сохранить при кантональной разрозненности страны и стремленіи къ автономіи отдѣльныхъ кантоновъ—Коринѳа, Эпидавра, Трезена и др. Послѣднимъ представителемъ аргосской — и внутренней, и междуэллинской гегемоніи былъ могучій Фидонъ (2-я четверт. VII в.); послѣ его смерти Арголида распалась на свои кантоны, и Аргосъ оскудѣлъ навсегда. Что потерялъ онъ, то выиграла его грозная сосѣдка, Спарта, владычица обширной и единой долины Еврота и госпожа сопредѣльной Мессеніи, обладавшая, къ тому же, въ лицѣ своихъ «гоплитовъ», лучшимъ войскомъ во всей Элладѣ. Вначалѣ ея стремленіе было направлено на расширеніе своей территоріи; за Мессеніей должна была послѣдовать Аркадія. Но серьезныя затрудненія, которыя она встрѣтила въ этой гористой странѣ, а также и совѣтъ Дельфовъ заставили ее отказаться отъ дальнѣйшихъ завоеваній и поставить себѣ цѣлью объединеніе Пелопоннеса, а въ дальнѣйшемъ — и прочей Эллады подъ своей гегемоніей. Первая часть этой программы была исполнена безъ труда; всѣ союзныя государства сохранили свою самостоятельность, но обязались посылать въ союзное войско отряды вооруженныхъ въ соотвѣтствіи со своими силами. Дельфы вполнѣ благопріятствовали этой идеѣ, они стали какъ бы духовнымъ мечомъ Спарты — такъ, же, какъ Спарта—ихъ свѣтскимъ мечомъ: VI вѣкъ былъ расцвѣтомъ спартано-дельфійской гегемоніи въ Элладѣ. Ея самымъ крупнымъ дѣломъ было сверженіе тираніи Писистратидовъ въ Аѳинахъ (510 г., выше стр. 84), которымъ Спарта подтвердила свое право вмѣшательства во внутренія дѣла эллинскихъ государствъ также и сѣвернѣе Истма. Когда поэтому въ началѣ V в. персидскій царь сталъ грозить Элладѣ погромомъ, она объединилась подъ гегемоніей Спарты,— правда, уже безъ участія Дельфовъ, которые тогда увлеклись новой несбыточной мечтой замѣнить свою междуэллинскую духовную гегемонію—міровой.

Кромѣ этой всеэллинской гегемоніи, мы имѣемъ въ нашу эпоху и въ слѣдующую рядъ внутреннихъ: союзъ беотійскихъ городовъ подъ гегемоніей Ѳивъ, халкидскихъ — подъ гегемоніей Олинѳа, лезбосскихъ — подъ гегемоніей Митилены, а также и союзы съ выборной на каждый разъ гегемоніей, какъ, напримѣръ, союзъ іонійскихъ городовъ Малой Азіи, возстаніе котораго противъ

персидскаго царя послужило сигналомъ для греко-персидской войны (500).

Внѣ этихъ союзовъ и заключаемыхъ на время договоровъ положеніе эллинскихъ государствъ было положеніемъ военнымъ. Условія войны сильно измѣнились со времени ахейскихъ державъ; царственныя колесницы уступили свое мѣсто аристократической конницѣ, такъ какъ замѣна тяжелаго «микенскаго» щита болѣе легкимъ дала воинамъ возможность сражаться верхами. На ряду съ конницей, которой особенно славилась аристократическая Ѳессалія, выдвигается и пѣшее войско зажиточной буржуазіи — такъ наз., гоплиты (hoplitai) или тяжеловооруженные. Лучшее и притомъ постоянное было у спартанцевъ, какъ «атлетовъ войны», но и аѳиняне старались за ними не отставать: обладая въ своихъ первыхъ двухъ классахъ (выше стр. 83) отличными всадниками, они отъ своихъ зевгитовъ требовали службы въ рядахъ гоплитовъ—въ ожиданіи того времени, когда и ѳеты, служившіе въ флотѣ, рядомъ блестящихъ морскихъ побѣдъ заявятъ о своихъ правахъ.

Обороной городовъ служатъ попрежнему городскія стѣны, и эта оборона настолько надежна, что осада также и въ наше время—дѣло затяжное и трудное. Извѣстенъ даже подвигъ Орлеанской дѣвы древности, аргосской стихотворицы Телесиллы, которая послѣ того, какъ аргосская рать полегла въ битвѣ противъ спартанцевъ, во главѣ вооруженныхъ женщинъ съ аргосской стѣны дала отпоръ побѣдоноснымъ спартанскимъ гоплитамъ (510 г.). Вообще, война была обычнымъ дѣломъ въ нашу эпоху, но ея условія значительно смягчаются въ сравненіи съ ахейской. Въ этомъ нельзя не признать благотворнаго вліянія дельфійскаго бога съ его проповѣдью противъ hybris («спеси»), въ которую входитъ также неумѣренность использованія дарованнаго богами успѣха. Не удивительно поэтому, что первые плоды этого вліянія созрѣваютъ въ дельфійской амфиктіоніи; среди ея законовъ мы находимъ и слѣдующій: «государства-члены амфиктіоніи обязуются не разрушать города, входящаго въ составъ амфиктіоніи, и не отрѣзывать его отъ текучей воды» (Эсхинъ II, 115). Такъ-то въ законахъ амфиктіоніи мы находимъ первые въ исторіи человѣчества зародыши международнаго права. Родственнаго характера были взаимныя обязательства, принятыя воюющими сторонами въ лелантской войнѣ, самой крупной междуэллинской войнѣ нашей эпохи

(ок. 700 г.); она велась первоначально между двумя евбейскими городами, Халкидой и Эретріей, изъ-за лежавшей между ними плодородной «лелантской» равнины, но мало-по-малу въ ней приняли участіе, въ качествѣ союзниковъ, большинство государствъ Архипелага. Такъ вотъ въ этой войнѣ воюющіе обязались не пользоваться метательнымъ оружіемъ, а только копьемъ и мечомъ.

Вообще, наша эпоха—эпоха развитія и укрѣпленія междуэллинскихъ сношеній, чему значительно содѣйствовалъ ея аристократическій характеръ. Аристократическіе роды различныхъ государствъ, озабоченные ростомъ демократіи, вступали въ естественный союзъ между собой; демократическія массы имъ въ этомъ подражать не могли, но могли подражать вожди таковыхъ, а они же были будущими тиранами. Междуэллинская сѣть тираній временами дѣйствительно была противопоставляема сѣти аристократической; тираны различныхъ государствъ поддерживали другъ друга и поощряли стремленія честолюбцевъ въ республикахъ ко введенію тираническаго управленія. Но на сторонѣ аристократіи были Спарта и дельфійскій богъ, и тираніи долго не просуществовали; когда въ началѣ V в. персидскій царь задумалъ свой походъ противъ Греціи, онъ нашелъ ее, если не считать демократическихъ Аѳинъ, въ рукахъ аристократіи.

§ 11. **Нравственное сознаніе** нашей эпохи развивается подъ знакомъ религіи; будучи и во многихъ другихъ отношеніяхъ эпохой сакрализаціи культуры, она въ особенности представляется намъ эпохой сакрализаціи нравственности.

Эта сакрализація проявляется въ двухъ областяхъ, въ зависимости отъ двойного характера новыхъ религій—немистическаго (религіи Аполлона) и мистическаго (религій Деметры и Діониса).

1) Для немистической религіи Аполлона дельфійскаго характерно, именно, пріобщеніе нравственнаго элемента, объявленіе бога всеблагимъ. Но если такъ, то и въ богоуправляемомъ мірѣ слѣдуетъ ожидать торжества нравственности: санкціей нравственнаго долга становится чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе религіозный біологическій евдемонизмъ (выше 39). Ежедневный опытъ — страданія добрыхъ, благополучіе злыхъ — этой санкціи не противорѣчилъ, такъ какъ въ нашу эпоху болѣе чѣмъ когда-либо господствовало филономическое сознаніе (выше 39); догматъ, что богъ наказываетъ дѣтей за вину отцовъ до третьяго и четвертаго

рода, былъ для грековъ эллинскаго періода также самопонятенъ, какъ и для древняго Израиля. Страждущій добрый смиренно преклонялся предъ божьей волей въ сознаніи, что онъ своими страданіями искупаетъ вину—быть-можетъ ему неизвѣстную—своего прародителя (Крезъ у Геродота I, 91; Өесей у Еврипида Ипп. 831 сл.); равнымъ образомъ, умирающій въ благополучіи злодѣй терзался при мысли объ участи, нависшей надъ его дѣтьми; если же у него таковыхъ не было, то это и было ему наказаніемъ. Фактъ поздняго возмездія боговъ никого не смущалъ:

Медленно мельницы мелютъ боговъ, но старательно мелютъ,

гласила на этотъ счетъ греческая пословица.

2) Въ мистическихъ ученіяхъ Деметры и Діониса зарождается впервые для грековъ идея «лучшей участи» послѣ смерти, которую человѣкъ можетъ себѣ обезпечить еще при жизни. Сначала это обезпеченіе предполагается чисто сакральнымъ, не нравственнымъ: средствомъ признается посвященіе въ таинства, элевсинскія и орфическія. Но мало-по-малу и въ этой мистической области совершается морализація религіи; условіемъ къ достиженію «лучшей участи» ставится кромѣ посвященія и нравственная жизнь. Возникаетъ идея загробнаго суда, рая для добрыхъ, чистилища для «исцѣлимыхъ» и ада (Тартара) для «неисцѣлимыхъ» грѣшниковъ. Правда, значенія обязательныхъ догматовъ эти идеи ни въ нашу эпоху, ни вообще въ античности вплоть до принятія христіанства не получили; но все же кругъ ихъ приверженцевъ расширяется, и эсхатологическій евдемонизмъ, какъ санкція нравственнаго долга (выше 39), занимаетъ мѣсто рядомъ съ біологическимъ.

Идеаломъ нравственнаго поведенія въ нашу эпоху остается положительная aretê въ смыслѣ доблести; она до такой степени родственна со славой, что часто отождествляется съ ней. Добрымъ (agathos) признается тотъ, кто способенъ принести наибольшую пользу друзьямъ, при чемъ прибавленіе «и наибольшій вредъ врагамъ» допускается, но необязательно: еще Питтакъ сказалъ, что «прощеніе сильнѣе возмездія». Нравственныя преимущества считаются естественнымъ придаткомъ физическихъ, идеальный мужъ—это «прекрасный и добрый», kalos kai agathos, полная aretê совпадаетъ съ kalokagathia.

На вопросъ, какъ добывается aretê, всеобщая увѣренность отвѣчаетъ: рожденіемъ. Воспитаніе необходимо, но оно только

укрѣпляетъ и сохраняетъ врожденную aretê — вѣра въ «научимость добродѣтели» принадлежитъ лишь слѣдующей эпохѣ. Отъ добрыхъ рождается добрый—отсюда важность «евгеніи» (благородства). Послѣдовательное развитіе этой идеи, вообще подтверждаемой опытомъ (ср. современное ученіе о наслѣдственности), даетъ такъ наз. біологическій аристократизмъ; но пренебреженіе различными факторами (отчасти уловимыми, отчасти нѣтъ), ведущими къ вырожденію, превращаетъ этотъ научно правильный біологическій аристократизмъ въ научно несостоятельный сословный аристократизмъ—политическую сигнатуру нашей эпохи. Аристократы охотно называютъ agathoi себя, kakoi («худыми») низкорожденныхъ, независимо отъ того, оправдали ли породу тѣ и другіе; въ этомъ и заключается иллюзія сословнаго аристократизма (ср. такое же развитіе русскаго слова «благородный»).

А впрочемъ, наша эпоха съ ея могучимъ колоніальнымъ движеніемъ, съ ея частыми внутренними переворотами даетъ широкій просторъ для проявленія aretê въ указанномъ смыслѣ: для нея характеренъ такой размахъ жизни, котораго мы въ дальнѣйшемъ уже не находимъ вплоть до Александра Великаго. Жизнь бьетъ ключомъ, и положительное къ ней отношеніе чувствуется повсюду. Средоточіемъ этой жизни представляется агонистика и ея поле—«эллинскія» игры въ Олимпіи, Дельфахъ («пиоійскія»), Немеѣ арголидской и подъ Коринѳомъ («истмійскія»). Здѣсь, подъ покровительствомъ «эллинскихъ» боговъ, создается тотъ культъ побѣды, культъ славы, культъ aretê, который навсегда сохранилъ за этой послѣдней ея эллинскій положительный смыслъ.

Что при этихъ условіяхъ и отношеніе къ жизни было положительнымъ, разумѣется само собой. Правда, это, опять-таки, была практика; теорія пошла отчасти по другому пути. Нарождающійся эсхатологическій евдемонизмъ не могъ не содѣйствовать обезцѣненію земной жизни; на почвѣ таинствъ Діониса возникла грустная «мудрость Силена» (Plut. consol. 27).

Лучше всего—не родиться тебѣ, земнородное племя;
Жребій второй—поскорѣе порогъ преступить преисподней.

На той же почвѣ послѣдователи орфизма, признававшіе многократное воплощеніе души («кругъ рожденій»), возносили къ своему богу молитву:

Дай намъ свободу отъ круга и отдыхъ отъ мукъ неустанныхъ.

Но и пѣвцы Аполлона не скрывали отъ себя скоротечности человѣческой жизни: «человѣкъ—сонъ о тѣни дыма». Только они прибавляли: «но если его краткую жизнь озаритъ слава, онъ становится равнымъ богамъ». Въ этой возможности оправданіе жизни,—оправданіе сильное для тѣхъ сильныхъ, которые тогда задавали тонъ. Условіемъ славы была aretê, условіемъ же aretê—«благородство»; оправданіе жизни было для «добрыхъ», согласно аристократическому духу нашей эпохи. Дѣломъ слѣдующей, демократической эпохи было—расширить ихъ кругъ и сдѣлать общедоступными тѣ цѣнности, которыя наша добыла для немногихъ.

ГЛАВА II.

Наука.

§ 12. На порогѣ нашей эпохи стоитъ пріобщеніе греками финикійскаго алфавита, т.-е. того, которымъ съ нѣкоторыми измѣненіями пользуемся и мы. Они, однако, не ограничились простымъ его заимствованіемъ, а внесли слѣдующія важныя улучшенія:

1) Финикійскій алфавитъ, какъ и всѣ семитскіе, не имѣлъ особыхъ знаковъ для гласныхъ, но за то изобиловалъ знаками для придыханій; греки воспользовались этими послѣдними для обозначенія своихъ гласныхъ. Завершеніемъ этого развитія было обращеніе знака остраго придыханія H въ знакъ для долгаго ê (у римлянъ, которые переняли греческій алфавитъ до этого обращенія, H сохранило значеніе остраго придыханія).

2) Финикіяне, какъ и всѣ семиты, писали справа на лѣво; греки послѣ нѣкотораго колебанія (отмѣтить, какъ переходную ступень, письмо «воловьими бороздами» bustrophêdón, при чемъ одна строка пишется въ одномъ направленіи, слѣдующая—въ обратномъ и т. д.), приняли свойственный индо-европейцамъ методъ писанія слѣва на право, какъ болѣе удобный: рука при этомъ методѣ не затемняетъ и не покрываетъ написаннаго. Поэтому и знаки греко-латинскаго алфавита обращены направо, а не налѣво (B, а не ꓭ, и т. д.).

3) Финикійскій алфавитъ далъ грекамъ только знаки отъ A до T; остальные они мало-по-малу дополнили сами въ соотвѣтствіи со своими нуждами, исключая въ то же время тѣ, въ

которыхъ они не нуждались (F=vav, Q=koppa; римляне ихъ сохранили). Вся же система 24 знаковъ отъ альфы до омеги установилась только ко вселенской эпохѣ.

Примѣчаніе. Первоначальнымъ способомъ письма былъ идеографическій, т.-е. такой, при которомъ предметъ, о которомъ пишутъ, непосредственно изображается: чтобы написать слово «мостъ», я рисую настоящій мостъ. Затрудненіе представляли предметы отвлеченные, а также и глаголы; для ихъ передачи изображали наглядный предметъ, состоящій изъ тѣхъ же согласныхъ (какъ если бы кто по-русски сталъ изображать «мостъ» для передачи словъ «месть», «мести» и т. д.). А чтобы такая многозначительность не повела къ недоразумѣніямъ, употребляли такъ наз. «детерминативы», т.-е. условные знаки, опредѣлявшіе, къ какой категоріи словъ относится данное изображеніе. Система получилась очень сложная: таковы египетскіе іероглифы состоящіе изъ ок. 3000 знаковъ.

Огромнымъ прогрессомъ былъ переходъ идеографическаго способа къ акрофоническому, т.-е. такому, при которомъ изображенный предметъ принимался во вниманіе не весь, а лишь какъ начальный звукъ обозначающаго его слова. Такъ изображался «домъ» (фин. bêth), но читалось только *b*, изображалась человѣческая голова (фин. resch), но читалось только *r*. При этомъ число знаковъ въ принципѣ не было ограничено, и каждый знакъ долженъ былъ быть подобіемъ предмета, именемъ котораго онъ назывался. Этотъ акрофоническій способъ наряду съ идеографическимъ встрѣчается въ іероглифахъ, еще болѣе осложняя ихъ систему.

Но изъ акрофоническаго способа естественно развился алфавитный—тотъ, который отъ финикіянъ получили греки. При этомъ число знаковъ было сокращено до минимума, по одному на каждый звукъ—и, вслѣдствіе схематическаго упрощенія при письмѣ, потерялось сходство между знакомъ и предметомъ, который онъ первоначально изображалъ. Такъ, довольно трудно признать въ знакѣ B (греч. bêta, фин. bêth) первоначальный двухэтажный домъ, или въ знакѣ R (греч. rhô, фин. resch) первоначальную человѣческую голову.

Пріобщеніе алфавита было, однако, только первымъ условіемъ систематической научной работы; вторымъ была наличность удобнаго писчаго матеріала. Каменныя, стѣны и плиты годились только для монументальныхъ записей (м. пр., лѣтописнаго характера); деревянныя доски (на таковыхъ Солонъ вырѣзалъ свои законы) и воловьи шкуры—для необъемистыхъ; глиняные черепки (ostraka)—для еще болѣе краткихъ, въ родѣ расписокъ, бюллетеней и т. д.; навощенныя дощечки и песокъ — для временныхъ (ученическихъ работъ и т. под.) Вполнѣ удобнымъ матеріаломъ съ давнихъ поръ обладалъ Египетъ: это былъ папирусъ, родоначальникъ нашей бумаги, изготовляемый изъ рос-

шаго только тамъ растенія того же имени; но Египетъ былъ для Греціи замкнутой страной, пока во второй половинѣ VII вѣка фараонъ Псамметихъ не разрѣшилъ іонійцамъ основать тамъ колонію-факторію Навкратиду. Благодаря ей, папирусъ достался и грекамъ, прежде всего іонійцамъ; въ связи съ этимъ стоитъ возникновеніе писанной прозы у іонійцевъ съ VI вѣка и признаніе іонійскаго діалекта, какъ языка общеэллинской прозы, вплоть до его вытѣсненія аттическимъ въ концѣ V вѣка. Въ не—іонійскихъ государствахъ еще долго наука должна была либо довольствоваться простымъ преподаваніемъ, либо облекать свои произведенія въ стихотворную форму.

§ 13. Оставляя въ сторонѣ успѣхи прикладного знанія въ другихъ областяхъ, слишкомъ мало намъ извѣстные — но все же отмѣтивъ изобрѣтеніе лампады, замѣнившей лучину ахейскаго періода (выше стр. 28)—обратимся непосредственно къ самой важной изъ нихъ—къ медицинѣ.

Тутъ болѣе всего намъ бросается въ глаза почти полная сакрализація этой науки въ нашу эпоху, какъ послѣдствіе возникновенія религіи Аполлона. Медицину Аполлонъ взялъ подъ свое непосредственное покровительство; Асклепія, ахейскаго бога врачевателя (выше стр. 46), онъ объявилъ своимъ сыномъ. Отнынѣ святилища Асклепія стали мѣстами религіознаго леченія—т. наз. инкубаціи. Паціенты-паломники должны были провести въ нихъ ночь (для чего строились особыя при храмахъ гостинницы); увидѣнный ими сонъ они сообщали жрецу, который на его основаніи указывалъ средства леченія—б. ч., тоже религіозныя (молитвы, жертвоприношенія и т. д.). Кромѣ того, практиковалось и непосредственное леченіе при помощи оракуловъ (іатромантика), а также у могилъ «героевъ» (ниже § 17), которымъ среди прочихъ чудодѣйственныхъ силъ приписывалась и цѣлебная. Особенно бѣдственными были при этихъ условіяхъ повѣтрія: полагали, что ихъ посылалъ самъ Аполлонъ, а потому и за ихъ прекращеніемъ обращались къ нему, а неизбѣжное при всенародныхъ молитвахъ скопленіе людей еще увеличивало силу заразы.

Такимъ образомъ, придется признать, что нашъ періодъ сакрализаціи медицины сильно затормозилъ ея поступательное движеніе, начало котораго наблюдается въ ахейскій періодъ; все же безплоднымъ его назвать нельзя. Во-первыхъ, и при религіозномъ

врачеваніи получались часто реальныя исцѣленія, что должно было обратить вниманіе людей на цѣлебную силу психическаго воздѣйствія; а во-вторыхъ, среди указываемыхъ на основаніи инкубаціи лечебныхъ средствъ встрѣчаются, на ряду съ мистическими, и раціональныя. А такъ какъ паціенты-паломники, получившіе исцѣленіе, въ знакъ благодарности оставляли богу «скорбный листъ» о своей болѣзни въ видѣ записи на камнѣ, то знаменитые храмы, въ родѣ косскаго, превратились со временемъ въ настоящіе медицинскіе архивы, очень драгоцѣнные для пытливаго жреца-врачевателя. И дѣйствительно, здѣсь состоялось возрожденіе научной медицины: ея возродитель Гиппократъ былъ «асклепіадомъ» изъ Коса. Но это случилось уже въ слѣдующую эпоху.

§ 14. Интересъ къ чистому знанію сосредоточивался въ нашу эпоху на вопросѣ о міозданіи—точнѣе объ его возникновеніи и видѣ, или, что одно и то же, о природѣ. Въ центрѣ научнаго движенія стоитъ поэтому философія природы.

Толчекъ къ ней дала религія Зевса своимъ догматомъ о прародительницѣ Землѣ (выше стр. 57), при чемъ земля понималась не столько какъ стихія, сколько какъ божество; въ этомъ смыслѣ еще пѣвецъ Гесіодъ (ниже § 16) провозгласилъ ея исконность. Слѣдуя по его стопамъ, іонійская философія природы, прибл. съ 600 года, ставила вопросъ объ одушевленномъ и божественномъ правеществѣ, изъ котораго возникли другія,—но уже не въ наивномъ генеалогическомъ, а въ научномъ эволюціонномъ порядкѣ: ѳеогонію смѣнила космогонія. Ея чиноначальникомъ былъ Ѳалесъ милетскій, одинъ изъ многихъ «всечеловѣковъ» тѣхъ временъ—государственный мужъ, торговецъ-путешественникъ, техникъ, математикъ, астрономъ; математику онъ принесъ изъ Египта, астрономію изъ Вавилона, но обѣ эти науки проникъ духомъ эллинскаго научнаго разсужденія. Исходя изъ наблюденія, что влага—принципъ питанія и жизни, онъ рѣшилъ, что вода и есть то правещество, изъ котораго возникли остальныя. Его преемникъ Анаксимандръ милетскій не рѣшился точно опредѣлить это правещество: онъ назвалъ его просто «безпредѣльнымъ» (apeiron). Зато, онъ внесъ въ проблему мірового становленія нравственную идею: возникновеніе было первороднымъ грѣхомъ возникшаго, за него оно обречено разрушенію, какъ справедли-

вой карѣ—только правещество, никогда не возникшее, неразрушимо, и въ него должно вновь обратиться все возникшее. Такъ-то впервые былъ провозглашенъ великій принципъ неразрушимости матеріи.—Заслуга третьяго милетскаго философа, Анаксимена, состоитъ не столько въ томъ, что онъ правеществомъ призналъ воздухъ, сколько въ томъ, что онъ указалъ пути возникновенія изъ него прочихъ веществъ: путемъ сплоченія (онъ еще не сказалъ «атомовъ», но этотъ выводъ былъ отнынѣ неизбѣженъ) воздухъ переходитъ въ воду и затѣмъ въ землю, путемъ разрѣженія—въ огонь. Этимъ были установлены четыре состоянія вещества — твердое, жидкое, газообразное и лучистое.—Всѣ названные мыслители сходятся въ томъ что они вещество по своей природѣ недвижное признавали началомъ становленія, т.-е. движенія; избѣгая ихъ ошибки, Гераклитъ эфесскій (ок. 500) установилъ изначальность движенія и, слѣдовательно, правеществомъ—вѣчно движущійся огонь: изъ него все произошло, въ него все обратится. Онъ — жизнь и разумъ; все живетъ, поскольку оно причастно огню. Періодическія обогневѣнія—незыблемыя вѣхи мірового становленія; и подобно имъ, незыблемъ законъ, ими управляющій. Само же оно безцѣльно: «Эонъ — дитя, играющее въ шашки». Этотъ пессимизмъ былъ навѣянъ на угрюмаго мыслителя острой демократизаціей его родины, успѣвшей уже провозгласить принципъ извращенной демократіи: «среди насъ не должно быть превосходнаго». Враждебно относясь къ людямъ, онъ написалъ свою глубокомысленную книгу не для нихъ: окончивъ ее, онъ посвятилъ ее своей родной богинѣ, Артемидѣ, въ ея знаменитый эфесскій храмъ.

Вопросъ о формѣ мірозданія тоже былъ двинутъ впередъ іонійской школой. Правда, отъ двухъ основныхъ иллюзій, которыми мы обязаны непровѣренному свидѣтельству нашихъ глазъ—недвижности и плоскости земли—она еще не могла отдѣлаться; исходя отъ нихъ, Анаксимандръ училъ, что земля представляетъ собой плоскій цилиндръ, рѣющій въ центрѣ шаровиднаго космоса, грани котораго образуетъ усѣянное звѣздами небо. Онъ же составилъ и первую въ исторіи человѣчества карту земли—точнѣе, того круга ея мнимаго цилиндра, на которомъ живемъ мы; особенностями этой карты было «средиземное» море и кругоземный океанъ. Все это было очень наивно — и все же большимъ прогрессомъ въ сравненіи съ представленіями прежней эпохи (выше стр. 46).

Но домыслы Анаксимандра были далеко превзойдены Пиѳагоромъ и его школой. Этотъ замѣчательный человѣкъ былъ родомъ изъ Самоса—значитъ, тоже іоніецъ; покинувъ свою родину въ тиранію Поликрата (выше стр. 84), онъ принялъ приглашеніе стать правителемъ южно-италійскаго города Кротона, сильно пострадавшаго въ войнѣ съ сосѣднимъ Сибарисомъ. Онъ сталъ не только свѣтскимъ вождемъ этой общины, но и духовнымъ главою пиѳагорейскаго ордена (о немъ ниже, стр. 128) и достигъ того, что Кротонъ сталъ образцомъ здороваго города и восторжествовалъ въ новой войнѣ съ изнѣженными «сибаритами». Однимъ изъ его воспитательныхъ средствъ была музыка—особенно аполлоновская, струнная; производя опыты надъ монохордомъ, онъ открылъ главный законъ акустики,— что относительная высота звука стоитъ въ зависимости отъ соизмѣримыхъ и выраженныхъ простыми числами размѣровъ одинаково напряженной струны (1:2=октава, 2:3=квинта, 3:4=кварта и т. д.), т.-е. другими словами—теорію музыкальныхъ интерваловъ. Упоенный этимъ успѣхомъ въ сведеніи качественнаго различія къ количественному, онъ обобщилъ свое открытіе и провозгласилъ—предваряя новѣйшую химію—число корнемъ мірозданія. Своей школѣ онъ завѣщалъ дальнѣйшее развитіе какъ ариѳметики, скоро выродившейся въ мистицизмъ «священныхъ» чиселъ, и геометріи плоскости (вспомнимъ «пиѳагорову теорему»), такъ и примѣненіе этихъ наукъ къ объясненію мірозданія. Въ немъ Пиѳагоръ видѣлъ своего рода космическую лиру: въ центрѣ, какъ ея основа, земля, вокругъ нея—вращающіяся планетныя сферы, въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы ихъ вращеніе издавало звуки діатонической гаммы. Это и есть «гармонія сферъ»; мы ея не слышимъ, потому что привыкли къ ней.

Такъ-то Пиѳагоръ сблизилъ землю съ планетами; отрѣшившись отъ второй изъ вышеназванныхъ иллюзій, онъ приписалъ ей шаровидность, приближая къ ней по величинѣ солнце и прочія свѣтила. Оставалась первая иллюзія; его школа отрѣшилась и отъ нея, допуская въ средоточіи мірозданія т. наз. «очагъ», центральный огонь, вокругъ котораго вращается какъ земля, такъ и прочія свѣтила, вплоть до небесной тверди. Впервые въ исторіи человѣчества геоцентрическая система была покинута въ пользу небесной хореи—земля и солнце и звѣзды плавно и величаво обходятъ святой «очагъ» вселенной, какъ священнодѣйствующія дѣвы пылающій алтарь своей богини, подъ таинственные звуки «гармоніи

сферъ». Руководящая истина заставила насъ впослѣдствіи отвлечься отъ этой картины, но она не могла вырвать изъ нашего сердца воспоминанія объ ея красотѣ.

ГЛАВА III.

Искусство.

§ 15. **Изобразительныя искусства.** А. Архитектура. Сакральный характеръ нашего періода сказался и въ томъ, что уже не дворецъ, какъ въ ахейскую эпоху, а храмъ сталъ главнымъ предметомъ архитектуры.

Идея храма развилась изъ религіи Аполлона, признававшей періодическія epidêmiai бога, т.-е. его приходы изъ его гиперборейскаго рая къ людямъ. Чтобы его пріютить, надлежало приготовить ему бесѣдку въ его лавровой рощѣ, что достигалось сплетеніемъ вѣтвей (ср. Ил. I, 39). Желательность замѣны этого храма-бесѣдки настоящимъ храмомъ наступила тогда, когда богъ въ лицѣ своего кумира (ниже стр. 100) сталъ постояннымъ сожителемъ своихъ поклонниковъ. Пришлось ему выстроить жилище — для чего естественнѣе всего было воспользоваться готовой формой ахейской хоромы (выше 27) съ ея двумя колоннами между антъ. Итакъ, въ рощу была вдвинута хорома—или, что сводилось къ тому же, хорома была окружена колоннадой, замѣнившей деревья живой рощи. Дерево суживается кверху; ту же форму получила и развившаяся изъ него колонна, и этому принципу новой эллинской колонны подчинилась и старая ахейская междуантная колонна. Такъ возникъ эллинскій храмъ.

Если смотрѣть на него съ фронта, то въ немъ различаемъ слѣдующія части: 1) Три ступени, ведущія на стилобатъ, т.-е. устланную каменными квадратами прямоугольную площадь. 2) Колонны (обыкн. шесть), состоящія каждая изъ ствола, капители и абака. Стволъ непосредственно выростаетъ изъ стилобата, какъ дерево изъ почвы; онъ украшенъ продольными желобками («каннелюрами») съ острыми гранями; кверху онъ замѣтно съуживается. Капитель имѣетъ форму подушки (echinos, собст. «ежъ») тѣмъ болѣе выпуклой, чѣмъ древнѣе храмъ. Абакъ—квадратная плита надъ капителью. 3) Антаблементъ, состоящій изъ

гладкаго архитрава, фриза съ чередующимися триглифами и метопами (по одному триглифу подъ каждой колонной и каждымъ пролетомъ) и нависающаго карниза. 4) Фронтонъ, т.-е. треугольная площадь между карнизомъ и плоской двускатной крышей. — Съ боковъ, конечно, не было фронтоновъ, зато карнизъ украшался львиными головами, черезъ которыя стекала дождевая вода.

Строился храмъ вначалѣ изъ дерева, позднѣе изъ известняка; къ мрамору перешли лишь въ концѣ нашей эпохи. Условіями деревянной архитектуры объясняются и особенности описаннаго храмового стиля, сохраненныя, какъ своего рода архитектурные пережитки, и послѣ перехода къ камню.

Этотъ стиль мы называемъ дорическимъ, но онъ встрѣчается повсемѣстно въ Греціи. Ему противополагается стиль іонійскій, развившійся въ Малой Азіи тоже изъ деревянной архитектуры, но при металлической ея облицовкѣ. Отличается онъ отъ дорическаго въ слѣдующихъ частяхъ: 1) колонна имѣетъ подъ собой т. наз. базисъ; 2) сама она стройнѣе, не очень замѣтно съуживается и имѣетъ каннелюры о тупыхъ граняхъ; 3) ея капитель украшена т. наз. «волютами» (завитушками); 4) архитравъ состоитъ изъ трехъ полосъ; 5) фризъ — гладкій (т.-е. триглифы отсутствуютъ).—Другія особенности относятся къ орнаментикѣ, которой мы не касаемся. Въ общемъ, дорическіе храмы производятъ болѣе величавое, іонійскіе — болѣе изящное впечатлѣніе. И то и другое усиливалось привлеченіемъ къ украшенію храма также и скульптуры съ живописью. Скульптура украшала, однако—и въ этомъ сказывается глубокая осмысленность греческой архитектуры — не рабочія, а нейтральныя части зданія, преимущественно метопы (а въ іонійскихъ храмахъ—цѣлый фризъ) и фронтоны, при чемъ первыя—рельефными, а вторые — статуарными композиціями. Живопись привлекалась въ видѣ т. наз. полихроміи какъ цѣлыхъ полей (триглифовъ, метопъ, фронтоновъ), такъ и отдѣльныхъ узоровъ.

Первыми храмами, согласно сказанному, были храмы Аполлона; отъ него они распространились и на другихъ боговъ. Въ VII в. вся Греція покрылась храмами. Строили ихъ преимущественно на акрополяхъ, гдѣ они, соотвѣтственно послѣдовательной аристократизаціи Греціи, вытѣснили прежніе царскія дворцы; затѣмъ на городскихъ площадяхъ (agorai), но также и въ другихъ частяхъ города. Особенно дорогими греку были храмы на вда-

ющихся въ море мысахъ, издали привѣтствовавшіе возвращающагося на родину пловца—таковымъ былъ понынѣ незабвенный храмъ Посидона на аттическомъ Суніи. — Если богъ былъ предметомъ всеэллинскаго почитанія—какъ Зевсъ въ Олимпіи, Аполлонъ въ Дельфахъ и на Делосѣ, Деметра въ Элевсинѣ — то и обстановка была много роскошнѣе. Ему отводилась обширная ограда (peribolos); въ ней господствовалъ его храмъ, но по сосѣдству были и храмы родственныхъ божествъ; вдоль «священной дороги» стояли посвященія (статуи, колонны и т. д.) государствъ и частныхъ лицъ, затѣмъ — т. наз. «сокровищницы» (thêsauroi) преданныхъ богу государствъ, тоже имѣвшія форму храмиковъ, затѣмъ всевозможные портики, монументальныя полукруглыя скамьи, фонтаны и т. д. Священная дорога вела къ большому алтарю бога передъ его храмомъ, изъ таинственнаго полумрака котораго внушительно смотрѣлъ его кумиръ; кругомъ была площадь, на которой собирался народъ, чтобы присутствовать при гекатомбѣ и молитвенныхъ хороводахъ.

Б. Скульптура. Послѣ паденія ахейскаго искусства начинается ок. 700 г. новое возрожденіе скульптуры, но уже на сакральной почвѣ; свою главную задачу она видитъ въ изображеніи кумира бога и украшеніи его храма. И здѣсь вдохновительницей была религія Аполлона; первые сохраненные намъ кумиры—кумиры Аполлона (въ видѣ нагого юноши) и Артемиды. Ихъ мѣсто было въ храмѣ, часть котораго они составляли; отсюда на первыхъ порахъ обязательное и для нихъ требованіе строгой симметріи. Вначалѣ она была полной; затѣмъ художники-«дедалиды» (т.-е. искусники) — дерзнули выдвинуть впередъ одну ногу; традиція, конечно, приписала это новшество ихъ миѳическому родоначальнику Дедалу, о которомъ поэтому говорили, что онъ создавалъ «убѣгающія изваянія»; но въ теченіе всего нашего періода былъ въ силѣ, т. наз., «законъ фронтальности», по которому одна и та же вертикальная линія разрѣзала и лицо, и торсъ на двѣ равныя половины. Иногда старались придать лицу нѣкоторую оживленность, изображая на немъ улыбку. Полной свободы статуарная скульптура за весь нашъ періодъ достигнуть не могла; мы называемъ его періодомъ архаическимъ.

Центрами искусства были тогда іонійскіе города Малой Азіи, особенно Милетъ и Эфесъ; отсюда это іонійское искусство перекинулось на Киклады, особенно на богатые мраморомъ На-

ксосъ и Паросъ, и на славные своей металлургической техникой Самосъ и Критъ. Мраморъ и бронза стали излюбленнымъ матерьяломъ скульптуры, смѣняя первоначальный матерьялъ — дерево; все же скульптурѣ не сразу удалось освободиться отъ условностей деревянной техники, и древнѣйшіе кумиры еще сильно напоминаютъ обрубки деревянныхъ стволовъ. Къ концу періода основываются школы также въ Сикіонѣ, Эгинѣ, Аѳинахъ. Это имѣетъ послѣдствіемъ обособленіе дорической и аттической скульптуры, противоположившихъ извѣстную строгость и трезвость относительной мягкости іонійскихъ линій и формъ и пышности іонійской драпировки.

Скульптурное украшеніе храма имѣло своимъ полемъ, согласно сказанному (выше, стр. 99), фронтоны, дорическія метопы и іонійскіе непрерывные фризы; каждая изъ этихъ трехъ частей ставила скульптору особую задачу. При заполненіи статуями фронтоннаго треугольника приходилось изображать, кромѣ стоячихъ, еще наклонныя и лежачія фигуры, притомъ въ полупрофиль и въ профиль, что было несовмѣстимо съ сохраненіемъ закона фронтальности. Здѣсь, поэтому, гораздо раньше достигается свобода движенія, и часто лишь отсутствіе выразительности доказываетъ намъ, что данная фронтонная группа принадлежитъ еще къ архаическому періоду. Метопы представляли собою квадратъ; задача его заполненія рельефными фигурами повела къ требованію попарности;—вотъ почему излюбленными сюжетами метопной скульптуры стали поединки, особенно грековъ съ кентаврами или съ амазонками, при чемъ чередованіе мужскихъ фигуръ съ женскими и человѣческихъ съ полулошадиными доставляли глазу пріятное разнообразіе. Для іонійскаго фриза характерной была непрерывность; естественной темой были поэтому собраніе или шествіе. А такъ какъ голыя пространства между головами нарушали бы впечатлѣніе непрерывности, то возникло требованіе исокефаліи (т.-е. чтобы всѣ головы были на одинаковой высотѣ), ради котораго художники съ легкимъ сердцемъ пожертвовали требованіями пропорціи въ тѣхъ случаяхъ, когда среди стоячихъ фигуръ приходилось изображать сидячую или конную.

Вся эта скульптура была сакральной; изваянія людей-современниковъ допускались только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ освятила либо побѣда—на всеэллинскихъ играхъ, либо смерть. Но и огда статуя должна была быть «аниконической», т.-е не портрет-

ной, а идеализованной, и намъ бываетъ трудно отличить человѣка отъ бога. Сюда же относятся и статуи обоихъ «тираноубійцъ» (выше, стр. 84), изваянныя къ концу нашего періода первымъ аѳинскимъ скульпторомъ, о которомъ мы знаемъ—Антеноромъ.

В. Живопись въ нашу эпоху и въ слѣдующую изучается нами исключительно на керамическихъ издѣліяхъ; но въ то время, какъ для слѣдующей эпохи существованіе настоящей разноцвѣтной живописи намъ засвидѣтельствовано, и только ея памятники погибли,—для нашей даже существованіе живописи высокаго стиля представляется сомнительнымъ. Вмѣстѣ съ дворцами ахейской эпохи и ихъ стѣнопись отошла въ прошлое. Было ли принято украшать фресками внутреннія стѣны храмовъ? Врядъ ли—свидѣтельствъ и слѣдовъ не сохранилось никакихъ. И такъ придется допустить, что керамика была единственнымъ, скромнымъ полемъ для живописцевъ нашей эпохи.

И здѣсь, послѣ крушенія ахейской культуры, пришлось начинать съизнова. Этимъ началомъ былъ, т. наз., геометрическій стиль (прибл. до 700 г.): на фонѣ, сохраняющемъ натуральный цвѣтъ глины, изображаются красноватобурые узоры геометрическаго характера (зигзаги, меандры, круги, розетки и т. д., но не характерныя для ахейской эпохи спирали и полипы); встрѣчаются и человѣческія, и животныя фигуры, крайне тощія и скелетообразныя. Такъ какъ сохраненныя намъ вазы найдены всѣ въ гробницахъ, то естественно преобладаютъ сцены похоронъ—для насъ драгоцѣнный памятникъ быта того времени.

Затѣмъ (VII в.) даетъ себя чувствовать вліяніе азіатскихъ колоній, естественныхъ посредницъ между греческимъ и восточнымъ міромъ: появляются восточные узоры (пальметки, лотосы) и восточныя фантастическія фигуры (сфинксы, сирены, грифоны), это—іонійскій стиль. Современемъ торговый Коринѳъ монополизируетъ производство вазъ и создаетъ болѣе или менѣе однообразную технику; ваза дѣлится на рядъ полосъ, каждая украшается фризомъ изъ животныхъ, реальныхъ и фантастическихъ, при чемъ пустыя пространства заполняются розетками и т. под. орнаментами (коринѳскій стиль).

Затѣмъ побѣды и законы Солона ведутъ къ расцвѣту керамики въ Аттикѣ, самой природой наиболѣе облагодѣтельствованной въ этомъ отношеніи: ваза окрашивается въ красный цвѣтъ, и на этомъ фонѣ чернымъ лакомъ выводятся силуэты животныхъ и людей (чернофигурный стиль), при чемъ, ради ясности, лицо, руки и

ноги женщины нерѣдко покрываются бѣлой краской. Фигуры еще условны, движенія угловаты, но все же чувствуется большой прогрессъ въ сравненіи съ предыдущимъ періодомъ. Преобладаютъ сцены миѳологическаго характера, иллюстраціи къ героическому эпосу, свидѣтельствующія объ его популярности въ Аѳинахъ; но встрѣчаются и бытовыя сцены, особенно пиршества мужчинъ и бесѣды дѣвушекъ у фонтана. Сама форма сосуда получаетъ невиданное раньше благородство: онъ точно выростаетъ изъ земли, при чемъ бьющая снизу растительная сила округляетъ его сверху (ср. особенно амфору, кратеръ, гидрію). Въ соотвѣтствіи съ достигнутыми успѣхами растетъ и самосознаніе мастеровъ: лучшіе увѣковѣчиваютъ свои имена, такой-то (гончаръ)—epoiêse, такой-то (живописецъ)—egrapse.

Въ той же Аттикѣ, при Писистратѣ, вазопись испытываетъ еще одну рѣшающую реформу: вся ваза покрывается чернымъ лакомъ, только фигуры остаются красными, при чемъ внутреннія линіи наводятся на эти красные силуэты черной краской (краснофигурный стиль). Сравнительно большее удобство этого метода даетъ художнику возможность достигнуть почти полнаго реализма въ изображеніи человѣка: только извѣстная симметрія въ драпировкѣ, а также упомянутая уже условность (выше, стр. 50) въ изображеніи глазъ показываютъ намъ, что архаизмъ все еще не преодолѣнъ. Къ этому строгому стилю краснофигурной росписи принадлежатъ наиболѣе прославленные мастера: Бригъ (Brygos), Дуридъ (Duris), Евфроній; отъ нихъ намъ сохранено немало памятниковъ (особенно плоскихъ чашъ) поразительной тонкости и красоты.

Такъ-то и это скромное гончарное ремесло въ своемъ развитіи указываетъ на предстоящее величіе Аѳинъ.

§ 16. **Мусическія искусства.** Ихъ развитіе мы можемъ прослѣдить въ четырехъ направленіяхъ: 1) какъ развитіе тріединой хореи, т.-е. соединенія поэзіи, музыки и пляски; 2) какъ развитіе освободившейся отъ пляски, но удержавшей музыкальный элементъ въ напѣвѣ и аккомпанементѣ пѣсни; 3) какъ развитіе обособившейся также и отъ слова чистой музыки, и, наконецъ, 4) какъ зарожденіе и развитіе чуждаго всякой хореи неразмѣреннаго слова—т. наз., прозы. Но отсутствіе памятниковъ для хореи вплоть до VII в. заставляетъ насъ начать со второго на

правленія—съ окрыленной напѣвомъ пѣсни, которая именно для того, чтобы не превратиться обратно въ хорею, должна была быть объективной, т.-е. былевой. Другими словами—должна была быть эпосомъ.

А. Время его художественнаго развитія наступило тогда, когда зародилось сословіе носителей и былевого преданія и техническихъ пріемовъ его обработки; это были пѣвцы, аэды, «вѣщіе» люди ранней античности вплоть до 600 г., когда ихъ въ этой роли смѣнили философы. Они состояли въ цѣхѣ ремесленниковъ и называли себя охотно гомеридами, т.-е. с-ладителями (отъ homo-«со» и глагольнаго корня ar-«лад-»), это наименованіе при естественной семейной преемственности ремесла должно было неизбѣжно вызвать представленіе о родоначальникѣ Гомерѣ, такъ же, какъ родственное наименованіе ваятелей-дедалидовъ (выше стр. 100)—представленіе о миѳическомъ родоначальникѣ Дедалѣ. Преданіе, носителями котораго были гомериды, обнимало, прежде всего, важнѣйшія для мыслящаго человѣка вопросы—космогоническій и эсхатологическій. Въ первомъ темой пѣвцовъ были религія Зевса и его попытка черезъ созданнаго имъ богочеловѣка (въ ахейскомъ изводѣ—Ахилла) избѣгнуть гибели (выше, стр. 58); во второмъ—похожденіе героя (Одиссея) черезъ всѣ царства многообразной смерти. Колоніальное движеніе съ его войнами и странствованіями повело къ очеловѣченію обоихъ миѳовъ и къ ихъ сліянію съ событіями дня: изъ космогоническаго миѳа возникъ эпосъ о троянской войнѣ, изъ эсхатологическаго — эпосъ о возвратѣ Одиссея; отпавшая религіозная идея была мало-по-малу замѣнена нравственной, особенно сильной въ первомъ эпосѣ, въ «Иліадѣ».

Оскорбленный верховнымъ вождемъ Агамемнономъ, Ахиллъ пылаетъ «гнѣвомъ»; онъ отказываетъ своимъ соратникамъ въ своей помощи, удаляется отъ общаго дѣла — его желаніе исполняется, оставленные имъ ахейцы терпятъ пораженіе, но въ происходящей безъ него битвѣ гибнетъ его лучшій и любимѣйшій другъ, Патроклъ. Тогда его гнѣвъ отъ своихъ обращается противъ враговъ: онъ мирится съ Агамемнономъ и требуетъ скорѣйшей битвы, въ которой онъ могъ бы сразиться съ убійцей своего друга, Гекторомъ, сыномъ троянскаго царя Пріама. Вторично его желаніе исполняется: онъ мститъ за Патрокла, убиваетъ Гектора—и вторично познаетъ тщету своего гнѣва, когда ночью въ его палатку является сломленный горемъ старый Пріамъ и, цѣлуя его руку,

умоляетъ его отдать ему для честныхъ похоронъ тѣло его убитаго сына. Такова наука «пѣсни о гнѣвѣ Ахилла»:

О, да погибнетъ вражда, отъ боговъ проклята и отъ смертныхъ—

(XVIII, 107) — наука, до величія которой человѣчество все еще не смогло возвыситься.

Менѣе величава, но болѣе плѣнительна разнообразіемъ смѣняющихся картинъ вторая поэма «Одиссея», эта трогательная «пѣснь о тоскѣ по родинѣ». И она примыкаетъ къ троянской войнѣ: отплывшій по взятіи города, Одиссей бурею сбивается съ правильнаго пути, вѣтры уносятъ его въ сказочную даль: то страшныя опасности, то ласка привѣтливыхъ богинь преграждаютъ ему путь домой,—но онъ остается вѣренъ своему страстному желанію

Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ восходящій.

(I, 67). И вотъ онъ, наконецъ, на родинѣ, пріѣхавъ одинъ, безъ товарищей,—но здѣсь онъ видитъ себя чужимъ въ собственномъ домѣ, которымъ завладѣли, въ его отсутствіи, насильники-женихи его вѣрной жены Пенелопы. Его месть женихамъ—вторая часть поэмы; она кончается его признаніемъ женой и примиреніемъ съ народомъ.

Но это только общее содержаніе; еще болѣе плѣняетъ насъ гомеровскій эпосъ отдѣльными сценами, изображенными съ полнымъ драматизмомъ и обрисовкой дѣйствующихъ лицъ. Въ искусствѣ характеристики онъ достигъ поразительнаго мастерства: съ одинаковымъ совершенствомъ изображаетъ онъ и суровыя, и мягкія натуры, и, что всего труднѣе, совмѣщающія суровость съ нѣжностью, вродѣ Ахилла. Въ этомъ искусствѣ, мы — какъ и въ представленномъ бытѣ—должны признать наслѣдіе ахейскихъ временъ; позднѣйшіе (особенно драматурги) должны были ему учиться съизнова, такъ же, какъ и изобразительнымъ искусствамъ.

Стихомъ героическаго эпоса, благодаря гомеридамъ, установился гексаметръ; онъ остался таковымъ до самаго конца античности. Произносился онъ на распѣвъ, подъ несложный аккомпанементъ «форминги»; обстановку, при которой пѣвецъ «пѣлъ» внушенные ему музой отрывки, превосходно изображаетъ Одиссея (особ. VIII п.): ею былъ царскій дворъ и царская трапеза. Аристократизація Греціи положила конецъ этой обстановкѣ; поколѣніе аэдовъ перевелось; его смѣнило поколѣніе «рапсодовъ», помнившихъ своего «Гомера» наизусть и читавшихъ его все-

народно, на «рапсодическихъ» состязаніяхъ. Такъ обстояло дѣло и въ Аѳинахъ, по крайней мѣрѣ, со времени Солона, постановившаго, чтобы на «панаѳинейскомъ» агонѣ былъ исполняемъ весь Гомеръ.

А такъ какъ для этого требовался писанный текстъ, по которому можно бы было провѣрять рапсодовъ, то со времени Писистрата «Гомеръ» сталъ книгой, которую ничто не мѣшало ввести и въ школьное употребленіе,—что Эллада и сдѣлала, къ благу для себя, повсемѣстно.

Вернемся, однако, къ поэтамъ. Они перенесли гомеровское преданіе изъ ахейской Греціи, его первоначальной родины, сначала въ эолійскія, а затѣмъ и въ іонійскія колоніи Малой Азіи; здѣсь, въ Іоніи, Гомеръ получилъ свою окончательную редакцію, спаявшую первичное ядро съ послѣдовательными наслоеніями и объединившую всѣ части общимъ языкомъ—іонійскимъ, но съ многочисленными эолійскими «пережитками». По успѣшномъ окончаніи этой задачи они принялись за новыя; было создано великое множество эпическихъ поэмъ изъ различныхъ цикловъ героической саги: о приключеніяхъ Аргонавтовъ, о судьбѣ Эдипа и походѣ семи вождей противъ Ѳивъ, о подвигахъ и смерти Геракла и особенно — объ отдѣльныхъ эпизодахъ троянской войны, отъ свадьбы Пелея и Ѳетиды до смерти Одиссея. Этотъ «эпическій циклъ» (не сохр.) былъ очень интересенъ по своему содержанію, но поэтическаго таланта его творцы-аэды проявили мало: идя по стопамъ Гомера, они ремесленно повторяли его пріемы и формулы съ усердіемъ, которое часто напрашивалось на пародію и нашло ее, наконецъ, въ лицѣ сохранившейся намъ, довольно забавной «Войны мышей и лягушекъ» (Batrachomyomachia).

Но вотъ, пока въ азіатской Греціи въ вымирающихъ школахъ аэдовъ героическій эпосъ затягивался тиной шаблонности, въ европейской нашелся человѣкъ, указавшій эпической поэзіи новые пути. Это былъ Гесіодъ изъ беотійской Аскры у подножія Геликона. Его отецъ былъ родомъ изъ Эоліи и оттуда, надо полагать, перенесъ въ свою новую родину языкъ и технику гомеридовъ; такъ-то Гесіодъ могъ стать поэтомъ. Для насъ это—первая уловимая личность въ античной литературѣ (VIII в.). Своимъ поэтическимъ призваніемъ онъ былъ обязанъ видѣнію, въ которомъ передъ нимъ предстали воочію безпомощность и низменно - матеріальные интересы его согражданъ, деревенскаго про-

летаріата, изнуреннаго тяжелымъ трудомъ и обижаемаго «дароѣдами» изъ родовитой знати (выше, стр. 77). Въ противоположность аэдамъ-гомеридамъ, гостямъ царскихъ трапезъ, онъ сталъ пѣвцомъ крестьянской бѣдноты; для нея онъ создалъ свою главную поэму «Труды и дни», очень вольно скомпанованную (главныя части — о «трудахъ» земледѣльца и судовщика и о счастливыхъ и несчастныхъ «дняхъ»,—сплетаются съ миѳами, притчами, личными воспоминаніями и нравоучительными изреченіями, подчасъ удивительно глубокими и мѣткими). Для нея же онъ составилъ «Ѳеогонію», поэму о происхожденіи боговъ, въ которой онъ пытается противопоставить гомеровской фантастичности трезвую и сухую истину: эта поэма имѣла большое значеніе для установленія миѳолого-генеалогической сущности греческой религіи. Такъ-то Гесіодъ сталъ родоначальникомъ второй главной вѣтви эпическаго древа — д и д а к т и ч е с к о й. Собственно дидактика— достояніе научной прозы, къ которой она и отошла впослѣдствіи; но въ тѣ раннія времена условія, препятствовавшія возникновенію этой прозы, естественно заставляли учителей-пѣвцовъ придавать своимъ поученіямъ стихотворную форму.

Пѣвцы гесіодовской школы отчасти продолжали его строго дидактическую линію, перелагая въ стихи то ту, то другую область прикладного знанія; отчасти они, подражая его «Ѳеогоніи» и подчиняясь соблазну аристократическихъ дворовъ, воспѣвали миѳическія родословныя своихъ покровителей. Изъ этихъ послѣднихъ работъ возникъ очень плодовитый г е н е а л о г и ч е с к і й э п о с ъ, какъ разновидность дидактическаго; послѣ героическаго это была уже вторая поэтическая обработка греческой миѳологіи. Генеалогическій эпосъ важенъ также, какъ одинъ изъ обоихъ корней позднѣйшей исторіографіи (вторымъ была лѣтопись).

Приблизительно черезъ столѣтіе послѣ отщепленія дидактическаго эпоса іонійское древо эпическаго пѣснопѣнія дало новый, очень живучій побѣгъ въ видѣ э л е г і и. У насъ это слово, прежде всего, вызываетъ представленіе опредѣленнаго настроенія—тихой грусти и мирнаго отреченія; въ нашу эпоху оно было пріурочено къ опредѣленной метрической формѣ — соединенію гексаметра съ пентаметромъ, образцомъ котораго можетъ служить знаменитое надгробіе ѳермопильскихъ героевъ:

Странникъ, во Спарту пришедши, о насъ возвѣсти ты народу,
Что, исполняя законъ, здѣсь мы костьми полегли.

Типы же элегическихъ поэмъ были довольно разнообразны. Изъ обоихъ поэтовъ-основателей, одинъ, Каллинъ эфесскій, своимъ элегіями вдохновлялъ своихъ согражданъ къ сопротивленію надвигавшимся съ востока полчищамъ варваровъ («воинственная элегія»), другой, Архилохъ паросскій, м. пр., утѣшалъ своего друга по поводу смерти дорогого человѣка («траурная элегія», образецъ нашей). За ними, еще въ томъ же VII в., усыновленный Спартою, аѳинянинъ Тиртей въ элегической формѣ возвеличилъ законъ своей новой родины (выше, стр. 78, «гражданская элегія»)—тотъ законъ, который позднѣе освятили своей смертью ѳермопильскіе бойцы,—и онъ же, какъ «пѣвецъ въ станѣ воиновъ», слѣдуя почину Каллина, побуждалъ своихъ согражданъ къ самоотверженію и стойкости въ мессенской войнѣ. Поколѣніемъ позже Мимнермъ колофонскій, представитель уже порабощенной Іоніи, охваченный запоздалой любовью, въ полныхъ грустнаго раздумія пѣсняхъ пѣлъ о своей страсти и о скоротечности молодости и красоты («эротическая элегія»—къ слову сказать, первое вступленіе любви въ поэзію). Еще позже его мужественный антиподъ, Солонъ аѳинскій, въ славной элегіи звалъ своихъ согражданъ въ новый бой съ Мегарой изъза «желаннаго» Саламина; и онъ же—и въ этомъ подражая Тиртею—въ рядѣ гражданскихъ элегій объяснилъ имъ сущность и нравственныя основы своего законодательства.—Отъ всѣхъ названныхъ элегиковъ намъ сохранились лишь болѣе или менѣе крупные отрывки; нѣчто цѣлое (1 книгу съ небольшимъ) мы имѣемъ только отъ послѣдняго въ ихъ ряду, Ѳеогнида мегарскаго, просвѣщавшаго своего друга Кирна въ духѣ аристократической морали. Въ его «нравоучительной элегіи» уже слышатся удары побѣдоносной демократіи и раскаты надвигающагося персидскаго погрома.

Всѣ эти типы, очень разнородные по содержанію, объединяются извѣстной лиричностью, обусловленной равномѣрностью чередованія полнаго и неполнаго стиха, и свойственнымъ ей субъективизмомъ. Все же это, съ античной точки зрѣнія, еще не лирика: размѣръ слишкомъ близко стоитъ къ эпическому, и настоящей хореи наша элегія не знала.

Б. Возрожденію хореи должно было предшествовать развитіе инструментальной музыки; а оно имѣло своимъ необходимымъ условіемъ замѣну наивной, четырехструнной форминги гомеридовъ болѣе совершеннымъ инструментомъ. Таковыми

были два—к и ѳ а р а и ф л е й т а (aulós, правильнѣе «кларнетъ», такъ какъ онъ былъ снабженъ металлическимъ язычкомъ); изъ нихъ первая принадлежала къ обрядности религіи Аполлона, второй—къ обрядности религіи Діониса; упрощенной киѳарой была лира, играть на которой долженъ былъ умѣть всякій образованный человѣкъ. Оба годились какъ для чисто-инструментальной игры (киѳаристики и авлетики), такъ и для вокально-инструментальной (киѳародики и авлодики).

И та и другая музыка возникла сначала въ малоазійскихъ колоніяхъ, благодаря ознакомленію эллиновъ съ восточнымъ міромъ; оттуда онѣ были переданы въ собственную Грецію, гдѣ ихъ нормы были установлены раченіемъ дельфійскаго оракула въ Спартѣ путемъ двухъ послѣдовательныхъ «катастазъ» (katastasis) въ VII в., изъ коихъ первая была связана съ именемъ лезбосца Т е р п а н д р а (для струнной музыки), вторая—съ именемъ К л о́ н а с а (для духовой). Эти «установленія» могутъ насъ озадачить; къ чему, спросятъ, стѣснять свободу творчества? Но они стоятъ въ связи съ огромнымъ нравственно-политическимъ значеніемъ, которое древніе приписывали музыкѣ (выше, стр. 97): «никогда», говаривалъ композиторъ Дамонъ, «не были измѣнены музыкальныя нормы безъ величайшихъ сотрясеній политической жизни» — и Платонъ присоединятся къ его мнѣнію (Госуд. VI pag. 424 C.).

Основой музыки у грековъ были три діатоническихъ гаммы, изъ коихъ одна, дорическая, соотвѣтствовала нашему минору, обѣ другія, лидійская и фригійская, почти совпадали съ нашимъ мажоромъ; насколько, однако, ихъ музыкальное чувство отличалось отъ нашего, видно изъ того, что они приписывали своей дорической тональности мужественный и строгій характеръ, обѣимъ другимъ—либо изнѣженный, либо страстный. Аккордовъ—а съ ними и «гармоніи» въ нашемъ смыслѣ—античная музыка не знала; зато мелодія была очень развита, допуская не только хроматизмъ (т.-е. полутоны), но и т. наз. chroiai, т.-е. четвертные тона. Интервалы въ напѣвахъ были небольшіе, какъ нынѣ въ восточной музыкѣ, вслѣдствіе чего эти напѣвы производятъ на насъ впечатлѣніе какого-то журчанія. Вообще, это—для насъ самая чуждая область античной жизни; если бы намъ были сохранены самыя славныя композиціи древности, мы бы ихъ не поняли — и наоборотъ

Скажемъ нѣсколько словъ и объ античной пляскѣ. Нашихъ «паръ» (кавалера съ дамой) она не знала: пляска была либо хороводной (хорея въ т. см.), либо одиночной (орхестика въ т. см.). Она исполнялась не ногами только, но и руками и прочимъ тѣломъ, чѣмъ и исключалась попарность въ нашемъ смыслѣ. Она была либо лирической (подобно нашей), либо драматической, изображая какой-нибудь миѳъ, но въ обоихъ случаяхъ содержательной, даже когда она была лишена сопровождающаго слова. Объ ея освященіи религіей рѣчь была выше (стр. 51). Въ силу всего сказаннаго пляска была вдревности однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ образованія и стояла такъ высоко, какъ никогда впослѣдствіи: помимо того, что она «раскрѣпощала тѣло», придавая его органамъ подвижность и выразительность—она своимъ содержаніемъ настраивала и обогащала душу пляшущаго. Этимъ объясняется употребленіе у грековъ слова achoreutos въ смыслѣ нашего «необразованный», а также и замѣчательное слово Платона: «Онъ пляшетъ хорошо, прекрасно; но прибавимъ требованіе, чтобы онъ плясалъ хорошее» (Законы II, 2).

В. Развитіе музыки, какъ части тріединой хореи, имѣло послѣдствіемъ и развитіе соединенной съ ней поэзіи, т.-е. хорической лирики. Она стала господствующей отраслью греческой поэзіи въ VII и VI вв. послѣ упадка свѣтскаго эпоса а такъ какъ она была исключительно богослужебнаго характера, то ея торжество было завершеніемъ сакрализаціи также и поэзіи въ указанную эпоху,—эпоху расцвѣта аристократіи и дельфійской религіи.

Въ центрѣ интереса былъ богослужебный гимнъ съ его разновидностями («пэанъ»—въ честь Аполлона, «просодія»—процессіонный гимнъ въ честь его же, «парѳенія»—гимнъ для исполненія дѣвами, «диѳирамбъ»—въ честь Діониса и т. д.). Его композиція была либо моностpофическая, либо эподическая. Въ первомъ случаѣ одна и та же метрическая строфа повторялась неопредѣленное число разъ, при все новомъ и новомъ содержаніи; во второмъ—размѣръ «строфы» повторялся въ «антистрофѣ», послѣ чего слѣдовалъ «эподъ» въ другомъ, хотя и родственномъ размѣрѣ, и вся эта тріада повторялась неопредѣленное число разъ при все новомъ и новомъ содержаніи. Въ обоихъ случаяхъ размѣръ строфъ (и эподовъ) изобрѣтался поэтомъ для каждаго гимна особо,—общепринятыхъ строфъ не было;

этимъ хорическая лирика отличается отъ мелической (см. ниже, стр. 114) и отъ нашей. — По содержанію гимнъ состоялъ изъ трехъ частей: миѳологической, нравоучительной и личной. Въ миѳологической обрабатывался одинъ какой-нибудь миѳъ, притомъ съ точки зрѣнія дельфійской религіи (ниже, стр. 119); послѣ героическаго и генеалогическаго эпосовъ это было уже третье поэтическое претвореніе греческой миѳологіи). Въ нравоучительной развивались дельфійская общественная и политическая мораль; въ личной, наконецъ, поэтъ говорилъ о себѣ и о томъ, что было близко его сердцу.

Началось развитіе хореи въ той же Спартѣ, которая, благо- [redacted] Терпандру, стала законодательницей и музыки; его чинона- [redacted]ъ былъ Алкманъ (VII в.), родомъ лидійскій грекъ, [redacted]вленный Спартой, какъ и Терпандръ и Тиртей, заботой [redacted]въ, которые всячески стремились окультурить свою могучую [redacted]юзницу. Онъ былъ преимущественно воспитателемъ женской [redacted]дежи и особенно прославился своими парѳеніями — очень граціозными, если судить по сохраненному образцу. Въ нихъ, впрочемъ, преобладала личная часть: нравоучительная и особенно миѳологическая давались ему туго. — Этотъ послѣдній пробѣлъ восполнилъ нѣсколько позже сициліецъ Стесихоръ, первый крупный поэтъ греческаго запада. Въ его объемистыхъ гимнахъ миѳологическая часть до того преобладала надъ остальными, что они производили впечатлѣніе нашихъ балладъ.—По стопамъ обоихъ пошелъ Ивикъ (Ibykos) регійскій, герой извѣстной легенды; его «отрочьи» гимны доставили ему такую же славу, какую Алкману его парѳеніи.—Конецъ VI в. и начало V принадлежатъ знаменитому тріумвирату хорической лирики, членами котораго были оба кеосца, Симонидъ (Младшій) и Вакхилидъ, и ѳиванецъ Пиндаръ; мы можемъ непосредственно судить только объ обоихъ послѣднихъ, такъ какъ только ихъ произведенія намъ отчасти сохранены. Они ввели въ хорическую лирику также и энкоміи, т.-е. гимны въ честь людей,— но людей освященныхъ либо побѣдой (epinikion), либо смертью (thrênos). Религіозный характеръ отъ этого не пострадалъ, такъ какъ они исполнялись на—благодарственномъ или поминальномъ— молебствіи; имъ объяснялось и оправдывалось то повышенное настроеніе, которое свойственно «пиндарическому» стилю. Пиндара можно оцѣнить только въ его родной стихіи—въ античной религіозной хореѣ; не его вина, что его величавыя и глубоко-

мысленныя поэмы стали непонятыми образцами для напыщенно-льстивыхъ «одъ» совсѣмъ не богослужебнаго характера.

А впрочемъ, изъ общаго фона религіозной хореи рано выдѣлились два рода лирической поэзіи, имѣвшіе свою собственную судьбу и слившіеся впослѣдствіи въ новую поэтическую единицу — драму. Это были, во-первыхъ — ямбъ, во-вторыхъ — диѳирамбъ; родиной перваго была религія Деметры, родиной второго — религія Діониса.

Объ обѣихъ рѣчь впереди; здѣсь будетъ достаточно замѣтить относительно ямба, что въ хороводахъ Деметры было принято прерывать торжественность хореи шутливыми выпадами личнаго характера; узаконеннымъ для нихъ размѣромъ былъ ямбичес [redacted] болѣе всего приближающійся въ разговорной рѣчи. Ле [redacted] разила это отношеніе ямба къ культу Деметры тѣм [redacted] предполагаемую чиноначальницу Ямбу рѣзвой [redacted] элевсинской царицы Метаниры и разсказыва [redacted], что ей одной удалось своей веселостью вызвать [redacted] на лицѣ ея гостьи, огорченной потерей дочери богини Деметры. — Изъ рода жрецовъ паросской Деметры происходилъ Архилохъ (VII в.), тотъ самый, котораго мы назвали въ числѣ первыхъ элегическихъ поэтовъ; онъ выдѣлилъ ямбъ изъ хореи и, сдѣлавъ его самостоятельнымъ, воспользовался имъ для поэтическаго выраженія всей горечи и злобы, которая накипѣла въ его страстной и мятежной душѣ — злобы противъ своихъ личныхъ враговъ, противъ всей безпокойной жизни колонистовъ-золотопромышленниковъ на островѣ Ѳасосѣ, въ числѣ которыхъ находился и онъ, и особенно — противъ своего земляка Ликамба, обѣщавшаго ему сначала свою дочь Необулу и затѣмъ нарушившаго свое обѣщаніе; послѣднихъ онъ, говорятъ, своими «ямбами» такъ опозорилъ, что они съ отчаянія повѣсились. Ихъ размѣромъ былъ, кромѣ ямбическаго триметра, еще и трохаическій тетраметръ, а также и т. наз. эподъ (отличный отъ хорическаго, выше стр. 110), т.-е двустишіе, состоящее изъ долгаго и короткаго стиха. — Поколѣніемъ позже жилъ Симонидъ (Старшій) изъ Аморгоса; онъ избралъ ямбъ оружіемъ уже не только личной, но и общей сатиры, образчикомъ которой можетъ служить сохраненное намъ его стихотвореніе «о женщинахъ». Въ немъ онъ, слѣдуя чисто-іонійскому обычаю «сравненія» (eikazein), производитъ различные типы женщинъ отъ различныхъ животныхъ или стихій: капризницу отъ моря, лѣнтяйку отъ земли, неряху отъ свиньи, злюку отъ собаки, кокетку

отъ лошади и т. д.; сатира кончается теплымъ описаніемъ благонравной и привѣтливой женщины, происшедшей отъ пчелы. — Къ манерѣ Архилоха вернулся третій крупный ямбическій поэтъ Гиппонактъ эфесскій (Hippônax, VI в.), но онъ пожертвовалъ благородствомъ его языка и, вполнѣ сроднившись съ низменной обстановкой, въ которую его толкнула судьба, сталъ настоящимъ представителемъ босяцкой поэзіи. Ямбическій триметръ своего образца онъ слегка видоизмѣнилъ, введя спондей въ послѣднюю стопу, чѣмъ достигъ очень эффектнаго и подходящаго къ характеру насмѣшки перебоя ритма.—Вся эта ямбическая поэзія была расчитана прежде всего на произношеніе, и затѣмъ уже записывалась; на всенародныхъ празднествахъ поэтъ-пѣвецъ обращался къ толпѣ и на распѣвъ читалъ ей свои стихи, сопровождая ихъ игрой на простомъ струнномъ инструментѣ, т. наз., ямбикѣ (iambykê). Связь съ хореей, порванная Архилохомъ, была возстановлена въ VI в. включеніемъ ямба, какъ діалогическаго размѣра, въ составъ драмы; но для этого надо было предварительно развиться до надлежащей высоты ея второму составному элементу — диѳирамбу.

Этотъ диѳирамбъ былъ первоначально восторженной, экстатической пѣснью въ честь Діониса. Особая роль была въ немъ предоставлена запѣвалѣ, въ силу чего этому роду хорической поэзіи съ самаго начала былъ свойственен нѣкоторый драматическій элементъ. Онъ былъ усиленъ тѣмъ, что участники хора стали наряжаться сатирами,—такъ назывались лѣсные духи, веселые товарищи Діониса; такъ какъ они представлялись полулюдьми-полукозлами, то ихъ пѣснь называлась «пѣснью козловъ», trag-ôdia (отъ tragos—«козелъ»). Это нововведеніе приписывается диѳирамбическому поэту при дворѣ Періандра коринѳскаго, легендарному Аріону. Его послѣдователемъ былъ тотъ Ѳеспидъ (Thespis), котораго Писистратъ пригласилъ въ 534 г. украсить своей «трагедіей», учрежденный имъ праздникъ Великій Діонисій; здѣсь, на аѳинской почвѣ, трагедія расширила свой кругозоръ, введя въ него уже не только діонисическій кругъ преданій, но и всю вообще греческую сагу и даже—въ своей ранней, юношеской смѣлости—и современную исторію. Такъ послѣ горестной для всей Греціи неудачи іонійскаго возстанія и взятія персами Милета въ 494 г. Фринихъ поставилъ въ Аѳинахъ трагедію подъ заглавіемъ «Взятіе Милета» и тронулъ ею до слезъ собравшійся смотрѣть ее народъ.

Впрочемъ, въ этой ранней трагедіи драматическій элементъ былъ слабо развитъ; это была скорѣе (диѳирамбическая) кантата со вложенными (ямбическими) разсказами вѣстниковъ. Превращеніе трагедіи въ настоящую драму состоялось лишь въ слѣдующую эпоху.

Но починъ Архилоха, отъ котораго ведетъ свое происхожденіе ямбъ и, косвенно, драма, призвалъ къ жизни и другую отрасль поэзіи—лирику въ нашемъ смыслѣ слова или, какъ говорили греки, м е л и к у. Ея зародышемъ были тѣ э п о д ы, о которыхъ рѣчь была выше—краткія двустишныя строфы. Путемъ повторенія ихъ составныхъ стиховъ не трудно было превратить ихъ въ нѣсколько болѣе богатыя, но все же очень простыя трех-и-четырехстишныя; такъ возникла м е л и ч е с к а я с т р о ф а. Отъ хорической она отличается—кромѣ этой своей простоты, а также и отсутствія хореи—еще своей всеобщностью. Она не была пріурочена, именно, къ данной поэмѣ: разъ изобрѣтенная, она могла употребляться въ самыхъ различныхъ стихотвореніяхъ и своего изобрѣтателя и, равнымъ образомъ, другихъ поэтовъ. Свой субъективный характеръ она унаслѣдовала отъ ямба: дѣломъ каждаго поэта было расширить или съузить скалу чувствъ, носительницей которыхъ онъ ее дѣлалъ.

Еще близко къ Архилоху стоитъ первый мелическій поэтъ, лезбосецъ А л к е й (ок. 600); проведши свою жизнь въ борьбѣ съ единоличными властителями своей родины — Меланхроемъ, Мирсиломъ и, къ сожалѣнію, также благороднымъ Питтакомъ,—онъ именно ее сдѣлалъ содержаніемъ своихъ «пѣсенъ борьбы» (stasiôtika), самыхъ знаменитыхъ среди его стихотвореній. Его имя носитъ одна изъ наиболѣе извѣстныхъ мелическихъ строфъ, о которой дастъ представленіе сохраненное намъ начало одной изъ его пѣсенъ:

Съ причудой вѣтровъ сладить не въ силахъ я.
Смотри, отсюда грозный нагрянулъ валъ,
И вдругъ—оттуда; мы жъ несемся
Средней тропою на черномъ стругѣ.

Нѣжнѣе настроена лира его землячки и младшей современницы, стихотворицы С а ф ф о—первой пѣвицы женскихъ чувствъ и женской доли. Ея поэтическая дѣятельность опредѣлялась тѣмъ, что она была руководительницей кружка дѣвушекъ (выше, стр. 74): священнодѣйствія въ честь богинь-покровительницъ, игры съ подру-

гами на цвѣтистыхъ лужайкахъ, дѣвичья дружба и дѣвичья ревность, властная любовь, вырывающая дѣвушку изъ кружка на поприще супруги-гражданки, свадьба вырванной подруги, постепенно умолкающія воспоминанія о прежней дружбѣ и, накопецъ, горестное забвеніе—вотъ предметы пѣснопѣнія Саффо̀. Легенда освятила ея имя поэтическимъ сказаніемъ объ ея несчастной любви къ молодому Фаону, изъ-за которой она бросилась въ море съ Левкадской скалы; и мы понынѣ не знаемъ, кто этотъ Фаонъ-живой ли юноша—или утренняя звѣзда. Очень возможно, что именно къ этой несчастной любви относится ея задушевная молитва Афродитѣ, начало которой мы приводимъ, какъ образецъ унаслѣдовавшей ея имя «саффической строфы»:

Ты, царица нѣгъ на рѣзномъ престолѣ,
Зевса дочь жестокая—о, внемли мнѣ!
Дай душѣ моей отъ страданій горькихъ
Отдыхъ, святая!

Это были оба лезбосскихъ поэта, въ пѣсняхъ которыхъ, поскольку онѣ намъ сохранены, насъ понынѣ плѣняетъ сила и нѣжность эолійскаго нарѣчія. Иного закала былъ третій въ числѣ мелическихъ поэтовъ, іоніецъ Анакреонтъ. Когда его родной городъ Теосъ былъ взятъ персами, онъ былъ въ числѣ тѣхъ мужественныхъ его гражданъ, которые, предпочитая изгнаніе подчиненію, основали въ суровой Ѳракіи колонію Абдеру; но затѣмъ онъ пресытился жизнью колониста, которая едва не сдѣлала изъ него второго Архилоха, и принялъ приглашеніе быть другомъ и совѣтникомъ самосскаго тирана Поликрата. Затѣмъ, по его паденіи, мы встрѣчаемъ его при дворѣ Писистратида Гиппарха въ Аѳинахъ, затѣмъ у одного изъ князей беззаконной Ѳессаліи, послѣ чего его слѣды теряются. Блескъ придворной жизни отразился на поэзіи Анакреонта: много изящества, не много глубины, но надо всей этой игрой мимолетныхъ страстей примиряющая улыбка искушеннаго жизнью и все же сохранившаго къ ней любовь поэта-мудреца.

Г. Остается бросить взглядъ на первые шаги зарождающейся прозы. Причина ея поздняго возникновенія, какъ прозы писанной, объяснена выше (стр. 94); она не могла помѣшать ей существовать уже съ давнихъ поръ, въ видѣ прозы устной. Художественность она могла пріобрѣсти—и, повидимому, пріобрѣла—въ устахъ разсказчиковъ-краснобаевъ обоего

пола. Такъ, въ Аѳинахъ на праздникѣ Геракла (ниже, ч. III, § 15) назначенные государствомъ балагуры тѣшили народъ забавными разсказами; на праздникѣ Осхофорій (тамъ же) старушки-разсказчицы забавляли сказками мальчиковъ-побѣдителей; но и помимо того въ силу обычая, понынѣ сохранившагося на Востокѣ, особенно въ зимнее время, въ деревенскихъ «лесхахъ» къ грѣющимся у очага селянамъ охотно проходили краснобаи и развлекали ихъ разсказами, въ которыхъ принято было обходиться очень вольно не только съ истиной, но и съ правдоподобіемъ, что повело къ возникновенію поговорки:

Рѣчи такія зимой за огнемъ мы послушаемъ лучше!

Понятно, что исторія не сохранила намъ именъ этихъ краснобаевъ—за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ. Имъ былъ лидійскій грекъ Эзопъ (Aisôpos), жившій въ VI в.; съ его именемъ связано на всѣ времена представленіе о баснѣ, спеціально о баснѣ животныхъ. Онъ свои басни только разсказывалъ; впослѣдствіи онѣ были записаны, какъ «Эзоповы басни» и стали предметомъ обученія въ школахъ. Лидійское имя Эзопа не должно наводить на мысль о восточномъ происхожденіи самой басни: подобные сборники возникали и на другихъ окраинахъ греческаго міра— въ Сибарисѣ, въ Сициліи, въ Ливіи (т.-е. Киренѣ) и т. д. Вообще народная традиція охотнѣе всего кристаллизуется на окраинахъ, такъ какъ здѣсь національное самосознаніе бываетъ наиболѣе сильнымъ. Особенно славились, послѣ эзоповскихъ, сибаритскія басни; онѣ отличались отъ первыхъ тѣмъ, что выводили не животныхъ, а людей (такъ, изъ басенъ Крылова «Квартетъ» принадлежитъ къ типу эзоповскихъ, «Демьянова уха» — къ типу сибаритскихъ басенъ).

Перейдемъ, однако, къ прозѣ писанной. Изъ трехъ областей, на которыя раздѣлили впослѣдствіи художественную прозу (выше стр. 10), наша эпоха разработала только двѣ, а именно философію и исторіографію. Къ обѣимъ до ихъ раздѣленія принадлежитъ первый греческій прозаикъ Ферекидъ (Старшій) изъ Сироса (VI в.), авторъ странной «книги о пяти ущельяхъ» (Pentemychos); это былъ опытъ представить древнѣйшую судьбу земли и боговъ на канвѣ старинныхъ генеалогій. О философіи, какъ о наукѣ, сказано выше; здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что сочиненія оставили послѣ себя только философы іонійской школы, начиная съ Анаксимандра, ученія же Пиѳагора и его школы были

записаны лишь въ слѣдующую эпоху. Причины тоже объяснены выше (стр. 94). Литературнымъ языкомъ былъ іонійскій, уже начиная съ Ферекида. Стиль разсужденія и повѣствованія былъ у всѣхъ названныхъ, насколько мы можемъ судить, дѣловымъ и безыскуснымъ; исключеніе составляетъ Гераклитъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей всемірной литературы. Не видя возможности облечь свою глубокомысленную философію въ форму неразработаннаго еще философскаго языка, онъ всюду замѣняетъ отвлеченность образомъ-символомъ; вся его проза — символическая, и въ этомъ заключаются какъ ея прелесть, такъ и ея трудность, доставившая Гераклиту прозвище Темнаго.

Исторіографія развилась изъ двухъ корней—поэтической генеалогіи и монументальной лѣтописной записи. Ихъ соединеніе произошло лишь въ слѣдующую эпоху; историки нашего періода— ихъ мы называемъ старшими логографами—перерабатываютъ въ прозаической формѣ, съ большей или меньшей долей критики, генеалогіи гесіодовской школы. Таковъ былъ главный изъ старшихъ логографовъ, Гекатей милетскій (конецъ VI в.), оставившій, впрочемъ, потомству, кромѣ своихъ «Генеалогій», еще и географическое сочиненіе, подъ гордымъ заглавіемъ «Обходъ земли» (gês periodos), съ приложеніемъ географической карты (второй послѣ Анаксимандра) — плодъ своихъ путешествій по Персіи и Египту. Это былъ вообще дѣловитый, трезвый человѣкъ; онъ предостерегалъ своихъ согражданъ не поднимать знамя мятежа противъ Персіи, указывая имъ военныя силы ихъ враговъ; когда же возстаніе, согласно его предсказанію, кончилось неудачей, онъ же былъ отправленъ посломъ, чтобы исходатайствовать сносныя условія подчиненія для изстрадавшейся Іоніи.

ГЛАВА IV.

Религія.

Въ сравненіи какъ съ предыдущимъ, такъ и со слѣдующимъ періодомъ, настоящій, эллинскій, былъ періодомъ особаго религіознаго подъема и той сакрализаціи культуры, о которой неоднократно была рѣчь. Мы не можемъ теперь судить, насколько великія сотрясенія греческой жизни, сопровождавшія крушеніе ахейскихъ державъ, подготовили почву для этого подъема и, равнымъ образомъ, не можемъ учесть доли, внесенной въ общегре-

ческое настроеніе умовъ новопріобщенными сѣверными племенами. Самый же фактъ подъема неоспоримъ; его выразительницами были, гл. обр., три новыя религіи, расцвѣтшія именно въ нашу эпоху и наложившія на нее свою печать. Изъ нихъ только одна — религія Деметры—была исконно-греческаго происхожденія; обѣ другія — религія Діониса и, въ особенности, религія Аполлона—перешли въ Грецію извнѣ, въ видѣ обратной волны, вызванной колонизаціоннымъ движеніемъ.

Мы начинаемъ съ послѣдней, затронувшей наиболѣе разнообразныя стороны греческой жизни.

§ 17. **Религія Аполлона.** Ея родиной была, насколько мы можемъ прослѣдить, гомеровская Троя; еще для Иліады Аполлонъ троянскій — не ахейскій богъ. Здѣсь онъ, богъ-стрѣлокъ, почитался, какъ вѣщее божество свѣта, и вмѣстѣ съ нимъ его пророчица Сивилла (въ Троѣ она именовалась Кассандрой). Колонизаціонное движеніе имѣло послѣдствіемъ перенесеніе его культа въ европейскую Грецію. Состоялось оно по всѣмъ тремъ «мостамъ» самого колонизаціоннаго движенія. При этомъ, среднее, іонійское теченіе остановилось на островѣ Делосѣ, который унаслѣдовалъ легенду о рожденіи Аполлона и его сестры Артемиды Латоной и сталъ центромъ іонійскаго культа этого бога; сѣверное и южное встрѣтились на склонѣ Парнасса и создали здѣсь дельфійскій храмъ, ставшій вскорѣ всеэллинскимъ религіознымъ центромъ. Въ дальнѣйшемъ мы подъ Аполлономъ вообще будемъ вездѣ разумѣть дельфійскаго Аполлона.

Въ Греціи религія Аполлона стала лицомъ къ лицу съ болѣе древней религіей Зевса. Будучи, какъ и вообще греческія религіи, чужда всякой исключительности и нетерпимости, она вступила въ дружественныя отношенія къ ней: Аполлонъ сталъ сыномъ Зевса и разрѣшителемъ великаго антагонизма между нимъ и Землей. Въ символической формѣ эта идея была выражена въ основномъ миѳѣ дельфійскаго культа: сребролукій богъ своими стрѣлами убиваетъ великаго змѣя Земли, Пиѳона, и овладѣваетъ ея прорицалищемъ: отнынѣ знаніе Земли принадлежитъ ему и черезъ него его отцу Зевсу, власти Миры надъ Зевсомъ положенъ конецъ. Въ догматической формѣ ее высказала его Сивилла въ Додонѣ, древнемъ центрѣ религіи Зевса:

Есть Зевсъ, былъ онъ и будетъ; воистинѣ молвлю, великъ Зевсъ!
Зиждетъ плоды вамъ Земля; величайте же матерью Землю.

Итакъ: Зевсъ предвѣченъ и вѣченъ, не будетъ ему гибели отъ Земли, съ нею онъ живетъ въ мирѣ; это—заслуга Аполлона, за это онъ «великъ у престола Зевса» (Эсхил. Евм. 229). Съ признаніемъ этого догмата вся греческая религія вступила въ новый фазисъ: ея богъ сталъ вѣчнымъ, всевѣдущимъ, всемогущимъ—онъ долженъ былъ стать и всеблагимъ. Въ сравненіи съ этимъ пониманіемъ наивные боги Гомера показались слишкомъ человѣчными; отсюда вражда между Аполлономъ и аэдами и его попытка реформировать греческую миѳологію, которую онъ со значительнымъ, хотя и не полнымъ успѣхомъ, осуществлялъ черезъ своихъ пророковъ, лирическихъ поэтовъ (выше, стр. 111).

Культъ религіи Аполлона характеризуется, прежде всего, наличностью тѣхъ трехъ элементовъ, которые въ нашемъ представленіи неразрывно связаны съ греческой религіей вообще, но были въ нее внесены только теперь: храма, кумира и жреца.

О происхожденіи храма сказано выше (стр. 98); здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что онъ понимался, только какъ жилище бога, а не какъ мѣсто собранія для поклоняющихся. Онъ могъ быть, поэтому, очень небольшихъ размѣровъ; народъ собирался на площади передъ храмомъ, гдѣ находился жертвенникъ.

Кумиръ появился не сразу: вначалѣ богу ставили престолъ (спеціально Аполлону—треножникъ), на которомъ онъ представлялся невидимо возсѣдающимъ; затѣмъ уже предпочли его изображать воочію. Это новшество породило роковой для греческой религіи соблазнъ, давшій много пищи нападкамъ какъ вольнодумцамъ въ самой Элладѣ, такъ, позднѣе, іудеевъ и христіанъ: соблазнъ признанія богомъ самого кумира, въ силу чего человѣкъ оказывался создателемъ бога. Это пониманіе, однако, неправильно: пока кумиръ былъ только твореніемъ человѣческой руки, онъ не представлялъ никакой святости, и художникъ могъ съ нимъ дѣлать, что хотѣлъ. Святость онъ получалъ только послѣ посвященія (hidrysis) въ храмѣ—послѣ того, какъ богъ, снисходя къ молитвѣ людей, соглашался проникнуть его своимъ естествомъ. Но, конечно, для наивныхъ душъ кумиръ былъ самимъ богомъ: это было неизбѣжно.—Зато этотъ соблазнъ уравновѣшивался огромнымъ преимуществомъ. Аполлоновское представленіе о совершенствѣ божества, при наличности кумира, было перенесено и на него: только совершенное, съ точки зрѣнія красоты, изображеніе было достойно чести служитъ видимымъ подобіемъ бога. Отсюда истинно-греческій догматъ объ объявленіи бога въ красотѣ, въ

силу котораго греческая религія стала матерью греческаго искусства.

Что касается, наконецъ, жреца, то его появленіе было прямымъ послѣдствіемъ появленія храма и кумира: и тотъ и другой требовали заботы о себѣ, и вотъ эта забота поручается жрецу. А такъ какъ было непристойно ввѣрять мужчинѣ заботу о кумирѣ женскаго божества, то рядомъ со жрецомъ мы видимъ и жрицъ. Такимъ образомъ область религіи—первая, въ которой женщина достигла равноправія; характерное для античнаго міра явленіе. Надобно помнить, что античное жречество не было священствомъ въ нашемъ смыслѣ слова (исключеніе составляли мистическіе культы, о которыхъ см. ниже): жрецъ и жрица избирались на свои должности народнымъ голосованіемъ. Все же, какъ носители народнаго довѣрія, они, естественно, отъ имени народа возносили молитвы къ своему божеству и распоряжались жертвоприношеніями какъ общественными, такъ и частными. Вообще, нѣкоторый отраженный свѣтъ падалъ отъ бога и на нихъ; но никакого сословія они не составляли. Жрецъ былъ, прежде всего, гражданиномъ, а затѣмъ уже жрецомъ; «клерикализма» греческая государственная жизнь не знала. За однимъ, впрочемъ, исключеніемъ: мы разумѣемъ дельфійскую сакральную коллегію.

Ея исключительное положеніе имѣло основаніемъ исключительное значеніе дельфійскаго храма, какъ главнаго въ Греціи оракула. Пророческій даръ признавался здѣсь за Дельфійской Сивиллой—Пиѳіей, вѣщавшей въ «недоступномъ покоѣ» (adyton) храма, съ аполлоновскаго треножника въ состояніи искусственнаго экстаза; ея безсвязные звуки и слова приводились присутствующимъ жрецомъ въ связное, хотя и загадочное гексаметрическое изреченіе, которое затѣмъ толковалось вопрошавшему «эксегетами». Широкое распространеніе и вліяніе дельфійскихъ вѣщаній было дѣломъ выдающагося ума руководящей дельфійской коллегіи; въ эпоху наибольшаго процвѣтанія дельфійскаго оракула, въ VII и VI вв., было принято по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ и государственной и личной жизни обращаться къ нему за совѣтомъ. Въ частности, заслуживаютъ вниманія слѣдующіе случаи: 1) общественныя несчастія (засухи, землетрясенія, повѣтрія, загадочныя преступленія) считались проявленіемъ божьяго гнѣва, о средствахъ прекращенія котораго надлежало вопросить оракулъ. Оракулъ указывалъ требуемыя священнодѣйствія; часто они сводились къ т. наз. героизаціи, т.-е. къ учрежденію культа

какому-нибудь (дѣйствительному или мнимому) мужу старины— основателю города, воину подъ Троей и т. д.,— душа котораго предполагалась болѣе могучей, чѣмъ души обыкновенныхъ покойниковъ. Въ нашу эпоху вся Греція по указаніямъ Дельфовъ покрылась могилами такихъ «героевъ», перенесеніе останковъ которыхъ было важнымъ событіемъ въ религіозной жизни общинъ.— 2) Запятнавшіе себя убійствами люди или общины искали въ Дельфахъ очищенія отъ тяготѣвшей надъ ними крови; это религіозное очищеніе стало замѣной наивной ахейской виры (выше, стр. 35), которая отнынѣ прослыла безнравственной. Это повело къ развитію сложной практики т. наз. каѳартики, для примѣненія которой оракулъ нерѣдко снаряжалъ на мѣсто преступленія особыхъ богоугодныхъ мужей (м. пр., легендарнаго Эпименида критскаго ок. 600 г.).—3) Особо важнымъ проявленіемъ могущества Дельфовъ было ихъ руководительство колонизаціоннымъ движеніемъ (о которомъ см. выше стр. 65).

Духовное могущество дельфійскаго храма съ теченіемъ времени сильно увеличило его богатство,—которое, впрочемъ, состоя въ драгоцѣнныхъ посвященіяхъ, было матерьяльно непроизводительнымъ музейнымъ богатствомъ—и этимъ самымъ сдѣлало его соблазнительной приманкой для завистливыхъ сосѣдей. Для его охраны была создана дельфійская амфиктіонія (выше, стр. 86); но въ ней Дельфы играли пассивную роль, которая съ возрастаніемъ ихъ могущества уже не могла ихъ удовлетворять. Активная политика Дельфовъ сказалась въ слѣдующемъ: 1) въ объединеніи по возможности всего культа Аполлона; это было достигнуто: а) посредствомъ основанія въ различныхъ греческихъ городахъ своего рода подворій, т. наз-ыхъ Pythia и б) посредствомъ принятія въ подданство другихъ, самостоятельно возникшихъ храмовъ. Особенно важнымъ было присоединеніе обоихъ крайнихъ храмовъ на западѣ и на востокѣ греческаго міра—куманскаго въ италійской Кампаніи и дидимскаго близъ Милета,—такъ какъ оно дало возможность Дельфамъ расширить свое вліяніе и за предѣлы эллинской націи, о чемъ тотчасъ. — 2) Въ заключеніи тѣснаго политическаго союза съ руководящей греческой державой тѣхъ временъ со Спартой, которая стала свѣтскимъ мечомъ Дельфовъ, взамѣнъ чего Дельфы духовными средствами усиливали ея обаяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уже было показано (выше, стр. 111), заботились объ ея культурѣ. Только къ концу нашей эпохи эти

отношенія временно испортились, когда въ Дельфахъ соображенія міровой политики взяли верхъ надъ политикой національной.—3) Эта міровая политика имѣла своимъ первымъ объектомъ обоихъ сосѣдей греческаго міра на западѣ и на востокѣ. На западѣ таковымъ былъ Римъ, въ первый періодъ своего величія подъ главенствомъ этрусской династіи Тарквиніевъ. Съ ними сношенія были завязаны черезъ посредство куманскаго храма; правда, изгнаніе Тарквиніевъ (510 г.) было пораженіемъ этой политики, но Дельфы отъ него быстро оправились, принявъ подъ свою опеку римскую республику. Результатомъ было перенесеніе оракуловъ куманской Сивиллы («сивиллиныхъ книгъ») въ Римъ и черезъ нихъ — постепенная эллинизація римской религіи.—Менѣе удачны были такіе же и въ то же время предпринятые шаги на востокѣ. Съ Лидіей дѣла пошли хорошо: ея царь Крезъ сталъ горячимъ поклонникомъ дельфійскаго Аполлона. Но его пораженіе въ войнѣ съ Киромъ было пораженіемъ также и Дельфовъ. Правда, и здѣсь они попытались оправиться, заключивъ союзъ съ побѣдителемъ: въ греко-персидской войнѣ они поддерживали персовъ, мечтая, повидимому, по ихъ побѣдѣ стать религіознымъ центромъ всего персидскаго государства. Но тутъ они вторично ошиблись: Персія была разбита, а измѣна національному дѣлу сильно уронила обаяніе Дельфовъ въ V в.

§ 18. **Религія Деметры.** Какъ видно изъ предыдущаго, религія Аполлона проникла собою всю жизнь человѣка, какъ государственную, такъ и частную; но именно только жизнь. Великой тайны смерти она не касалась; правда, она не оставляла своими заботами и умершихъ (ср. сказанное о «героизаціи»),—но и въ этихъ случаяхъ она ограничивалась опредѣленіемъ отношеній къ нимъ живыхъ, не стараясь выяснить вѣрующимъ судьбу человѣческой души за предѣлами смерти. Аполлонъ и смерть также несовмѣстимы, какъ свѣтъ и мракъ.

Такъ-то эсхатологія составляла великій пробѣлъ въ религіи Аполлона; онъ былъ заполненъ двумя другими религіями, которыя мы называемъ мистическими, такъ какъ естественный страхъ передъ царствомъ смерти дозволялъ открывать его тайны только тѣмъ, которые подготовились къ этимъ откровеніямъ посредствомъ особыхъ религіозныхъ обрядовъ, т.-е. посвященнымъ (по-гречески «мистамъ», mystai, отъ глагола myein «закрывать

глаза» на окружающій міръ, ради внутренняго созерцанія). Это были религіи Деметры и Діониса.

Откровенія обѣихъ имѣли своимъ предположеніемъ реформу, состоявшуюся еще на порогѣ нашей эпохи въ области стариннаго анимизма, а именно—возникновеніе представленія объ общей обители душъ, взамѣнъ исконнаго—о могилѣ, какъ жилищѣ души. Очень вѣроятно, что это представленіе возникло подъ вліяніемъ обычая сжигать трупы (выше, стр. 72): естественно было предположить, что вмѣстѣ съ дымомъ костра и душа улетала куда-то далеко, за предѣлы живого міра. Это царство душъ и его властителя, «невидимаго» бога (A-ïdês, поздн. Hadês, отсюда наше «адъ») въ началѣ представляли себѣ на западѣ, за Океаномъ, гдѣ солнце заходитъ (ср. Одиссею, кн. XI); затѣмъ при наличности подземной могилы усопшаго возникло посредствующее представленіе о подземной обители Аида. Оно осталось господствующимъ: по смерти человѣка Гермесъ беретъ за руку его душу и ведетъ ее подъ землю, къ мутной «рѣкѣ вздоховъ» (Acherôn); тамъ угрюмый Харонъ переправляетъ ее на челнокѣ на тотъ берегъ, гдѣ высятся «врата» Аида и Персефоны. Ласково встрѣчаетъ пришельца песъ-привратникъ Керберъ; отнынѣ онъ живетъ призрачной жизнью на «асфоделовомъ лугу», продолжая свои земныя занятія, но безъ смысла и цѣли. И эта жизнь равна для всѣхъ: даже Ахиллъ не составляетъ исключенія. Именно, его душѣ у Гомера влагается въ уста грустная оцѣнка этой жизни (Од. XI, 488 Жук.):

О, Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся!
Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый.

Вотъ это-то «утѣшеніе въ смерти» и стало стремленіемъ и обѣихъ названныхъ религій, и тѣхъ, которыя позднѣе за ними послѣдовали.

Изъ нихъ религія Деметры возникла на почвѣ исконнаго аниматизма; Деметра (имя Dê-mêtêr во второй своей части содержитъ, несомнѣнно, слово mêtêr—«мать», но первая загадочна) первоначально—душа созрѣвшей нивы, которая, по мѣрѣ ея сжинанія, отступаетъ все дальше и дальше и, наконецъ, съ послѣднимъ снопомъ достается жнецу, чѣмъ объясняется честь, воздаваемая на дожинкахъ этой «маткѣ» нивы. Ея возвышенію способствовалъ символъ, усмотрѣнный въ материнскомъ отношеніи нивы нынѣшняго

къ нивѣ будущаго года и въ «таинствѣ возрожденія хлѣба»: какъ опущенное въ землю зерно не погибаетъ въ ней, а послѣ краткаго въ ней пребыванія даетъ новый колосъ, такъ и похороненный въ той же землѣ усопшій возродится къ новой жизни. Отсюда аттическій обычай обсѣвать житомъ могилы; отсюда и миѳъ и обрядность элевсинскихъ таинствъ.

Миѳъ гласитъ такъ. У Деметры есть дочь, такъ и именуемая—Корой (Korê—«дочь»); ея отецъ для символа не важенъ, но понятно, что имъ могъ быть только царь небесный Зевсъ. Ее похищаетъ царь преисподней Аидъ (вслѣдствіе чего ее пришлось отожествить съ исконной его супругой Персефоной). Убитая горемъ мать ищетъ ее повсюду; узнавъ объ ея похищеніи, она отказывается отъ общенія съ прочими богами и подъ видомъ старушки нанимается няней къ элевсинскому царю Келею и его женѣ Метанирѣ. Тронутый ея безутѣшнымъ горемъ, Зевсъ убѣждаетъ Аида періодически отпускать Кору къ матери, такъ, чтобы она зиму проводила съ нимъ, а остальные мѣсяцы съ ней. Тогда Деметра, чтобы наградить своихъ хозяевъ, учредила у нихъ свои таинства, жрецами которыхъ она поставила, именно, ихъ, и, кромѣ того, избрала ихъ сына Триптолема своимъ вѣстникомъ къ людямъ, чтобы научить ихъ хлѣбопашеству.

Главнымъ содержаніемъ этихъ таинствъ, доступныхъ только посвященнымъ, было именно «возвращеніе Коры» (anodos Korês), ея побѣда надъ смертью, явившаяся залогомъ такой же побѣды и для людей; она представлялась мистамъ въ видѣ священной драмы, содержаніе которой наполняло ихъ увѣренностью въ безсмертіи ихъ души. Это была настоящая «драма» и въ нашемъ смыслѣ слова: отчаяніе богини Деметры, опечаленной утратой дочери, внезапно переходило въ ликующую радость при ея возвращеніи изъ подземной тьмы, и зрители переживали вмѣстѣ съ ней эту религіозную «перипетію». Но это было не все: цѣлью посвященія было также обезпечить себѣ милостью Коры «лучшую участь» за предѣлами смерти. Учили, что изъ общаго сонма тѣней въ подземномъ мірѣ посвященные выдѣлены въ особый классъ, наслаждающійся вѣчнымъ блаженствомъ на цвѣтистыхъ лугахъ и подъ сѣнью зеленыхъ рощъ въ безпрерывной (на то мы въ Греціи) хореѣ. Въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися представленіями о землѣ (выше, стр. 96) полагали, что ихъ мѣстопребываніе—на обратной ея сторонѣ, тамъ, гдѣ солнце свѣтитъ во время нашихъ ночей.

Очень вѣроятно, что первоначально посвященіе было единственнымъ условіемъ этой «лучшей участи»; но со временемъ, по мѣрѣ вторженія нравственности въ религію, къ этому сакральному требованію было прибавлено и нравственное; «мы одни наслаждаемся солнцемъ и яснымъ свѣтомъ—мы, которые дали себя посвятить и вели благочестивую жизнь по отношенію къ чужестранцамъ и къ маленькимъ людямъ», говорятъ мисты у Аристофана.

Элевсинскія таинства были первоначально—въ ахейскую эпоху—мѣстнымъ элевсинскимъ культомъ; когда Элевсинъ былъ соединенъ съ Аѳинами, они были приняты въ число общеаѳинскихъ культовъ; посвященія происходили весной въ Аѳинахъ (Малыя Мистеріи), а осенью процессія мистовъ отправлялась изъ Аѳинъ по «священной дорогѣ» въ Элевсинъ (при чемъ происходили тѣ обряды, изъ которыхъ, м. пр., развилась ямбическая поэзія, выше, стр. 112), проводили ночь въ хороводахъ, передъ храмомъ на «озаренномъ свѣточами лугу», послѣ чего слѣдовала священная драма и возвращеніе въ Аѳины. Еще позднѣе, но до V вѣка, таинства, по опредѣленію дельфійскаго оракула, получили общеэллинское, а подъ конецъ и вселенское значеніе. Жречество, какъ основанное на откровеніи, было наслѣдственнымъ въ родѣ Евмолпидовъ, потомковъ элевсинскихъ царей; старшій жрецъ назывался іерофантомъ, старшая жрица—іерофантріей. Были двѣ степени посвященія—степень миста и степень эпопта; ихъ разница намъ не извѣстна, такъ же, какъ и многія частности этого ученія, которое вѣдь было тайнымъ. Само посвященіе было доступно всѣмъ—и мужчинамъ, и женщинамъ, и свободнымъ, и рабамъ, и гражданамъ, и чужестранцамъ. Такимъ образомъ религія Деметры—въ отличіе отъ аристократической религіи Аполлона—имѣла строго демократическій характеръ, въ соотвѣтствіи съ ея прикосновенностью къ самой демократической изо всѣхъ управляющихъ нами силъ—смерти.

§ 19. **Религія Діониса** имѣла своей родиной Ѳракію; здѣсь и въ сосѣдней Македоніи еще въ историческое время его культъ правился въ старинной чистотѣ. По своему первоначальному значенію «оргіи», т.-е. священнодѣйствія Діониса, были праздникомъ плодородія земли, обходившимся къ началу прилива ея силъ, т.-е. около зимняго солнцеворота, на горныхъ и лѣсныхъ полянахъ («оргадахъ») подъ открытымъ небомъ; главнымъ эле-

ментомъ праздника была восторженная, головокружительная пляска подъ оглушительную музыку тимпановъ (тамбуриновъ), кимваловъ (мѣдныхъ тарелокъ) и зычныхъ флейтъ — пляска, доводимая до полнаго экстаза (ek-stasis, «из-ступленіе»), въ силу котораго человѣку казалось, что его душа оставляетъ его тѣло и самобытно уносится въ невѣдомые міры. Въ силу этого-то опыта религія Діониса и стала зародышемъ ученія о безсмертіи души.

Въ VIII—VII вв. религія Діониса въ вихрѣ безумной пляски пронеслась по Греціи, которую она завоевала всю, увлекая мужчинъ-вакхантовъ и особенно женщинъ-вакханокъ на горныя оргады для того, чтобы тамъ въ плющевыхъ вѣнкахъ, съ тирсами въ рукахъ и съ «небридами» (оленьими шкурами) вокругъ стана чествовать хороводами новообъявленнаго бога. Особенно дѣятельнымъ было участіе Ѳивъ, за которыми, поэтому, осталась честь слыть родиной Діониса: онъ сталъ сыномъ Зевса и ѳиванской царевны Семелы, дочери царя-основателя Кадма.

Затѣмъ, подъ вліяніемъ умѣряющей религіи Аполлона, наступило постепенное преобразованіе діонисическихъ таинствъ; оно связано съ именами трехъ аполлоновскихъ пророковъ, изъ коихъ двое—Меламнъ и Орфей—были миѳическими личностями и только третій исторической—Пиѳагоръ.

1) Реформа Мелампа состояла въ томъ, что онъ—оргіастическій культъ Діониса, опасный для общественной нравственности, ограничилъ предѣлами времени и мѣста: временемъ стали т. наз. тріетериды (trietêrides, «трех-лѣтія», т.-е. по нашему, черезъ годъ), мѣстомъ—нагорные луга Парнасса; туда греческія государства посылали своихъ представительницъ-вакханокъ, которыя и должны были чествоватъ бога установленными ночными хороводами. Отъ этого оргіастическаго культа слѣдуетъ отличать гражданскій, правившійся въ отдѣльныхъ греческихъ городахъ. Здѣсь праздники Діониса были пріурочены къ винодѣлію: такъ, въ Аѳинахъ праздновались Осхофоріи (сборъ винограда, въ октябрѣ), Сельскія Діонисіи (первый морсъ, въ декабрѣ), Ленеи (праздникъ точила вслѣдствіе календарной путаницы перенесенный въ январь), Анѳестеріи (праздникъ цвѣтовъ и молодого вина) и Великія Діонисіи (учрежденный Писистратомъ главный праздникъ). Только теперь Діонисъ сталъ богомъ вина, какимъ онъ первоначально вовсе не былъ. Впрочемъ, и эти гражданскіе праздники были еще достаточно шумными; ихъ культурная важность

заключалась въ томъ, что они были средой зарожденія и развитія греческой драмы (выше, стр. 113).

2) Реформа Орфея превратила діонисіазмъ въ глубокомысленное религіозно-философское ученіе. Его основатель представлялся аполлоновскимъ пѣвцомъ, увлекавшимъ за собой звѣрей, деревья и камни чарующими звуками своей лиры. Когда смерть отняла у него его невѣсту Евридику, онъ послѣдовалъ за ней въ преисподнюю и тѣми же чарами склонилъ Аида и Персефону вернуть ему ее; итакъ, и здѣсь мы имѣемъ то же торжество любви надъ смертью—какъ и въ миѳѣ о Деметрѣ и Корѣ. А разъ побывавъ въ подземномъ мірѣ, онъ пріобщился его тайнамъ; ихъ онъ и повѣдалъ посвященнымъ въ его орфическія таинства.

Тайное ученіе орфизма состоитъ изъ трехъ, объединенныхъ общей идеей частей—космогонической, этической и эсхатологической. а) Космогоническая часть примыкаетъ къ первоначальной религіи Зевса. Зевсъ замышляетъ отказаться отъ добытой преступленіемъ власти въ пользу сына, который былъ бы чистъ отъ этого преступленія. Этого сына ему рождаетъ царица подземной тьмы Персефона; это былъ «первый Діонисъ», Загрей. Мстительные титаны заманиваютъ къ себѣ отрока Загрея посредствомъ зеркала, въ которомъ онъ видитъ свое отраженіе (первый символъ индивидуаціи). Убѣдившись въ ихъ злокозненномъ намѣреніи, Загрей бѣжитъ, превращаясь въ различныя тѣла (второй символъ индивидуаціи); въ образѣ быка онъ настигнутъ титанами, они разрываютъ его на части (третій символъ индивидуаціи) и поглощаютъ—только сердце спасаетъ Аѳина. Зевсъ сражаетъ титановъ перуномъ; изъ ихъ золы происходитъ человѣческій родъ. Спасенное же сердце Загрея онъ поглощаетъ самъ и затѣмъ, сочетавшись съ Семелой, дѣлаетъ ее матерью «второго Діониса».—б) Этическая часть вытекаетъ изъ космогонической. Человѣкъ, происшедшій отъ поглотившихъ перваго Діониса титановъ, состоитъ изъ двухъ элементовъ: діонисическаго и титаническаго. Діонисическіе элементы стремятся къ возсоединенію съ новымъ Діонисомъ въ первобытной великой сути; титаническіе противодѣйствуютъ этому стремленію, стараясь удержать человѣка въ узахъ индивидуаціи. Нравственный долгъ понявшаго свое назначеніе человѣка состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать освобожденію діонисическаго элемента своего естества путемъ подавленія титаническаго. Средствомъ для этого, указаннымъ Діонисомъ че-

резъ своего пророка Орфея, является «орфическая жизнь». Въ ней впервые Греція познала моментъ извѣстнаго, хотя и очень умѣреннаго, аскетизма; между прочимъ, требовалось воздержаніе отъ убоины.—3) Эсхатологическое ученіе возвѣщало вѣрующимъ объ ожидающей ихъ за гробомъ участи. Душа безсмертна, но не свободна, а заключена въ безконечный «кругъ» рожденій и смертей. Даже орфическая жизнь не сразу освобождаетъ душу отъ «тягостнаго круга»; для этого жизнь должна быть повторена въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ перевоплощеніяхъ въ посюстороннемъ мірѣ, и, кромѣ того, умершіе должны вести себя соотвѣтственнымъ образомъ въ потустороннемъ, для чего имъ давались въ гробъ особыя наставленія («книга мертвыхъ» орфизма). За смертью слѣдовалъ загробный судъ—здѣсь впервые имѣемъ мы эту богатую будущимъ идею; за нимъ—наказанія для злыхъ и награды для добрыхъ, и тѣ и другія впредь до новаго воплощенія (кромѣ «неисцѣлимыхъ», наказанія которыхъ были вѣчны). Лишь пройдя рядъ такихъ испытаній, душа имѣетъ надежду на окончательное освобожденіе изъ «гробницы тѣла» (sôma-sêma, одинъ изъ орфическихъ афоризмовъ) и на вѣчное блаженство въ Діонисѣ.

Орфическія таинства, въ отличіе отъ элевсинскихъ, не были прикрѣплены къ опредѣленному мѣсту; ихъ распространителями были странствующіе проповѣдники. Многіе изъ этихъ «орфеотелестовъ» пользовались дурной славой у серьезныхъ людей, такъ какъ они ужъ слишкомъ низменнымъ образомъ старались использовать страхъ недалекихъ людей передъ мученіями въ преисподней. Но въ устахъ истинныхъ учителей эта тайная наука была важнымъ двигателемъ религіозной и нравственной культуры, и подъ ея вліяніемъ находилось немало выдающихся умовъ древности—между прочими, и Платонъ.

3) Реформа Пиѳагора (см. о немъ выше, стр. 97) состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ объединилъ существовавшіе въ его время (VI в.) въ Кротонѣ, а затѣмъ и вообще въ греческой Италіи орфическія секты въ религіозно-политическій пиѳагорейскій орденъ, затѣмъ въ томъ, что онъ далъ орфическому ученію о душѣ философское обоснованіе, введя въ него свой мистицизмъ чиселъ. Вслѣдствіе своей зависимости отъ Аполлона, на которую указываетъ само его имя («Пиѳійскій вѣщатель»), онъ далъ своему ордену строго аристократическій характеръ; это сдѣлало его ненавистнымъ развивающейся демократіи и стало

причиной кровавой съ нимъ расправы въ концѣ VI вѣка. Тѣмъ не менѣе, пиѳагорейскій орденъ не погибъ: онъ вновь расцвѣлъ въ Тарентѣ V и IV вѣковъ.

Такъ-то рядомъ съ явными культами, обязательными для всѣхъ гражданъ, распространяется въ теченіе нашего періода широкой струей мистическое теченіе, расчитанное только на избранныхъ людей. Мы описали только главнѣйшія изъ сюда относящихся религій; можно бы еще назвать культъ Кабировъ на Самоѳракіи, культъ Гермеса на Стимфальскомъ озерѣ, культъ Харитъ въ беотійскомъ Орхоменѣ, культъ Трофонія въ Лебадеѣ— того Трофонія, о которомъ говорили, что человѣкъ, разъ спустившійся въ его могилу, уже терялъ способность смѣяться. Всѣ эти культы такъ или иначе стремились приподнять завѣсу, скрывающую отъ человѣка потусторонній міръ; и само ихъ множество свидѣтельствуетъ о распространенности тѣхъ запросовъ, которые они по своему старались удовлетворить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Аттическій періодъ

(500—323).

ГЛАВА ВВОДНАЯ.

Внѣшняя исторія Греціи за аттическій періодъ.

§ 1. **Собственная Греція.** На порогѣ нашего періода стоитъ великая освободительная война грековъ противъ персидскаго царя, первое крупное столкновеніе запада и востока. Она разыгралась въ четыре пріема. Первымъ было возстаніе іонійцевъ (499—494), придпринятое безъ надлежащаго знанія вражескихъ силъ, оно окончилось разгромомъ Іоніи войсками царя Дарія и разрушеніемъ ея главнаго города Милета, который никогда болѣе не оправился отъ этого удара. А такъ какъ возставшіе іонійцы получили помощь отъ единоплеменныхъ Аѳинъ, то послѣдствіемъ ихъ пораженія былъ морской походъ персовъ на Аттику. Здѣсь, однако, счастіе измѣнило имъ: въ героической битвѣ при Мараѳонѣ (490) аѳиняне, подъ начальствомъ Мильтіада, отбили ихъ напоръ. Тогда персы стали готовить съ напряженіемъ всѣхъ свѣхъ своихъ силъ новый походъ, который состоялся уже при преемникѣ Дарія, Ксерксѣ (480); они нашли и въ самой Греціи союзниковъ въ лицѣ, во-первыхъ, дельфійскаго оракула (выше стр. 122), а во вторыхъ, и нѣкоторыхъ строго аристократическихъ государствъ—гл. обр., Ѳессаліи и Ѳивъ, правительства которыхъ болѣе всего боялись внутренняго врага—демократіи. Первенствующей державой въ Греціи была все еще Спарта; но второе мѣсто фактически принадлежало Аѳинамъ, которыя незадолго передъ тѣмъ, благодаря дальновидному почину Ѳемистокла, обзавелись самымъ сильнымъ въ Греціи флотомъ. Идею встрѣтить врага у воротъ всей Греціи,

въ темпейской долинѣ (выше стр. 22) пришлось оставить въ виду неблагонадежнаго настроенія Ѳессаліи; вторую позицію въ Ѳермопилахъ, занятую спартанскимъ царемъ-героемъ Леонидомъ, персамъ удалось обойти, что отдало въ ихъ руки всю среднюю Грецію съ Аттикой включительно. Послѣдовало опустошеніе покинутой своими жителями Аттики. Но прежде чѣмъ персы могли напасть на третью, самую сильную позицію грековъ, Истмъ, ихъ флотъ былъ разбитъ союзнымъ греческимъ флотомъ и его фактическимъ начальникомъ Ѳемистокломъ при Саламинѣ. Это былъ поворотный пунктъ войны; въ слѣдующемъ году (479) также и сухопутное войско персовъ, разбитое греками при Платеяхъ, должно было оставить страну. Все же греки не забыли, что настоящей цѣлью войны была свобода не только европейской Греціи, но и «греческой каймы» Малой Азіи. Этимъ, однако, центръ тяжести былъ передвинутъ съ арміи на флотъ и, слѣдовательно, съ сухопутной Спарты на морскую державу Аѳины; новая побѣда греческаго флота при Микалѣ (бл. Милета) доставила всей Іоніи свободу, а Аѳинамъ — гегемонію надъ объединенными въ т. наз. делосскій союзъ приморскими государствами Греціи. И то и другое было дѣломъ второго великаго руководителя аѳинской политики, Аристида.

Такъ то въ 478 г. только-что освобожденная Греція распалась на два союза: морской съ Аѳинами и сухопутный (преимущественно пелопоннесскихъ государствъ) со Спартой во главѣ; отсюда вытекали для аѳинской политики двѣ задачи: отстаивать и расширять свободу заморской Греціи съ одной стороны и бороться съ захватами пелопоннесцевъ (особенно торговаго Коринѳа) съ другой. Первую задачу усердно исполнялъ Кимонъ, достойный сынъ мараѳонскаго героя Мильтіада и поборникъ дружбы со Спартой, вплоть до своей доблестной смерти въ побѣдоносной битвѣ при кипрскомъ Саламинѣ (449); вторая выпала на долю его великаго соперника Перикла, съ именемъ котораго связана память о самой блестящей эпохѣ аѳинской и греческой культурной жизни (445—431).

Соперничество обоихъ союзовъ разразилось, наконецъ, великой пелопоннесской войной (431—404).

Ведомая вначалѣ съ перемѣннымъ счастіемъ, она на время кончилась миромъ Никія (421), продолжателя политики Кимона; но отчасти недовольство Коринѳа, отчасти честолюбіе Алкивіада, племянника Перикла, повело къ ея возобновленію. Поводомъ

послужила невмѣру смѣлая сицилійская экспедиція аѳинянъ (414 — 412), пожелавшихъ объединить іонійскія колоніи острова и ради этого осадившихъ крупнѣйшій его городъ, дорическія Сиракузы. Гибель аѳинскаго флота въ сиракузской гавани обезсилила городъ; онъ еще держался въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ («Декелейская война»), но въ 404 г. возрожденный спартанскій флотъ подъ начальствомъ Лисандра одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду при Эгоспотамѣ на Геллеспонтѣ. Послѣдствіемъ было упраздненіе морского союза, вторая гегемонія Спарты и—правда, кратковременное—аристократическое правленіе Критія съ его «тридцатью тиранами» въ Аѳинахъ.

Четвертый вѣкъ во всемъ греческомъ мірѣ былъ временемъ убыли народныхъ силъ. Въ Сициліи побѣдоносныя, но ослабленныя Сиракузы уже не могли отстоять ни эллинскихъ городовъ противъ наступленія Карѳагена, ни собственной свободы противъ тирановъ (обоихъ Діонисіевъ). Въ собственной Греціи гегемонія Спарты не встрѣтила симпатіи со стороны прочихъ городовъ: потомкамъ Леонида пришлось опираться на персидскую дружбу, которую они купили позорнымъ Анталкидовымъ миромъ (387), вновь отдавшимъ Іонію подъ персидскую властъ. И все таки они не долго сохранили гегемонію: ея потерѣ содѣйствовалъ не столько возникшій подъ главенствомъ Аѳинъ второй морской союзъ (378—355), который былъ слабымъ подобіемъ перваго, сколько возвышеніе Ѳивъ въ 379 г. и одержанная ихъ предводителемъ Эпаминондомъ надъ Спартой побѣда при Левктрахъ (371), послѣдствіемъ которой было отторженіе отъ Спарты ея вѣковой рабы Мессеніи и объединеніе аркадскихъ общинъ въ единую столицу—Мегалополь. Изъ этихъ мѣръ особенно первая была искупленіемъ старинной неправды, но ею же спартанская сила была похоронена навсегда.

Смѣнившая спартанскую гегемонію гегемонія Ѳивъ была еще менѣе продолжительна; павшій въ 362 г. во второй побѣдоносной битвѣ противъ Спарты при Мантинеѣ Эпаминондъ не оставилъ послѣ себя достойнаго преемника. Единственный его способный ученикъ былъ не ѳиванцемъ и даже не грекомъ—это былъ Филиппъ, царь Македонскій.

Македонія до тѣхъ поръ мало заставляла грековъ говорить о себѣ. Были ли населявшіе ея народы эллинскими или только эллинизованными—объ этомъ и понынѣ спорятъ; во всякомъ случаѣ, они говорили на греческомъ нарѣчіи и сохранили у себя видъ

правленія, очень напоминающій монархію ахейской эпохи. Ихъ вмѣшательству въ греческія дѣла препятствовали какъ часто происходившія у нихъ династическія и другія смуты, такъ и ихъ отдаленность отъ моря, отъ котораго ихъ отдѣляла знакомая намъ «греческая кайма»—особенно полуостровъ Халкидика. Сближенію ихъ съ Греціей особенно содѣйствовали три государя: Александръ Филеллинъ, современникъ персидскихъ войнъ, затѣмъ Архелай, жившій во время пелопоннесской войны, и наконецъ нашъ Филиппъ (359—336).

Какъ продолжатель дѣла своихъ предковъ и ученикъ Эпаминонда, Филиппъ былъ въ душѣ эллиномъ; но необходимость для него, ради величія Македоніи, овладѣть приморской полосой вовлекла его въ войну съ наиболѣе крупнымъ изъ морскихъ государствъ Греціи—съ Аѳинами, которыя первыя, благодаря дальновидности своего руководителя Демосѳена, поняли опасность, грозившую эллинской автономіи съ сѣвера. Все двадцатилѣтіе 357—338 было сплошной захватывающей трагедій, героемъ которой былъ Демосѳенъ. Ему приходилось бороться не только противъ Филиппа; умному царю помогали, сознательно или безсознательно, и близорукія эллинскія государства (распаденіе морского союза въ 355 г.), и противники Демосѳена въ самихъ Аѳинахъ, какъ честные (Фокіонъ), такъ и продажные (ораторъ Эсхинъ) и наконецъ, дельфійскій оракулъ, который теперь вторично передъ лицомъ сѣверной опасности измѣнилъ національному дѣлу. Эта измѣна была рѣшающей; ея послѣдствіемъ была (третья) священная война и побѣда Филиппа надъ Аѳинами и Ѳивами при Херонеѣ (338), сдѣлавшая его господиномъ всей Греціи.

Побѣдитель, впрочемъ, воспользовался своей побѣдой очень умѣренно: созвавъ представителей эллинскихъ государствъ въ 337 г. въ коринѳскій конгрессъ, онъ удовольствовался провозглашеніемъ собственной гегемоніи для общей войны съ Персіей за освобожденіе Іоніи, которая въ теченіе 50 лѣтъ томилась подъ персидскимъ игомъ.

Рука убійцы (336) не дала Филиппу исполнить этотъ столь же умный, сколь и великодушный планъ; но онъ нашелъ достойнаго себѣ преемника въ лицѣ своего сына, воспитаннаго Аристотелемъ въ любви къ эллинской культурѣ Александра Великаго (336—323).

Быстро подавивъ возстаніе, поднявшееся въ Греціи послѣ смерти Филиппа, онъ съ 334 г. началъ свой стремительный походъ.

За трагедіей послѣдовала волшебная сказка, занявшая цѣлое десятилѣтіе. Уже первый годъ войны отдалъ Александру всю Малую Азію; затѣмъ послѣдовало завоеваніе Сиріи и Египта, затѣмъ баснословный походъ вглубь персидскаго царства за границы невѣдомой Индіи. Онъ сталъ господиномъ всей этой огромной земли отъ Адріатическаго моря до Инда и отъ Балкановъ до пороговъ Нила—«и умолкла земля передъ нимъ» (1 Макк. I, 3).

Тогда начался новый періодъ исторіи античной культуры — вселенскій.

§ 2. **Эллинство въ сѣверномъ Черноморіи.** Его исторія въ нашу эпоху въ значительной степени опредѣляется отношеніями къ нему новой греческой державы—Аѳинъ; это заставляетъ насъ оглянуться нѣсколько назадъ на возникновеніе этихъ отношеній.

Будучи основаны выходцами изъ Іоніи и главнымъ образомъ Милета, южнорусскія колоніи въ теченіи всего VII и отчасти VI в. находятся подъ іонійскимъ вліяніемъ, что доказывается между прочимъ и «іонійскимъ» стилемъ ольвійской керамики за это время. Но хлѣбныя богатства сѣвернаго Черноморія врядъ ли гдѣ-либо были такъ нужны, какъ въ каменистой и въ то же время густо населенной и промышленной Аттикѣ. И вотъ уже съ конца VII в. начинаются систематическія усилія Аѳинъ вступить въ коммерческія сношенія съ этой естественной ихъ житницей. Починъ принадлежитъ и тутъ Солону, отвоевавшему у Мегары Саламинъ и этимъ доставившему Аѳинамъ доступъ къ морю. Второй шагъ былъ сдѣланъ продолжателемъ его дальновидной политики Писистратомъ, отбившимъ у лезбосцевъ городъ Сигей (бл. разрушенной Трои) на Геллеспонтѣ; вскорѣ затѣмъ Мильтіадъ Старшій (братъ дѣда мараѳонскаго героя) частными средствами основалъ царство въ противолежащемъ Херсоннесѣ ѳракійскомъ, послѣдствіемъ чего было завоеваніе также и сосѣдняго острова Лемноса. Такъ то весь Геллеспонтъ—одинъ изъ обоихъ ключей Черноморія—оказался въ аѳинскихъ рукахъ. Послѣдствія не замедлили сказаться: въ эпоху Писистратидовъ аѳинское вліяніе смѣняетъ въ Ольвіи іонійское.

Два событія, близкія одно къ другому, лишили аѳинянъ на время плодовъ ихъ побѣдъ. Однимъ былъ знаменитый скиѳскій походъ персидскаго царя Дарія (512) черезъ Ѳракію и Дунай, въ которомъ проводниками были подвластные царю милетскіе

тираны. Правда, онъ кончился неудачно: можно даже сомнѣваться, послѣдовалъ ли Дарій со своими войсками дальше Днѣстра. Греческихъ колоній онъ во всякомъ случаѣ не коснулся, и мы имѣемъ полное основаніе быть благодарными судьбѣ за этотъ походъ, такъ какъ онъ далъ Геродоту (ниже § 13) поводъ подробно описать Скиѳію въ IV книгѣ своей исторіи и дать намъ въ этой книгѣ древнѣйшій сводъ извѣстій о нашей родной землѣ. Но, отказываясь отъ Скиѳіи, персы не пожелали отказаться также и отъ Ѳракіи, и ихъ поступательное движеніе временно оттѣснило аѳинянъ отъ Геллеспонта.

Вторымъ событіемъ было изгнаніе Писистратадовъ въ 510 г.; изгнанный Гиппій отправился въ свою вотчину Сигей, которымъ онъ правилъ какъ вассалъ персидскаго царя; для Аѳинъ и эта колонія была временно потеряна.

Результатомъ всего этого было временное прекращеніе аѳинскаго вліянія на сѣверное Черноморіе. Его постепенное возстановленіе было естественнымъ послѣдствіемъ побѣдъ надъ персами и основанія морского союза подъ главенствомъ Аѳинъ въ 478 г.

Геллеспонтъ сталъ снова аѳинскимъ, а съ нимъ и первый ключъ къ Черноморію; второй ключъ—Византія—своимъ поступленіемъ въ морской союзъ тоже отдался въ аѳинскія руки. Завершеніемъ этой политики былъ понтскій походъ Перикла въ 440 г., предпринятый имъ лично во главѣ внушительнаго флота. Цѣлью этого похода было, съ одной стороны, укрѣпить греческія колоніи сѣвернаго Черноморія въ сознаніи ихъ эллинской національности и дать имъ нравственную, а гдѣ нужно было, и матеріальную силу для отстоянія своей самобытности, а съ другой — связать ихъ узами коммерческихъ и иныхъ сношеній съ Аѳинами. Эти узы были въ различныхъ случаяхъ различными: Нимфей, напримѣръ, сталъ прямо подвластнымъ Аѳинамъ городомъ; съ другими Периклъ удовольствовался заключеніемъ дружественныхъ отношеній. Для всего этого требовалось много и политическаго такта и личнаго обаянія; Периклъ обладалъ тѣмъ и другимъ въ высокой степени, и намъ пріятно представлять себѣ этого великаго человѣка гостемъ русской земли и ея благоустроенныхъ приморскихъ городовъ.

Разгромъ Аѳинъ въ 404 г. уничтожилъ политическіе плоды этой политики, но оставилъ неприкосновенными культурные; Аѳины сохранили за собой и черноморскіе рынки и значеніе

духовной метрополіи черноморскаго эллинизма также и въ теченіи IV-го вѣка.

Въ частности наша «эллинская кайма» представляетъ собой въ аттическій періодъ далеко не однородную картину. Мы въ этой каймѣ различаемъ довольно четко три части.

Первая часть—это іонійскія колоніи западнаго побережья и главнымъ образомъ Ольвія. Эта послѣдняя въ нашу эпоху оправдала свое имя: чувствуя за собой могучее покровительство единоплеменныхъ Аѳинъ, она расширяла свои сношенія съ туземными скиѳами и процвѣтала въ своей внутренней жизни при умѣренно-демократическомъ правленіи. Этому мирному развитію положила конецъ осада ея Зопиріономъ, намѣстникомъ Александра Великаго; ольвіополитамъ удалось отстоять свою свободу, но путемъ большихъ жертвъ, и нанесенный ихъ родинѣ ударъ сталъ предвѣстникомъ ея упадка въ слѣдующую эпоху.

Вторая часть — это западная Таврида. Ея дикость вначалѣ внушала страхъ поселенцамъ; но вотъ въ V в.—годъ точнѣе неизвѣстенъ—мегарская (и, стало-быть, дорическая) Гераклея Понтійская (выше стр. 67) рѣшаетъ основать колонію въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ нынѣшняя Севастопольская бухта съ сѣвера и Балаклавская съ юга образуютъ какъ бы маленькій полуостровъ въ большомъ. Отъ этого полуострова новая колонія и получила свое имя; это былъ Херсонесъ Таврическій, неразрывно связавшій свое имя съ исторіей введенія христіанства въ Россіи. Въ нашу эпоху, однако, его роль была довольно скромная: безъ надежды на мирныя торговыя сношенія съ дикими таврами, жившій исключительно своимъ земледѣльческимъ трудомъ, дорическій пришелецъ чувствовалъ себя довольно чуждымъ среди іонійскихъ колоній и долженъ былъ вести борьбу за собственное существованіе. Въ ней ему помогали, во-первыхъ, его собственное прекрасно укрѣпленное положеніе, а во-вторыхъ, и его метрополія, царица южнаго Черноморія. Интересно, что своей главной богиней Херсонесъ почиталъ Дѣву, такъ и называя ее (Parthenos),—повидимому, ту самую грозную таврическую Артемиду, которую раньше ублажали человѣческими жертвоприношеніями (ср. миѳъ объ Ифигеніи таврической).

Наконецъ третья часть — это восточная Таврида и побережье Меотійскаго (Азовскаго) моря. Первенствующая здѣсь іонійская колонія Пантикапей (или Боспоръ) пошла по иному пути политическаго развитія, чѣмъ ея западныя сестры: съ 480 г.

здѣсь захватываетъ царскій санъ греческій родъ Археанактидовъ. Правда, онъ ограничиваетъ свою власть своимъ городомъ, такъ что въ принципѣ мы имѣемъ здѣсь только запоздалую тиранію; но дѣла пошли иначе, когда въ 438 г. послѣдняго Археанактида смѣнилъ Спартокъ,—повидимому, эллинизованный скиѳъ, ставшій родоначальникомъ могучей и долговѣчной династіи Спартокидовъ. Они распространили свою власть и на сосѣднія греческія колоніи (Ѳеодосію, Нимфей, Фанагорію) и на прилежащую скиѳскую территорію и превратили Пантикапей въ столицу обширнаго Боспорскаго царства. Уже раньше, благодаря вліянію эллинизма, мѣстные скиѳы научились воздѣлывать землю; по плодородію ихъ область—степная Таврида и низовья Дона—могли поспорить съ Приднѣпровьемъ. И вотъ Боспорское царство сосредоточиваетъ у себя хлѣбный вывозъ. Въ обмѣнъ оно получатъ издѣлья греческой, особенно аѳинской промышленности; эти издѣлія возбуждаютъ подражаніе. Боспоръ становится центромъ особаго, греко-скиѳскаго искусства, въ которомъ сцены изъ греческихъ миѳовъ чередуются съ изображеніями скиѳской охоты и конной ѣзды. Боспорскіе курганы сохранили намъ памятники этого искусства; они и нынѣ своимъ богатствомъ и изяществомъ поражаютъ взоры посѣтителей нашего Эрмитажа.

ГЛАВА I.

Нравы.

§ 3. **Семейный бытъ.** Реформа семейнаго быта въ Аѳинахъ—ихъ мы здѣсь преимущественно будемъ имѣть въ виду—была прямымъ результатомъ ихъ демократизаціи, завершенной Клисѳеномъ на самомъ порогѣ нашего періода (ниже § 7). Она состояла въ послѣдовательно проведенной эндогаміи. Еще отецъ Клисѳена, Мегаклъ, могъ жениться на дочери сикіонскаго тирана, Клисѳена Старшаго; теперь обычай, а со времени Перикла и законъ возстаетъ противъ такихъ браковъ. Согласно закону, проведенному названнымъ поборникомъ демократіи, только происшедшія отъ «гражданина и гражданки» дѣти считались законными; и иронія судьбы заключалась въ томъ, что тому же Периклу, послѣ внезапной смерти (отъ чумы) его законныхъ сыновей, пришлось путемъ особаго народнаго постановленія узаконить своего младшаго сына отъ своей второй жены, милетской уроженки Аспазіи, Перикла Младшаго.

Положеніе женщины находилось въ зависимости отъ соціальныхъ условій, которыя установляли неизбѣжныя различія тамъ, гдѣ равный для всѣхъ демократическій законъ никакихъ исключеній не желалъ. На низшей ступени гражданской іерархіи мы находимъ торговокъ, трактирщицъ и т. д., вполнѣ самостоятельно занимающихся своимъ промысломъ; зато онѣ и бывали надѣлены такимъ рѣшительнымъ характеромъ, который при случаѣ могъ обратить въ бѣгство любого мужчину. На высшей ступени мы находимъ жрицу, также самостоятельную представительницу общины передъ своей богиней, окруженную всѣмъ почетомъ, котораго требовала религія; такова была та Ѳеано̀, жрица Деметры, которая — когда аѳинскій народъ послѣ измѣны Алкивіада приказалъ всѣмъ жрецамъ и жрицамъ проклясть его отъ имени боговъ — одна отказалась исполнить это постановленіе, сказавъ: «я — жрица молитвъ, а не проклятій». Но на всѣхъ посредствующихъ ступеняхъ достаточнаго крестьянства и городскихъ сословій мы видимъ лишь жену-хозяйку, дѣлящую трудъ и честь со своимъ мужемъ-хозяиномъ согласно вышеустановленному (стр. 27) принципу. При сложности женской работы участіе незамужнихъ или овдовѣвшихъ золовокъ было для хозяйки только желаннымъ — «женскаго вопроса» въ его экономической формѣ Аѳины, поэтому, не знали. Въ силу той же сложности хозяйкѣ для ея работъ было отведено особое помѣщеніе во внутренней части дома (gynaikônitis); на улицѣ она показывалась только въ сопровожденіи рабыни. Все же ее не держали взаперти: женскіе праздники давали поводъ къ богатой общественной жизни, и тѣ, кто ссылается на знаменитое слово Перикла «великая честь той женщинѣ, о которой менѣе всего идетъ слава среди мужчинъ въ смыслѣ похвалы или порицанія» (Thuc. II 45, 2), не должны забывать значенія этой оговорки «среди мужчинъ«. Кружковая жизнь аристократической эпохи, распространенная на весь составъ гражданъ, создала для женщины особый міръ, удовлетворявшій ея религіозные, общественные и художественные запросы въ широкихъ размѣрахъ; но онъ держался на религіи и со временемъ палъ вмѣстѣ съ ней. А впрочемъ жена-гражданка и въ своей семейной жизни находилась подъ охраной закона: и ея особа и ея приданое были неприкосновенны.

Въ воспитаніе дѣтей коллективное начало, заложенное еще въ предыдущую эпоху, было распространено на все гражданское населеніе; обученіе было всеобщимъ, и въ эпоху пелопон-

несской войны неграмотныхъ въ Аѳинахъ не было. Мальчики подъ надзоромъ своихъ «педагоговъ», (т.-е. дядекъ, почтенныхъ рабовъ) шли въ школу грамматиста, киѳариста и въ палестру. Въ первой они подъ благословенiемъ Музы, статуя которой стояла у стѣны, учились читать, писать и считать (на то у нихъ были восковыя таблички), но, главнымъ образомъ, Гомеру; языкъ послѣдняго былъ очень не похожъ на аттическiй тѣхъ временъ, но для всѣхъ грековъ онъ имѣлъ значенiе какъ бы церковнаго языка, такъ какъ на немъ и Дельфы издавали свои оракулы. Его учились понимать и крупными отрывками заучивали наизусть. За Гомеромъ шли Гесiодъ и Ѳеогнидъ ради ихъ нравоучительныхъ сентенцiй, и Солонъ ради его значенiя для Аѳинъ, а также и басни Эзопа. У киѳариста учились играть на лирѣ, незнакомство съ которой считалось признакомъ необразованности, и исполнять подъ ея аккомпанементъ, какъ староаѳинскiе гимны въ честь Паллады, такъ и поэмы Стесихора и Симонида. Палестра, наконецъ, обучала мальчика подъ надзоромъ Гермеса бѣгу, прыжку, борьбѣ, метанiю диска и т. д.; а такъ какъ она требовала для своихъ упражненiй не скромной комнаты, а широкаго двора съ колоннадами, то туда охотно приходили и родители посмотрѣть на своихъ сыновей, да и другiя лица. Тамъ же охотнѣе всего и философы вродѣ Сократа находили свою аудиторiю. Къ этимъ тремъ средствамъ воспитанiя слѣдуетъ прибавить и хорею, къ которой они готовили всѣ три; образованные люди по Аристофану — это тѣ, которые «воспитаны въ палестрахъ, въ хороводахъ и въ мусическомъ искусствѣ» (Ляг. 729).

Дѣвочки учились у матери, и эта наука была довольно сложна: кромѣ хозяйства въ нее входила и вся домашняя медицина, такъ какъ уходъ не только за дѣтьми, но и за челядью обоего пола лежалъ на обязанности хозяйки. Ихъ второй воспитательницей была опять-таки хорея, которая и ихъ наравнѣ съ отроками требовала къ службѣ роднымъ богамъ; красивый образъ священнодѣйствующей аѳинской дѣвушки намъ сохранилъ фризъ Парѳенона и «портикъ Карiатидъ» въ храмѣ Эрехѳея (ниже § 12). Завершалось ея образованiе мужемъ, который по греческому обычаю былъ значительно старше своей жены.

Но къ этому низшему образованiю въ нашу эпоху прибавляются уже элементы высшаго. Сюда относится, во-первыхъ, такъ называемая э ф е б i я — совмѣстное обученiе, физическое и духовное, юношей шестнадцати лѣтъ и старше подъ надзоромъ поста-

вленныхъ государствомъ по народному выбору «софронистовъ» и «косметовъ»; а за тѣмъ и вольное прохожденіе курса высшихъ наукъ (математическихъ, естественныхъ, и особенно этико-политическихъ) у философовъ (софистовъ, Платона, Антисѳена, Аристотеля) и риторовъ (Исократа). Объ этомъ будетъ сказано ниже (§ 11).

Переходя, затѣмъ, къ рабамъ, мы должны прежде всего замѣтить, что значеніе рабства, какъ устоя общества, въ нашу эпоху еще не велико: своей главной массой это общество держится еще на свободномъ трудѣ, какъ крестьянскомъ, такъ и городскомъ. Рабовъ мы находимъ, во-первыхъ, какъ челядь въ домахъ, какъ зажиточныхъ, такъ и бѣдныхъ, и тутъ ихъ положеніе было очень сноснымъ; въ работѣ дома они участвовали наравнѣ съ хозяевами, составляя съ ними какъ бы одну большую семью, объединенную узами преджертвеннаго окропленія. Много и другихъ обычаевъ свидѣтельствовало о гуманности отношеній къ рабамъ: новопріобщенныхъ символически осыпали лакомствами; никто не запрещалъ имъ сидѣть въ присуствіи господъ; на праздникѣ «Кроній» (ниже § 15) ихъ угощали, какъ равныхъ. Радости и горести дома ближайшимъ образомъ затрагивали и ихъ, и они по мѣрѣ своей личной почтенности участвовали въ воспитаніи своихъ «питомцевъ» (trophimoi), какъ они называли своихъ барчуковъ. Произволъ же господъ былъ обузданъ и закономъ, и еще болѣе—обычаемъ; ничего подобнаго ужасамъ крѣпостнаго права или американскаго рабовладѣнія Аѳины нашей эпохи не представляли.

Во-вторыхъ, существовала и категорія государственныхъ рабовъ, или вѣрнѣе, рядъ категорій. Характерно для Аѳинъ, что не только палачъ, но и вся полиція была изъ рабовъ; спеціально въ полицейскіе набирались рабы-скиѳы, доставляемые въ избыткѣ колоніями сѣвернаго Черноморія. Это была усердная компанія, очень забавлявшая аѳинянъ своими заморскими шашками (sybinai) и своимъ коверканіемъ греческихъ словъ, но, видно, добросовѣстно относившаяся къ своему дѣлу, коль скоро она дала возникнуть легендѣ о безупречной справедливости скиѳовъ. Туго жилось, вѣроятно, лишь тѣмъ рабамъ (государственнымъ и частнымъ), которые работали въ лаврійскихъ серебряныхъ рудникахъ; но ихъ участь покрыта мракомъ еще болѣе густымъ, чѣмъ тотъ подземный, въ которомъ имъ приходилось проводить свою нерадостную жизнь.

§ 4. **Общественный бытъ.** Аѳины насчитывали отъ 20 до 30.000 взрослыхъ гражданъ, что предполагаетъ, если принять во вниманіе соотвѣтственное число женщинъ, дѣтей, поселенцевъ и рабовъ, населеніе въ 200—300.000 человѣкъ, т.-е. по нынѣшнимъ понятіямъ, столицу средней руки. И въ такомъ-то большомъ городѣ, тѣмъ не менѣе, всѣ граждане знали другъ друга въ лицо, весь городъ былъ какъ бы однимъ большимъ домомъ. Достигалось это сближеніе и обширнымъ гостепріимствомъ и связями внутри родовъ и филъ, и общимъ воспитаніемъ дѣтей, и выборной системой государственной жизни, и праздниками съ ихъ развитой агонистикой и, пожалуй, болѣе всего — страстью аѳинянъ къ бесѣдѣ, къ тому, чтобы отразить въ себѣ каждаго встрѣчнаго и себя отразить въ немъ. При малой распространенности книгъ и полномъ отсутствіи газетъ бесѣда была единственнымъ средствомъ учиться и развивать себя; характерно, что нашему слову «любознательный» соотвѣтствуетъ по-гречески въ нашу эпоху philêkoos, т.-е. «любитель слушать».

Казалось бы, что при этомъ знакомствѣ всѣхъ со всѣми единообразный обычай долженъ былъ бы тяготѣть надо всѣми, укладывая каждую индивидуальность въ опредѣленныя рамки, какъ это бывало въ «обществахъ» новой Европы. Въ дѣйствительности же дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ. «Ту свободу, въ которой мы видимъ печать нашей государственной жизни, мы проявляемъ также и въ нашихъ ежедневныхъ, общественныхъ сношеніяхъ, чуждаясь въ нихъ всякой лишней подозрительности. Мы безъ злобы предоставляемъ нашему ближнему устраивать свою жизнь согласно своимъ наклонностямъ; мало того, мы не позволяемъ себѣ даже выраженіемъ лица выказывать ему свое неодобреніе—способомъ, хотя и безобиднымъ, но все же непріятнымъ», говоритъ Периклъ въ своей надгробной рѣчи (Thuc. II 37). Итакъ, с в о б о д а не только политическая, но и общественная — вотъ характерная черта аѳинской демократіи. Только благодаря ей она могла стать той умственной лабораторіей, въ которой вырабатывались духовныя цѣнности не для однихъ только Аѳинъ, и не для одной только Эллады, «школой» которой тотъ же Периклъ называлъ свой родной городъ, но и для всего человѣчества.

Демократія унаслѣдовала выставленные аристократіей идеалы кружковой жизни и сдѣлала ихъ доступными всѣмъ гражданамъ; но имущественное неравенство было причиной различнаго ихъ осуществленія на различныхъ ступеняхъ соціальной лѣст-

ницы. Только богатые люди могли дѣлать свои дома центрами общественной жизни; правда, снаружи и эти дома мало чѣмъ отличались отъ сосѣднихъ — только въ IV вѣкѣ обстоятельства въ этомъ отношеніи измѣнились, на что съ горечью указываетъ Демосѳенъ; все же внутри они просторностью своихъ залъ и окруженныхъ колоннадами дворовъ («перистилей») давали хозяевамъ возможность принимать многихъ гостей. И вотъ вокругъ особенно богатыхъ или хлѣбосольныхъ изъ нихъ группируются компаніи друзей (т. наз. гетеріи). Политика въ критическія времена неминуемо налагала свою печать на ихъ бесѣды, и не одинъ политическій переворотъ былъ задуманъ въ лонѣ этихъ гетерій; и все же демократія не считала себя въ правѣ ихъ преслѣдовать. Еще бо̀льшимъ блескомъ окружали радушныхъ хозяевъ гости изъ прочей Эллады; недаромъ гостепріимство было страстью грека.

Бѣдные люди не могли себѣ дозволять этой роскоши; за то они любили образовать кружки («ѳіасы») съ опредѣленнымъ уставомъ и членскими взносами и затѣмъ цѣлымъ кружкомъ снимать помѣщеніе для общихъ бесѣдъ и попоекъ. Но эти кружки далеко не поглощали аѳинянина всего; мы видѣли, весь городъ былъ для него какъ бы большимъ домомъ, а перистилемъ этого дома была окруженная колоннадами агора (городская площадь). Это было настоящимъ мѣстомъ для встрѣчъ и разговоровъ, настоящимъ центромъ общественной жизни. Другимъ была набережная Пирея, этой «самой гостепріимной гавани въ мірѣ» какъ ее называетъ Еврипидъ. Правда, «спуститься» туда по солнопеку было не такъ легко—разстояніе было въ 10 верстъ. И все же аѳиняне дѣлали это очень охотно: попутно можно было освѣжиться кружкой вина въ тѣни чинары подъ неугомонное пѣніе кузнечиковъ а тамъ, въ Пиреѣ, было такъ интересно полюбоваться на свои «красивыя тріеры», купить что-нибудь изъ первыхъ рукъ и въ особенности — узнать отъ пріѣзжихъ какую-нибудь новость, которую затѣмъ можно было разсказать друзьямъ на агорѣ или въ кружкѣ.

Все это были, впрочемъ, будни. Разгаромъ общественной жизни Аѳинъ были праздники; но о праздникахъ у насъ рѣчь впереди (§ 15).

Интересно окинуть взоромъ, въ сколь различныхъ формахъ общественность въ тѣ времена налагала свою руку на гражданина. Прежде всего, его семья — не только жена и дѣти, воспитателемъ которыхъ онъ былъ, но и челядь, общеніе съ которой

было гораздо живѣе и ближе, чѣмъ теперь между господами и прислугой. Затѣмъ родственники, которые привлекались по поводу всѣхъ семейныхъ событій: рождался ребенокъ—на девятый день приглашалась родня на праздникъ «амфидромій» т.-е. торжественнаго обнесенія новорожденнаго отцомъ вокругъ домашняго алтаря, а въ ближайшія Апатуріи (§ 15)—и вся фратрія для еще болѣе торжественнаго занесенія его въ гражданскіе списки; посвящался отрокъ въ элевсинскія таинства — приглашеніе; наступало время избранія имъ поприща — приглашеніе; о свадьбѣ и похоронахъ и говорить нечего. Затѣмъ — члены дема и филы для всякаго рода предвыборныхъ и выборныхъ дѣлъ, какъ сельскихъ, такъ и государственныхъ. Затѣмъ—товарищи по ремеслу: въ древнихъ Аѳинахъ, какъ и въ средневѣковой Европѣ, а на Востокѣ и нынѣ, ремесленники одной профессіи селились вмѣстѣ и имѣли свои цеховыя собранія и своего рода синдикаты. И, наконецъ, и слово «согражданинъ» не было тогда еще пустымъ звукомъ, но налагало очень важныя и подъ часъ тяжелыя обязательства. Скиѳскіе полицейскіе существовали буквально только для того, чтобы «тащить» (helkein) ослушниковъ по приказанію властей; тамъ, гдѣ требовался нравственный авторитетъ для пресѣченія обиды, гражданинъ взывалъ къ согражданамъ— и никто не считалъ себя въ правѣ проходить мимо. Когда старика Стрепсіада бьетъ его развращенный сынъ, онъ кричитъ не «караулъ», а «помогите, сосѣди, родственники, земляки!» (Арист. Обл. 1022). На каждой прогулкѣ гражданина могъ остановить обижаемый съ требованіемъ быть свидѣтелемъ, или понятымъ, а если онъ былъ изъ числа почтенныхъ—то и третейскимъ судьей. Впрочемъ почтенные имѣли достаточно судебныхъ дѣлъ какъ представители своихъ кліентовъ, будь то опекаемые, или женщины, или поселенцы (метеки) и нечего говорить, что всѣ эти услуги были даровыя.

Но откуда же, можно спросить, брали аѳиняне время на все это? Объясненіемъ служитъ ихъ крайняя безпотребность въ отношеніи пищи, одежды и обстановки: пища была преимущественно растительная — хлѣбъ и приправы (оливки, порей и т. д.); мясо предполагало жертвоприношеніе и слѣдовательно угощеніе. Одежда, возбуждающая нынѣ зависть скульпторовъ, состояла изъ двухъ кусковъ шерстяной матеріи, хитона и гиматія. Обстановка подавно была несложна; вообще лозунгомъ аѳинянъ было приводимое Перикломъ дивное philokalûmen met'eute-

leias («мы любимъ красоту соединенную съ дешевизной»)—въ противоположность къ тяжелой восточной пышности. Можно быть увѣреннымъ, что, знай мы въ цифрахъ богатство людей, которые тогда считались наиболѣе состоятельными—эти цифры своей скромностью вызвали бы у насъ улыбку. А при этихъ условіяхъ и работа была неособенно обременительна; нормальнымъ былъ шестичасовой рабочій день. Грекъ остроумно вычиталъ это правило на своихъ солнечныхъ часахъ: слѣдующія за первыми шестью часами (отъ A до F) въ буквы давали слово Z H Θ I. Отсюда красивая эпиграмма.

Ἕξ ὧραι μόχθοις ἱκανώτατα. αἱ δὲ μετ αὐτὰς
γράμμασι δεικνύμεναι ZHΘI λέγουσι βροτοῖς.

Т.-е., жертвуя непереводимой игрой словъ:

Шесть для работы часовъ приспособлены; тѣ, что за ними,
Символомъ знаковъ своихъ смертному молвятъ: «живи».

А «живи» значило «общайся съ людьми!» Ибо, согласно другой греческой поговоркѣ: anthôpos anthôpô daimonion («человѣкъ человѣку божество»).

§ 5. **Хозяйственный бытъ.** Оставаясь и здѣсь на почвѣ Аѳинъ, будемъ различать частное и государственное хозяйство.

Въ области частнаго хозяйства насъ будутъ интересовать экономическія условія жизни гражданина средняго достатка, какъ носителя идеи демократическихъ Аѳинъ. И тутъ придется прежде всего повторить, что роль рабства въ его хозяйствѣ была не велика: основой хозяйства былъ свободный земледѣльческій, пастушескій, ремесленный, торговый трудъ — рабство имѣло лишь вспомогательное значеніе.

Земледѣліе въ нашу эпоху еще сохранило свое естественное передовое значеніе: реформа Солона именно теперь дала свои благодѣтельные результаты, обезпечивъ Аѳинамъ большое число представителей того крѣпкаго тѣломъ и душею и привязаннаго къ родной землѣ мелкопомѣстнаго крестьянства, которое было условіемъ ихъ здоровья и силы. Эта земля сама по себѣ была не очень плодородной; надо было прійти ей на помощь, съ одной стороны, цѣлой системой искусственнаго орошеія (такъ рѣка Кефисъ въ своемъ нижнемъ теченіи была вся разобрана на каналы, такъ что лишь очень незначительныя ея струйки до-

стигали моря), съ другой — устройствомъ террасъ на косогорахъ въ предупрежденіе смыва зимними дождями тонкаго слоя плодородной почвы. На ряду съ хлѣбопашествомъ стояло винодѣліе и уходъ за маслинами — занятія болѣе прибыльныя, но зато и гораздо болѣе отдающія селянина въ руки врага, такъ какъ опустошеніе нивы лишаетъ собственника лишь урожая даннаго года, между тѣмъ какъ истребленіе виноградника или оливковой рощи разрушало источникъ его жизни на много лѣтъ. На склонахъ многочисленныхъ горъ процвѣтало скотоводство въ своихъ трехъ разновидностяхъ, подавшихъ поводъ къ возникновенію особой пастушеской іерархіи: почтеннѣе всѣхъ были волопасы (bukoloi), за ними шли овчары (poimenes), между тѣмъ какъ козопасы (aipoloi) представляли собой третій, пролетарскій элементъ. Свиньи и домашняя птица были придаткомъ каждаго сельскаго хозяйства. Вѣрнымъ другомъ человѣка во всѣхъ этихъ областяхъ его труда была собака — ср. характерную пословицу: «какова хозяйка, такова и собака»; напротивъ, кошка была еще неизвѣстна въ греческомъ мірѣ, и полезное занятіе мышеистребленія было поручено не ей, а ласкѣ (galê), которая была очень популярна въ нашу эпоху, между прочимъ и какъ обычная домашняя воровка. Не забудемъ, наконецъ, и пчеловодства, очень важнаго и прибыльнаго въ древнемъ хозяйствѣ вообще; поросшіе тимьяномъ склоны Гиметта были богаты пасѣками, прославившими «аттическій медъ» съ его характерной пріятной горечью.

Аѳинянинъ чувствовалъ естественную, здоровую тягу къ своей родной Деметрѣ, да и его правительство всячески старалось сохранить странѣ ея крестьянское населеніе; но самыя тщательныя орошенія и террасовки не могли увеличить площадь плодородной земли настолько, насколько это бы соотвѣтствовало приросту населенія. Побѣдоносныя войны дали правительству возможность усилить крестьянскій элементъ путемъ особаго рода переселенческой системы—т. наз. клерухій. У побѣжденнаго государства отнималась часть земли, и таковая разбивалась на надѣлы (klêroi), которые и раздавались бѣднымъ гражданамъ. Отъ колоніи клерухія отличалась тѣмъ, что ея члены сохраняли свое аѳинское гражданство, голосовали въ аѳинскомъ вѣчѣ и занимали аѳинскія должности наравнѣ съ прочими гражданами, между тѣмъ какъ колонія была самостоятельнымъ политическимъ организмомъ съ собственнымъ вѣчемъ и магистратурой. Такъ былъ

отведенъ подъ клерухіи одинъ за другими: Херсонесъ Ѳракійскій, Лемносъ, Имбросъ, добрая часть Евбеи и т. д.

Вообще же постоянныя войны были для аѳинскаго крестьянства настоящимъ бичемъ. Походы отвлекали хозяевъ отъ полевыхъ работъ; сверхъ того набѣги враговъ разоряли аттическіе надѣлы, а пораженія вели къ потерѣ клерухій. Крестьянство было поэтому въ Аѳинахъ миролюбивымъ элементомъ; если тѣмъ не менѣе всегда побѣждала воинственная политика, то это одно доказываетъ намъ, что не ему принадлежалъ въ вѣчѣ рѣшающій голосъ, а другимъ частямъ населенія, а именно—представителямъ промышленности, торговли и государственной службы. Аттическаго хлѣба (съ прибавленіемъ всѣхъ клерухій) на аѳинянъ не хватало; отсюда необходимость ввозить заграничный—главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, черноморскій (выше стр. 134). А ввозъ предполагалъ вывозъ и работу для вывоза, т.-е. промышленность, такъ какъ сырье потреблялось въ самой странѣ. Главнымъ аѳинскимъ ремесломъ, работавшимъ для вывоза, было гончарное; объ обиліи и красотѣ его издѣлій даютъ намъ представленіе тѣ многочисленныя «краснофигурныя» вазы, которыя наполняютъ наши коллекціи,—а также и тотъ фактъ, что два самыхъ людныхъ квартала историческихъ Аѳинъ носили имя Керамика (Kerameikós). Очень развѣтвлена была и прочая промышленность, но она удовлетворяла главн. образ. домашнимъ потребностямъ.

Торговля была двухъ родовъ, заморская и внутренняя; насколько уважали купца-путешественника (emporos), рисковавшаго жизнью для открытія новыхъ рынковъ и способствовавшаго распространенію аѳинскаго кредита и аѳинской славы—его при случаѣ даже освобождали отъ воинской повинности—настолько малопочтенной казалась дѣятельность купца—домосѣда (kapêlos), весь смыслъ которой заключался въ томъ, чтобы подороже продать потребителю подешевле купленное изъ первыхъ рукъ. Но кромѣ этого неизбѣжнаго барышничества еще другое чужеядное растеніе присосѣдилось къ смѣлой и широкой аѳинской торговлѣ: это была дѣятельность банкировъ (trapezitai, какъ они назывались по тому «столу», на которомъ они производили свои разсчеты). Купецъ-путешественникъ нуждался въ деньгахъ на снаряженіе судна и скупку товаровъ; онъ бралъ ихъ у банкира. Если онъ благополучно вернется домой, то его прибыль будетъ велика; но если его судно съ товарами погибнетъ, то погибнетъ съ нимъ и довѣренная ему банкиромъ сумма — процентъ (tokos,

собств. «приплодъ») былъ поэтому очень высокъ. При склонности аѳинянъ къ риску и банкирство было, особенно въ IV в., заманчивой дѣятельностью.

Сказанное о значеніи для Аѳинъ промышленности и торговли объясняетъ намъ экономическій смыслъ пелопоннесской и другихъ войнъ. Онѣ были въ значительной степени войнами за рынки, отбитые Аѳинами у пелопоннесской морской державы, Коринѳа.

Совершенной новостью было въ нашу эпоху экономическое значеніе платной государственной службы. Принципъ этой платности былъ отчасти противоположенъ нашему; крупныя и почетныя должности по прежнему оставались неоплачиваемыми, но зато была выставлена доктрина, что бѣдный гражданинъ, отрываемый исполненіемъ своихъ гражданскихъ обязанностей отъ своей работы, имѣетъ право на извѣстное вознагражденіе со стороны государства. Началось примѣненіе доктрины съ самаго законнаго: съ жалованія матросамъ (таковыми были бѣднѣйшіе граждане, т. наз. оеты, не могшіе служить въ войскѣ гоплитами за неимѣніемъ вооруженія). Затѣмъ уже въ эпоху пелопоннесской войны Клеонъ ввелъ жалованіе судьямъ-присяжнымъ (а таковыхъ было 6000 человѣкъ, преимущественно бѣдныхъ и пожилыхъ, для которыхъ получаемое жалованіе въ три обола — 15 копѣекъ — за присутственный день было существеннымъ подспорьемъ). Наконецъ, уже въ IV в. былъ сдѣланъ послѣдній шагъ введеніемъ жалованія также и за участіе въ вѣчѣ. Эта доктрина была развитіемъ демократической идеи, но она же стала и одной изъ причинъ ея гибели: Аѳины вынесли на себѣ тяжесть этого урока и этимъ освободили позднѣйшее человѣчество отъ необходимости его повторенія.

Переходя затѣмъ отъ частнаго хозяйства къ государственному, мы должны поставить вопросъ о доходахъ и расходахъ аѳинскаго государства, различая при этомъ Аѳины, какъ таковыя, и Аѳины, какъ главу морского союза.

Доходы Аѳинъ, какъ самостоятельнаго государства, слагались, главнымъ образомъ, изъ слѣдующихъ статей:

1) Прибыли, получаемой съ государственныхъ доменъ. То были, во-первыхъ, лавріійскіе серебряные рудники, а во-вторыхъ, пентеликонскія мраморныя каменоломни. Эксплуатировались они съ помощью государственныхъ рабовъ, при чемъ жизнь этихъ рабовъ въ подземельяхъ рудниковъ была единственнымъ

мрачнымъ пятномъ на рабствѣ тѣхъ временъ. Доходы же были сравнительно очень крупные.

2) Пошлины, изъ коихъ главной была пошлина съ кораблей, пользующихся пирейской гаванью, затѣмъ пошлина съ отпускаемыхъ на свободу рабовъ, съ жившихъ въ Аѳинахъ и свободныхъ отъ гражданскихъ повинностей поселенцевъ (т. наз. метековъ) и т. д.

3) Прямая подать съ гражданъ (т. наз. eisphorá) взималась только въ исключительныхъ случаяхъ; зато существовала послѣдовательная и постоянная система т. наз. литургій (leiturgia отъ lêiton «народное» и ergon «дѣло»), касающихся исключительно богатыхъ гражданъ. Въ ея основѣ лежитъ сознаніе, что богатый гражданинъ, какъ таковой, состоитъ должникомъ своей общины, которая, благодаря своему «благозаконію», дала ему возможность стать богатымъ. Этотъ долгъ онъ уплачиваетъ, исполняя какое-нибудь «народное дѣло», порученное ему государствомъ. Такихъ «народныхъ дѣлъ» или «литургій» были, главн. образ., три категоріи: а) гимнасіархія: получивъ отъ государства площадь и стѣны школы, гимнасіархъ долженъ былъ позаботиться объ учителяхъ, обстановкѣ и т. д., 2) тріерархія: получивъ отъ государства корпусъ корабля съ парусомъ, гражданинъ долженъ былъ его снарядить и набрать команду, и 3) хорегія: получивъ отъ архонта хоръ для состязанія на праздникѣ Діониса, «хорегъ» долженъ былъ его обучить, набрать актеровъ, позаботиться о постановкѣ и т. д.; зато онъ раздѣлялъ честь побѣды съ авторомъ поставленной піесы. Особенно интересна и важна для насъ эта послѣдняя литургія, священная служба Діонису, и мы, конечно, не безъ участія читаемъ надпись, изъ которой узнаемъ, что именно Периклъ былъ хорегомъ Эсхила на томъ достопамятномъ состязаніи 472 г., на которомъ онъ одержалъ побѣду своими «Персами».

4) Доходы храмовъ, которыми они были обязаны благочестію отчасти государства, отчасти частныхъ лицъ, тоже могутъ быть разсматриваемы какъ государственный доходъ, поскольку государство разрѣшало себѣ дѣлать изъ этихъ доходовъ займы—иногда подъ проценты, иногда безпроцентные, иногда возвращаемые, иногда нѣтъ. Различалась «казна Аѳины» и «казна прочихъ боговъ».

Къ этимъ доходнымъ статьямъ Аѳинъ какъ отдѣльнаго государства слѣдуетъ прибавить тѣ, которыми Аѳины въ эпоху

существованія морскихъ союзовъ пользовались какъ глава таковыхъ.

Это были, главнымъ образомъ, слѣдующія:

5) Денежные взносы союзниковъ (phoroi), которыми они откупались отъ повинности ставить корабли въ общій флотъ. Такъ какъ эту «повинность крови» за нихъ несли аѳиняне, то они считали себя вправѣ распоряжаться этими взносами по своему усмотрѣнію; на нихъ, напр., были воздвигнуты въ эпоху Перикла святыни на Акрополѣ. Завѣдывали этими взносами особые казначеи (т. наз. Hellênotamiai); хранилась казна вначалѣ на Делосѣ, а съ 454 г. на Акрополѣ. Въ своей совокупности союзническіе взносы составляли около половины государственнаго бюджета.

6) Таможенная пошлина, взимаемая въ гаваняхъ морского союза въ пользу союзной кассы.

7) Судебныя пошлины, уплачиваемыя союзниками въ тѣхъ процессахъ, которые разбирались въ Аѳинахъ; а кругъ таковыхъ Аѳины въ видахъ централизаціи судебнаго дѣла старались чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе расширить.

Таковы были сами доходы; что касается затѣмъ способа ихъ полученія, то слѣдуетъ отмѣтить характерный для всего античнаго міра фактъ, что государство, гдѣ это только можно было (т.-е. по отношенію къ ст. 1, 2 и 6), прибѣгало къ системѣ откуповъ, т.-е. заранѣе продавало данную пошлину тому лицу, которое за нее уплачивало наибольшую сумму, предоставляя ему взимать ее въ собственную пользу, такъ чтобы и покрыть уплаченную государству сумму, и получить барышъ. А такъ какъ богатые и соотвѣтственно уважаемые граждане естественно брезгали этимъ барышничествомъ, то приходилось поневолѣ, дробя пошлину, продавать ее мелкимъ капиталистамъ. Такъ возникъ этотъ всѣми ненавидимый и презираемый классъ мытарей (telônai), такъ хорошо намъ извѣстный изъ Новаго Завѣта.

Что касается, затѣмъ, государственныхъ расходовъ, то они распредѣляются гл. обр. по слѣдующимъ статьямъ.

1) На жалованіе за государственную службу. Объ этомъ ср. выше стр. 147; къ этимъ б. ч. неутѣшительнымъ статьямъ слѣдуетъ, однако, прибавить жалованья городскимъ врачамъ (dêmosieuontes), между тѣмъ какъ народное просвѣщеніе, очень распространенное, было всецѣло предоставлено частной иниціативѣ.

2) На общественныя работы техническаго и художественнаго характера, производившіяся однако только при наличности излишковъ. Особенно слабо обстояло дѣло съ общественными дорогами, но это объясняется національной разобщенностью греческихъ племенъ; персидское государство съ его большими военными дорогами и правильной почтой стояло въ этомъ отношеніи выше чѣмъ западный міръ вплоть до римскихъ временъ.

3) На военныя издержки — одна изъ самыхъ важныхъ статей. На первомъ планѣ тутъ стоялъ флотъ, хотя значительная часть относящихся сюда расходовъ покрывалась литургіями (выше стр. 148). Войско вначалѣ, пока оно было гражданскимъ, не стоило государству особенно много: и гоплитъ о своемъ оружіи, и всадникъ о своей лошади долженъ былъ заботиться самъ. Въ случаѣ похода они получали приказаніе вступить въ строй, взявъ съ собой припасовъ на три дня, т.-е. до перехода отечественныхъ предѣловъ, послѣ чего ихъ кормили реквизиціями. Но дѣло измѣнилось къ худшему, когда значительную часть войска пришлось набирать изъ наемниковъ.

Примѣчаніе. Эта необходимость имѣла двѣ причины: 1) при длительности войнъ, притомъ ведомыхъ одновременно на разныхъ концахъ греческаго міра, «повинность крови» ложилась тяжелымъ бременемъ на гражданъ и легко могла повести къ ихъ истребленію—уже къ концу пелопоннесской войны Аѳины были въ значительной степени городомъ вдовъ. А 2) наемныя дружины, постоянно находясь подъ оружіемъ, въ знаніи все развивающагося военнаго дѣла стояли выше гражданскихъ ополченій. Правда, съ другой стороны, что на ихъ вѣрность государство могло полагаться гораздо менѣе, чѣмъ на своихъ собственныхъ сыновъ. Теперь мы знаемъ, что правильнымъ путемъ было бы, при постепенной централизаціи морского союза, привлекать къ военной службѣ гражданъ его составныхъ общинъ, въ видахъ образованія великой, объединенной подъ главенствомъ Аѳинъ Эллады. Но этого не случилось, и ходъ событій повелъ къ тому, что V в. принадлежалъ гл. обр. гражданскому, IV в.—наемному войску, характеръ котораго намъ жизненно изобразилъ Ксенофонтъ въ своемъ знаменитомъ Анабазисѣ.

4) На устройство празднествъ — чисто эллинская статья. О нихъ самыхъ будетъ сказано ниже (§ 15); они неизбѣжно были соединены съ большими жертвоприношеніями, и это не было непроизводительнымъ истребленіемъ живности съ религіозной цѣлью, такъ какъ мясо жертвеннаго животнаго почти все шло на угощеніе бѣдноты. Помимо того, устройство многочисленныхъ состязаній съ ихъ призами побѣдителямъ требовало значительныхъ издер-

жекъ. Наконецъ — и это было наиболѣе характерно — часть денегъ выдавалась на руки бѣднымъ гражданамъ, чтобы дать имъ возможность принять участіе въ праздникѣ. Починъ принадлежитъ тутъ Периклу: желая сдѣлать театральныя представленія, въ виду ихъ образовательной задачи, доступными всѣмъ, онъ провелъ законъ, чтобы бѣднымъ гражданамъ возмѣщалась та небольшая плата (два обола—10 коп.), которую они вносили за мѣсто въ театрѣ. Позднѣе этотъ т. наз. theôrikon разроссял и былъ распространенъ на всѣ крупные праздники.

Когда послѣ крушенія второго морского союза возникла «политика отреченія», проводимая Евбуломъ—было постановлено, чтобы всѣ излишки доходовъ поступали въ эту «праздничную кассу» и чтобы никто, подъ страхомъ казни, не могъ предложить въ вѣчѣ измѣненіе этого постановленія. Трубный гласъ Демосѳена вырвалъ аѳинянъ изъ этого забытья: подъ грозой Филипповой войны онъ добился, чтобъ излишки были препровождаемы не въ праздничную, а въ военную кассу — и его заслугой было то, что на поляхъ Херонеи была спасена, если не эллинская свобода, то, по крайней мѣрѣ, эллинская честь.

§ 6. **Правовой бытъ.** Демократизація Аѳинъ, начатая Солономъ и завершенная Клисѳеномъ, повела прежде всего къ учрежденію народнаго суда, носящаго темное для насъ имя геліеи (hêliaia). Судьями въ ней были всѣ старшіе граждане, числомъ около 6000; они дѣлились на десять коллегій по 600 членовъ каждая. Численностью каждой коллегіи предупреждалась возможность подкупа суда — и дѣйствительно, эта цѣль была достигнута. Понятно, что не по каждому дѣлу можно было пускать въ ходъ такую громоздкую машину; при широкомъ развитіи частнаго судопроизводства (т. наз. третейскихъ судовъ, см. стр. 143) только самыя крупныя какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла достигали суда «геліастовъ». Зато ихъ приговоръ былъ окончательнымъ и ни кассаціи ни апелляціи не подлежалъ.

Обыкновенно обвинителемъ былъ потерпѣвшій; но Солонъ прекрасно сознавалъ, что преступная энергія, склоняющая человѣка къ нарушенію законовъ — греки называли ее hybris — была общественной опасностью, и поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій не могъ обвинять самъ, обвинителемъ могъ выступать и «всякій желающій». Въ основѣ этого постановленія лежала мысль, что согражданамъ не должны быть чужды обиды согражданъ; не

Солонъ былъ виноватъ въ томъ, что эта прекрасная мысль выродилась и дала въ результатѣ отвратительный классъ сикофантовъ-шантажистовъ (выше стр. 80), досаждавшихъ богатымъ гражданамъ подъ личиной заступничества за якобы попранныя права другихъ и заставлявшихъ ихъ платить имъ болѣе или менѣе крупный выкупъ за то, чтобы ихъ оставили въ покоѣ.

А такъ какъ эти обвинители были или легко могли быть ловкими и въ знаніи законовъ и въ краснорѣчіи людьми, то сама справедливость заставила суды внести извѣстное ограниченіе въ правило, чтобы обвиняемый защищался самъ. Ограниченіе было двоякаго рода. Во-первыхъ, ему не возбранялось поручить другому составленіе за него защитительной рѣчи, которую онъ затѣмъ выучивалъ и произносилъ. На этой почвѣ развилась т. наз. логографія, т.-е. сочиненіе опытнымъ ораторомъ письменныхъ рѣчей за другихъ; такъ въ процессѣ Сократа Платонъ предложилъ своему учителю воспользоваться рѣчью, которую онъ, Платонъ, взялся за него написать. Но кромѣ того, въ извѣстныхъ случаяхъ обвиняемому позволялось приглашать на помощь себѣ второго оратора, т. наз. синегора (synêgoros); въ этихъ случаяхъ дѣло на практикѣ сводилось къ тому, что обвиняемый ограничивался нѣсколькими фразами, а главная задача поручалась синегору. Такимъ образомъ, благодаря сикофантіи съ одной стороны и синегоріи съ другой, представительство сторонъ, исключенное строгимъ духомъ первоначальнаго судопроизводства (выше стр. 80), появилось само собой; а съ нимъ неизбѣжно появилось и судебное краснорѣчіе, возникновеніе котораго относится именно къ нашей эпохѣ.

Но лучшимъ плодомъ Солонова законодательства и его развитія въ демократическую эпоху было то, что атмосфера «благозаконія» была разлита повсюду, и произволъ большихъ и малыхъ насильниковъ былъ обузданъ во всѣхъ областяхъ жизни. И старый отецъ, и жена, и сироты, и рабы находились подъ защитою закона, и обидчикъ ихъ имѣлъ въ каждомъ случаѣ очень дѣйствительное основаніе бояться привлеченія къ суду. Правда, что этотъ судъ, будучи неподкупнымъ, не былъ непогрѣшимъ: процессъ Сократа, осужденнаго въ 399 г. народнымъ судомъ, ясно это намъ доказываетъ. Но тотъ же Сократъ, имѣя возможность безопаснаго побѣга, добровольно отказался отъ него, не желая своимъ примѣромъ содѣйствовать нарушенію законовъ, которые онъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ горячо одобрялъ—яркое доказательство того, какъ гордился аѳи-

нянинъ нашей эпохи тѣмъ благозаконіемъ, которое отличало его правовой бытъ отъ какой-нибудь Ѳессаліи или варварскихъ странъ.

И мы, произнося свое сужденіе объ этомъ правовомъ бытѣ, должны основываться не на этихъ отдѣльныхъ случаяхъ неправосудія, а на всей идеѣ новаго суда, вручившей рѣшеніе участи подсудимаго гражданина не представителю власти, а его же согражданамъ какъ таковымъ. Теперь только жалобы Гесіода на неправду «царей-дароѣдовъ» (выше стр. 77) замолкли окончательно; и хотя царство Правды и не было основано, но все же былъ намѣченъ тотъ путь къ его осуществленію, отъ котораго уже нельзя было удаляться безнаказанно.

Правда, мы видимъ не въ Аѳинахъ, и вообще не въ Греціи, а въ Римѣ нашего воспитателя въ области правового быта; и среди правовыхъ истинъ, неизвѣстныхъ Греціи и открытыхъ лишь Римомъ, уже была (стр. 39) упомянута одна—а именно, что государство лишь въ предѣлахъ существующихъ законовъ можетъ распоряжаться жизнью, свободой и имуществомъ своихъ гражданъ. Аѳины этого еще не сознавали, онѣ допускали судъ по непредусмотрѣннымъ законодателемъ преступленіямъ, предоставляя въ этихъ случаяхъ обвинителю — предлагать, а геліеѣ — опредѣлять мѣру наказанія, въ разрѣзъ съ римскимъ и нашимъ правиломъ nulla poena sine lege; въ такомъ процессѣ (dikê timêtê) былъ осужденъ и Сократъ. Но въ особенности относится сюда знаменитый остракизмъ, введенный Клисѳеномъ и просуществовавшій около столѣтія. Его суть состояла въ слѣдующемъ: если оказывалось, что присутствіе вліятельнаго гражданина въ общинѣ было причиной смутъ, то разрѣшалось предложить народу—путемъ голосованія временно исключить его изъ состава общины. Дѣлалось это такъ: гражданинъ писалъ (или царапалъ) имя исключаемаго на глиняномъ черепкѣ (ostrakon), затѣмъ бросалъ его въ урну; если за исключеніе было подано значительное большинство голосовъ, то исключенный на время (5 или 10 лѣтъ) долженъ былъ покинуть Аѳины. Немало великихъ людей испытало на себѣ дѣйствіе этой мѣры — Ѳемистоклъ, Аристидъ, Кимонъ; оно не было собственно изгнаніемъ — имущество потерпѣвшаго не конфисковалось, и его гражданская честь оставалась нетронутой. Но все же это была мѣра тираническая, несовмѣстимая съ болѣе развитымъ правовымъ сознаніемъ; и намъ пріятно было бы удостовѣриться, что именно это соображеніе повело къ ея упраздненію послѣ 418 г.

§ 7. **Государственный бытъ.** Та форма государственнаго быта, при которой Аѳины прожили кратковременный періодъ своего расцвѣта, была создана демократической реформой Клисѳена въ 509 г. Главнымъ содержаніемъ этой реформы была новая организація гражданскаго населенія Аѳинъ въ видахъ «смѣшенія граждань между собой» и устраненія стариннаго порядка, согласно которому Аттика распадалась на три области: педіею, паралію и діакрію (выше стр. 84). Клисѳенъ поступилъ такъ: прежде всего онъ раздѣлилъ каждую изъ названныхъ областей—скажемъ, A, B и C—на десять такъ наз. «третей» (trittyes): A_1, A_2, A_3, и т. д. до A_{10}, такъ же точно B_1, B_2, до B_{10}, и C_1, C_2 до C_{10}—при чемъ получилось тридцать такихъ «третей». Изъ этихъ 30 третей онъ составилъ свои новыя десять филъ, составляя каждую по жребію изъ трехъ лежащихъ въ различныхъ областяхъ третей—примѣрно филу I изъ $A_4+B_7+C_2$, филу II изъ A_5, B_1 и C_9, филу III изъ A_9, B_4 и C_5 и т. д. Этимъ десяти филамъ онъ далъ съ благословенія Пиѳіи имена древнеаттическихъ героевъ, назвавъ ихъ Эрехѳеидой, Аянтидой и т. д. и сдѣлалъ ихъ основой преобразованнаго строя. Отнынѣ жители, напр., діакріи уже не могли совѣщаться между собой о государственныхъ мѣрахъ, результатомъ чего была нѣкогда тиранія Писистрата: каждая изъ десяти частей, на которыя она была раздѣлена, была связана общностью интересовъ съ тѣми участками двухъ прочихъ областей, съ которыми ее соединилъ жребій.

На этомъ новомъ дѣленіи были основаны три органа государственной жизни демократическихъ Аѳинъ—совѣтъ, вѣче и магистратура.

Что касается, прежде всего, совѣта (bulê), то онъ состоялъ изъ 500 членовъ, по 50 на каждую филу, избираемыхъ на годъ по жребію изъ гражданъ первыхъ трехъ классовъ старше 30 лѣтъ съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы никто не могъ быть членомъ совѣта чаще чѣмъ два раза въ жизни. Компетенція этого совѣта состояла 1) въ предварительномъ рѣшеніи (probuleuma) тѣхъ законопредложеній, которыя затѣмъ вносились на окончательное рѣшеніе вѣча, и 2) въ самостоятельномъ управленіи, на основаніи существующихъ законовъ, финансами, флотомъ и конницей. Полностью совѣтъ собирался лишь отъ времени до времени; постоянно засѣдала только десятая его часть т. наз. пританія. Эта пританія объединяла въ себѣ 50 членовъ одной и той же филы, при чемъ каждая фила была «пританствующей» въ теченіи $^1/_{10}$ года. На каждый день прита-

нія избирала изъ своей среды особаго предсѣдателя, т. наз. эпистата, который долженъ былъ дежурить съ $^1/_3$ своей пританіи не только днемъ, но и ночью, чтобы къ нему во всякое время можно было обратиться по государственной надобности—такъ что неугасимая «лампада въ пританеѣ» была настоящимъ символомъ бдительнаго ока аѳинскаго благозаконія.

Въ аѳинскомъ вѣчѣ (ekklêsia) могли участвовать всѣ граждане старше 20 лѣтъ; собиралось оно на скалистой террасѣ т. наз. Пникса, подъ Акрополемъ (а съ IV в.—въ театрѣ), вначалѣ по разу въ пританію, потомъ нѣсколько чаще, подъ предсѣдательствомъ эпистата. Всѣ вносимыя предложенія должны были раньше получить санкцію совѣта; но вѣче не было ею связано и могло не только принять и отвергнуть совѣтскую редакцію, но и внести существенныя измѣненія по предложенію народныхъ ораторовъ. Таковымъ могъ выступать любой гражданинъ; въ глашатайской формулѣ «кто изъ гражданъ, старше 40 лѣтъ, имѣетъ сказать нѣчто полезное для народа?» аѳиняне видѣли истинное выраженіе демократической свободы. Отсюда значеніе политическаго краснорѣчія; отсюда и злоупотребленіе имъ т. наз. демагогами, которые стали такой же язвой въ области политики, какой были сикофанты въ области суда.

Наконецъ, въ области магистратуры, обязательно годичной, насъ поражаетъ прежде всего ея коллегіальность: каждая должность представлена нѣсколькими, обыкновенно десятью, по одному на филу. Затѣмъ—то, что за исключеніемъ военачальниковъ, а также и тѣхъ магистратовъ, которые имѣли дѣло съ государственными суммами и поэтому должны были принадлежать къ числу зажиточныхъ гражданъ, остальные избирались не поднятіемъ рукъ (хиротоніей), а жребіемъ. Въ основѣ этого страннаго на нашъ взглядъ порядка лежитъ во-первыхъ религіозное представленіе: «Мы признаемъ счастье милостью бога и допускаемъ поэтому жеребьевку, считая вполнѣ справедливымъ, чтобъ вынувшій счастливый жребій получилъ власть, а не вынувшій не получилъ ея» (Платонъ, Законы III pag. 690 C), а затѣмъ и демократическая вѣра или иллюзія, что каждый гражданинъ долженъ быть настолько политически образованнымъ, чтобы въ случаѣ надобности успѣшно справиться съ порученной ему должностью. А впрочемъ, магистратъ находится подъ постояннымъ контролемъ; этотъ контроль сказывается 1) въ его «докимасіи»

послѣ выборовъ, т.-е въ изслѣдованіи, соотвѣтствуетъ ли его личная порядочность той чести, которая выпала на его долю; его устраняли, если оказывалось, что онъ, напр., не относится съ требуемымъ уваженіемъ къ своимъ родителямъ или ихъ могиламъ; 2) въ возможности его «апохиротоніи» (т.-е. отрѣшенія отъ должности) во время его магистратскаго года; 3) въ престоящей ему по окончаніи магистратскаго года «эвтинѣ» (euthyna), т.-е. отчетѣ, неудовлетворительность котораго могла повести за собой болѣе или менѣе крупный штрафъ.

Главными магистратскими коллегіями были слѣдующія:

1) Коллегія архонтовъ; ихъ было съ давнихъ поръ девять, и Клисѳенъ долженъ былъ прибавить къ нимъ секретаря, чтобы привести ихъ число въ соотвѣтствіе съ числомъ филъ; выбирались они по жребію. Эта возникшая изъ царской власти коллегія потеряла свое прежнее значеніе, сохранивъ главн. образомъ инструкцію процессовъ и предсѣдательство при ихъ разбирательствѣ въ геліеѣ, притомъ архонтъ-царь — въ религіозныхъ дѣлахъ. архонтъ въ тѣсномъ смыслѣ, по имени котораго назывался годъ—въ семейныхъ, полемархъ — въ дѣлахъ метековъ, ѳесмоѳеты—въ остальныхъ.

2) Коллегія стратеговъ, числомъ десять, избиралась путемъ хиротоніи. Она унаслѣдовала то значеніе, которое потеряла архонтская. Изъ десяти стратеговъ часть отправлялась въ походъ, другіе оставались въ Аѳинахъ, чтобы здѣсь дѣлать необходимыя для успѣшнаго хода войны распоряженія. Такъ какъ это понятіе было очень растяжимо, то компетенція стратеговъ была очень велика. Конечно, фактически наиболѣе способный въ коллегіи управлялъ всѣмъ дѣломъ; Периклъ, напр., пятнадцать лѣтъ подъ рядъ избирался стратегомъ и въ этой должности управлялъ всѣмъ государствомъ, «и была это на словахъ демократія, на дѣлѣ же единовластіе лучшаго гражданина» (Ѳукидидъ II 65).

Таковъ былъ внѣшній обликъ той аѳинской демократіи, которая, хотя и не безъ сотрясеній, просуществовала въ теченіи двухъ столѣтій.

Согласно сказанному выше (стр. 85), это была демократія плебисцитарная; таковая, какъ мы тоже уже убѣдились, была возможна только при извѣстной ограниченности территоріи. Для Аѳинъ она была естественна, такъ какъ и сунійскій и мараѳонскій поселянинъ могъ легко устроить свои дѣла такъ, чтобы быть въ Аѳинахъ въ сравнительно рѣдкіе вѣчевые дни. Нѣкоторое

неудобство представляли уже клерухіи, но не непреоборимое: обыкновенно гражданинъ ихъ навѣщалъ только изрѣдка, оставляя на прочее время вмѣсто себя управляющаго. Но что случилось бы съ демократической идеей, если бы Аѳинамъ удалось политически объединить значительную часть Греціи? Такую возможность имъ открывалъ только знаменитый морской союзъ, не столько второй, сколько первый (478—404), и поставленный вопросъ переводитъ наше вниманіе съ почвы государственнаго на почву междуэллинскаго быта.

§ 8. Междуэллинскій бытъ. То новое, что принесла наша эпоха въ области междуэллинскихъ отношеній, заключается главнымъ образомъ въ основаніи Делосскаго союза, какъ единственной серьезной попыткѣ объединить не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ образомъ значительную часть эллинскихъ общинъ подъ главенствомъ одной передовой державы, каковой были Аѳины эпохи Ѳемистокла и Аристида. Первоначальной цѣлью союза была оборона побережныхъ и островныхъ эллиновъ противъ возможнаго возобновленія персидскаго погрома. Такъ какъ самымъ надежнымъ средствомъ такой обороны былъ сильный и единый флотъ, то первоначальныя мѣропріятія творцовъ союза были направлены на созданіе таковаго изъ пропорціональныхъ контингентовъ входящихъ въ союзъ общинъ, при чемъ деньги на оборудованіе и операціи этого флота естественно составили союзную казну, которую предположено было хранить въ храмѣ Аполлона на островѣ Делосѣ; отсюда и само имя Делосскаго союза. Но при практическомъ осуществленіи этой мѣры оказалось, что она была сопряжена со слишкомъ большими неудобствами для тѣхъ общинъ, которыя вслѣдствіе малочисленности своего населенія могли поставить лишь незначительное число кораблей, а то и часть таковаго. Такія общины предпочли откупиться деньгами отъ постановки приходящагося на ихъ долю контингента. Такъ съ самаго начала общины союза распались на такія, которыя сами участвовали въ дѣлѣ совмѣстной обороны, и такія, которыя поручили оборону собственной территоріи другимъ, уплативши имъ соотвѣтственную сумму, и этимъ фактически стали данницами центральной общины. Первыя стали называться автономными, вторыя — подчиненными (hypêkooi) союзниками.

Дальнѣйшее развитіе союза неизбѣжно повело къ тому, что послѣдняя категорія стала постепенно увеличиваться на счетъ первой. Прежде всего, при растущемъ благоденствіи союзниковъ имъ самимъ стало выгоднѣе откупиться данью отъ повинности крови; а затѣмъ, тѣ, которые своими измѣнническими попытками выйти изъ союза доказали свое враждебное къ нему отношеніе, были естественно лишаемы своего флота и насильственно переводимы въ категорію подчиненныхъ союзниковъ. Такимъ образомъ, къ эпохѣ Перикла въ союзѣ были только три автономныхъ члена—Самосъ, Лезбосъ и Хіосъ. А такъ какъ контингенты автономныхъ союзниковъ не были увеличиваемы въ соотвѣтствіи съ убывающими подчиненныхъ, то та повинность крови, отъ которой освобождались подчиненные, ложилась все сильнѣе и сильнѣе на центральную общину, т.-е. на Аѳины.

Параллельно съ этимъ развитіемъ шла все большая и большая централизація управленія. Аѳины присвоили себѣ право самовольно распоряжаться операціями общаго флота. Общая касса мало-по-малу изъ союзной превратилась въ аѳинскую, каковое развитіе было завершено въ 454 году ея перенесеніемъ изъ Делоса на аѳинскій Акрополь, состоявшимся по почину Перикла. Неблагонадежность отдѣльныхъ общинъ часто вела къ тому, что аѳиняне обезпечивали себѣ ихъ преданность болѣе или менѣе сильными гарнизонами, или же отправляли къ нимъ особыхъ чиновниковъ (episkopoi) съ правомъ вмѣшательства въ тѣ ихъ внутреннія дѣла, которыя такъ или иначе затрогивали интересы либо всего союза, либо руководящей общины. Независимо отъ этого аѳиняне всюду старались ввести демократическое правленіе, справедливо разсчитывая, что таковое, будучи имъ обязано своимъ возникновеніемъ, станетъ оплотомъ аѳинофильской политики данной общины. Наконецъ, было постановлено, чтобы крупные уголовные процессы, возникавшіе въ союзныхъ общинахъ, разбирались въ Аѳинахъ передъ судомъ геліастовъ, чѣмъ было завершено также и правовое объединеніе союза.

Никогда ни до, ни послѣ не было создаваемо на греческой почвѣ такой сплоченной междуэллинской организаціи. Все же параллельно съ ея централизаціей шло и недовольство составляющихъ ее общинъ, которыя не могли примириться съ потерей самаго необходимаго для греческой общины элемента—автономіи. Эта потеря могла быть возмѣщена только предоставленіемъ имъ

участія во власти, т.-е. превращеніемъ Делосскаго союза въ своего рода Великую Аттику съ общимъ для всѣхъ центральнымъ управляющимъ органомъ въ Аѳинахъ; осуществленіе же этой идеи, при территоріальной разрозненности составляющихъ общинъ, было возможно только подъ условіемъ перехода къ представительной системѣ, т.-е. подъ условіемъ замѣны плебисцитарной демократіи—парламентарной.

Исторія освободила Аѳины отъ необходимости разрѣшить этотъ неудоборазрѣшимый для античнаго человѣка вопросъ: послѣ пораженія аѳинскаго флота при Эгоспотамѣ (405 г.), морской союзъ былъ окончательно распущенъ, и такъ велико было недовольство составляющихъ общинъ централизующей политикой Аѳинъ, что его разрушитель Лисандръ былъ всюду привѣтствуемъ, какъ освободитель.

Тѣмъ не менѣе это продолжавшееся три четверти вѣка объединеніе большинства культурныхъ общинъ Эллады подъ главенствомъ Аѳинъ принесло свои плоды, если не въ области политики, то во всякомъ случаѣ въ области культуры. До заключенія союза аттическій говоръ былъ однимъ изъ многихъ маловажныхъ греческихъ діалектовъ, между тѣмъ какъ литературнымъ языкомъ былъ іонійскій; ко времени его распущенія аттическій языкъ былъ общегреческимъ—отдѣльныя области сохранили свои мѣстные говоры, но только для внутренняго, а не для междуэллинскаго употребленія. И когда царь Филиппъ обращался письменно къ греческимъ общинамъ, онъ составлялъ свои грамоты на аттическомъ языкѣ. Этимъ былъ предначертанъ также и дальнѣйшій путь развитія эллинизма. То войско, съ помощью котораго Александръ Великій побѣдилъ востокъ, менѣе всего состояло изъ аттическихъ элементовъ; но языкъ и культура, которые онъ распространилъ до Инда и до пороговъ Нила, были аттическими, и этотъ неотъемлемый аттическій характеръ вселенскаго эллинизма былъ плодомъ многолѣтняго аѳинскаго главенства въ той Элладѣ, которая объединилась въ Делосскій союзъ.

§ 9. Международный бытъ. Международныя отношенія въ эллинскомъ мірѣ нашей эпохи имѣютъ въ своемъ основаніи антагонизмъ понятій «эллинъ» и «варваръ», при чемъ слово «варваръ», обозначая всякаго, говорящаго на непонятномъ языкѣ, т.-е. всякаго неэллина, само по себѣ не имѣетъ никакого пре-

зрительнаго оттѣнка. Политическіе разсчеты могутъ повести къ союзу эллиновъ съ варварами противъ другихъ эллиновъ: аѳиняне разсчитывали на дружбу ѳракійскаго государства въ разгаръ пелопоннесской войны, и Спарта сочла позволительнымъ для себя принять золото отъ персидскаго сатрапа въ видахъ уничтоженія аѳинскаго вліянія на востокѣ. Но тѣмъ не менѣе культурная разница между эллинами и варварами сознавалась. Въ годы самаго рѣзкаго взаимнаго отчужденія спартанцы имѣли своего «проксена» въ Аѳинахъ такъ же, какъ и аѳиняне въ Спартѣ; но персидскому сановнику, который бы забрелъ въ Аѳины, пришлось бы обратиться къ заступничеству пританов (выше стр. 154), т.-е. къ государственной власти. И когда аѳиняне справляли праздникъ своей богини-покровительницы, на него приглашались «ѳеоры» изъ союзныхъ, а въ годы мира и изъ всѣхъ вообще эллинскихъ государствъ, но, конечно, не изъ Персіи, Ѳракіи и Египта.

Тѣмъ не менѣе отношенія грековъ къ «варварамъ» были лишены всякой принципіальной враждебности. Любознательный Геродотъ съ интересомъ присматривался къ нравамъ и памятникамъ варварскихъ народовъ, которые онъ посѣщаетъ, и скорѣе бываетъ склоненъ незаслуженно признать превосходство варварскаго обычая передъ эллинскимъ, чѣмъ отнестись къ нему съ незаслуженнымъ пренебреженіемъ. Импонирующая древность египетской и вавилонской культуръ естественно повела къ тому, что эллинъ почувствовалъ себя ученикомъ того и другого народа, даже въ такихъ областяхъ, въ которыхъ самобытность эллинской культуры для насъ несомнѣнна. Ни племенныя, ни религіозныя различія не возбуждали его насмѣшки или высокомѣрія; что касается спеціально этихъ послѣднихъ, то врожденная ему терпимость и самопонятное для него требованіе, что гость чужой страны долженъ воздать честь ея богамъ, устраняли въ зародышѣ всякую возможность для него изувѣрства.

Только въ одной области эллинъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше варваровъ, причемъ, правда, подъ послѣдними онъ, за полнымъ почти незнакомствомъ съ иноплеменными народами запада, разумѣлъ подданныхъ персидскаго царя: это была оцѣнка **личной свободы**. Видя, съ какимъ смиреньемъ восточный человѣкъ переноситъ иго царя, признавая въ послѣднемъ уже не человѣка, а бога; знакомясь со столь чуждой для него организаціей восточнаго общества, въ которомъ всякій подчинен-

ный считался рабомъ своего начальника; поражаясь съ одной стороны унизительными формами поклоненія подданныхъ, съ другой—безчеловѣчнымъ произволомъ правителей надъ личностью подчиненныхъ,—онъ естественно приходилъ къ убѣжденію, что для варвара рабство такая же природная форма общежитія, какъ для эллина—свобода. Если поэтому Аристотель (Полит. I гл. 2 § 13), въ разрѣзъ со многими мыслителями и поэтами своего народа, оправдываетъ рабство ссылкой на то, что есть люди, рожденные для него и внѣ его рамокъ неспособные къ полезной дѣятельности, то въ этомъ слѣдуетъ признать лишь эмпирическій выводъ человѣка, несклоннаго къ иллюзіямъ и одинаково трезвыми глазами взирающаго на характерныя особенности обоихъ міровъ, съ которыми его познакомила жизнь.

Той принципіальной благожелательности, съ которой эллины относились къ варварамъ, соотвѣтствовала и воспріимчивость варваровъ къ благамъ греческой культуры. Если не считать египтянъ, замкнувшихся въ своей культурной отчужденности, но со всѣмъ тѣмъ дружелюбно относившихся къ грекамъ, то прочій варварскій міръ въ нашу эпоху испытываетъ все возрастающее вліяніе и обаяніе эллинизма. Ближайшія къ Іоніи области—Лидія, Фригія, Карія—становятся уже почти эллинскими. На Кипрѣ древнефиникійская культура стушевалась передъ эллинской, и самый островъ подъ управленьемъ эллинофильскихъ царей сталъ своего рода эльдорадо для тѣхъ эллиновъ, которымъ на родинѣ было тѣсно. Вообще перепроизводство культурныхъ людей въ собственной Греціи ведетъ къ тому, что они охотно ищутъ и находятъ сбытъ своимъ способностямъ въ варварскомъ мірѣ; это касается прежде всего медиковъ и художниковъ, затѣмъ торговцевъ, каковой классъ въ Греціи обладалъ гораздо большей подвижностью и предпріимчивостью, чѣмъ на Востокѣ—и, наконецъ, наемниковъ, дружины которыхъ охотнѣе сражались въ варварскихъ странахъ противъ варваровъ, чѣмъ у себя противъ своихъ. Такъ-то эллинская культура исподволь, но рѣшительно, подчиняла себѣ варварскій міръ, въ ожиданіи того момента, когда геній царя-завоевателя окончательно утвердитъ ея господство надъ нимъ.

§ 10. **Нравственное сознаніе.** Въ исторіи нравственнаго сознанія человѣчества нашъ періодъ отмѣченъ прежде всего неизбѣжной по всему его общественному укладу демократиза-

ціей морали путемъ введенія въ нее догмата о научимости того идеала, который по прежнему продолжаетъ называться aretê.

Дѣйствительно, нравственное ученіе эллинскаго періода признавало, какъ мы видѣли (выше стр. 96), чисто аристократическій догматъ наслѣдственности этой aretê: кто ее унаслѣдовалъ отъ «добрыхъ» отцовъ и предковъ, тотъ и самъ «добръ»; кто, напротивъ, происходитъ отъ «худыхъ», тотъ и самъ «худъ» и никоимъ образомъ «добрымъ» стать не можетъ, ибо «ни левъ, ни бурая лисица не могутъ измѣнить врожденнаго нрава» (Пиндаръ. Олимп. X 20). Аѳиняне долго находились подъ гнетомъ этого ученія: оно, казалось, увѣковѣчивало привилегіи аристократіи, которая вѣдь была ничѣмъ инымъ, какъ совокупностью «добрыхъ», но оно же, будучи изложено въ геніальныхъ твореніяхъ поэтовъ аполлоновской эпохи, которыхъ даже демократическія Аѳины не рѣшались исключить изъ своихъ школъ, съ юныхъ лѣтъ входило въ плоть и кровь будущихъ гражданъ.

Общественное мнѣніе не могло не искать выхода изъ этого мучительнаго разлада; понятна поэтому радость, съ которой оно пошло навстрѣчу той философіи, которая, проповѣдуя научимость этой aretê, этимъ самымъ открывала замкнутый кругъ «добрыхъ» всѣмъ, желающимъ ей научиться.

Носителями этой философіи были такъ наз. софисты. Это были люди очень различные по объему своихъ знаній и своему нравственному складу. Общими ихъ чертами были слѣдующія: 1) они всѣ цѣлью своей дѣятельности считали и называли пріобрѣтеніе и распространеніе мудрости (sophia), вслѣдствіе чего они и именовали себя софистами — каковое слово тогда еще не содержало того привкуса хулы, который мы въ немъ слышимъ теперь; 2) они, въ видахъ большаго распространенія своей мудрости, разъѣзжали по всей Элладѣ, всюду вербуя учениковъ; 3) они, вынужденные жить плодами своей дѣятельности, брали плату за свое ученіе. Это послѣднее обстоятельство, безукоризненное съ точки зрѣнія нашихъ обычаевъ, сильно роняло ихъ тогда въ глазахъ идеалистически настроенныхъ людей.—Главные изъ нихъ — Протагоръ изъ Абдеры, Горгій изъ Леонтинъ, Гиппій изъ Элиды и Продикъ изъ Кеоса. Въ Аѳинахъ, куда они наѣзжали періодически, они всѣ были чужими и пользовались гостепріимствомъ богатыхъ и любознательныхъ гражданъ, перистили которыхъ на время ихъ пребыванія превращались въ настоящія университетскія аудиторіи.

Но научимость aretês была только одной стороной, и притомъ положительной, дѣятельности софистовъ; другой былъ скептицизмъ. Развитіе философіи природы (выше стр. 95 сл.) могло легко вселить въ наблюдателя увѣренность, что всѣ теоріи мірового становленія одинаково убѣдительны, т.-е. другими словами, одинаково недоказуемы; и этотъ физическій скептицизмъ, нашедшій свое выраженіе въ безсмертныхъ словахъ Протагора: «Человѣкъ— мѣрило всему, сущему, что оно есть, и не сущему, что оно не есть» — не могъ не перекинуться и на религіозную, и на нравственную область. Возникла увѣренность, что ни одного религіознаго или нравственнаго положенія доказать нельзя, а можно въ немъ только убѣдить силою и обаяніемъ рѣчи. Такъ-то изъ софистическаго скептицизма естественно возникъ культъ рѣчи; ея учителями были тѣ же софисты, и ихъ ученіе нашло себѣ благодарную почву въ демократическихъ Аѳинахъ, въ которыхъ и судъ и вѣче предоставляли столь широкое поле искусному оратору. Съ возрастающей озабоченностью слѣдили разсудительные граждане за этимъ опаснымъ увлеченіемъ, грозившимъ потопить всѣ идеалы религіи и нравственности въ туманномъ морѣ убѣжденія. Но молодежь была въ восторгѣ отъ новаго ученія; и, дѣйствительно, оно должно было перебродить въ ея горячихъ головахъ, для того, чтобы дать тотъ чистый и положительный религіозно-нравственный идеалъ, представленіе о которомъ мы связываемъ съ именами Сократа и Платона.

Чтобы понять дѣятельность Сократа (470—399), ее нужно разсматривать на двойномъ фонѣ: съ одной стороны—обыденной гражданской морали, съ другой—описаннаго только что софистическаго движенія

Означенная гражданская мораль была богата положительными догматами и не затруднялась давать въ каждомъ данномъ случаѣ отвѣтъ на вопросъ, что такое aretê. «Aretê гражданина, говорила она, состоитъ въ томъ, чтобы быть способнымъ вѣдать государственныя дѣла и въ этой дѣятельности приносить пользу друзьямъ и вредить врагамъ; aretê гражданки—въ томъ, чтобы хорошо управлять домашнимъ хозяйствомъ, сохраняя въ цѣлости то, что составляетъ достатокъ дома, и повинуясь мужу; иная aretê малолѣтняго—мальчика и дѣвочки, — иная старца, свободнаго или раба; есть и много другихъ aretai» (Платонъ, Менонъ pag. 71E). Сократа подобный отвѣтъ удовлетворить не могъ. Въ силу своей глубокой сознатель-

ности онъ старался узнать, почему всѣ названныя проявленія гражданской aretê объединяются именно этимъ именемъ и что такое, слѣдовательно, сама aretê. И вотъ на этотъ-то вопросъ ходячая мораль никакого отвѣта ему не давала.

Онъ обращался отъ нея къ ученію софистовъ; но здѣсь его еще болѣе отталкивала пустота скептицизма и соблазнъ риторическаго убѣжденія. Сознательно обращаясь противъ послѣдняго. онъ единственнымъ путемъ къ выходу изъ безнадежнаго и безплоднаго скептицизма признавалъ такое пользованіе словомъ, при которомъ каждый доводъ говорящаго могъ тотчасъ найти подтвержденіе, ограниченіе или опроверженіе со стороны собесѣдника. Другими словами: риторическому методу софистовъ онъ противопоставилъ методъ діалектическій; въ этомъ его безсмертная заслуга передъ духовной культурой.

А впрочемъ, мы не можемъ сказать, прибавилъ ли онъ къ теоріи научимости aretês, которую онъ послѣ нѣкотораго колебанія заимствовалъ у софистовъ, еще другіе положительные догматы. Мы представляемъ себѣ его вѣчнымъ искателемъ, своими вопросами и бесѣдами будившимъ сознаніе своихъ согражданъ; при этихъ бесѣдахъ стали получаться тѣ или иные положительные выводы, которые онъ, однако, считалъ плодами не собственной мысли, а мысли своего собесѣдника или вѣрнѣе, того logos'a, который въ данную минуту воплощался въ ихъ бесѣдѣ. И онъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы честное служеніе этому logos'y не нарушалось никакимъ недомысліемъ или пристрастіемъ. Быть можетъ, Сократъ самъ не добылъ ни одного изъ тѣхъ догматовъ, которые впослѣдствіи считались характерными для «сократическихъ» школъ; но онъ выковалъ тотъ мечъ, съ помощью котораго они были добыты всѣ, и этимъ мечемъ былъ logos.

Обаяніе сократовскихъ бесѣдъ сдѣлало учителя одной изъ популярнѣйшихъ фигуръ послѣперикловскихъ Аѳинъ и собрало вокругъ него кружокъ не очень многочисленныхъ, но ревностныхъ учениковъ. Изъ нихъ одни позднѣе повѣдали потомкамъ о дѣятельности своего учителя; другіе продолжали его дѣло, созидая положительные идеалы на расчищенной его діалектикой почвѣ— таковыми были Антисѳенъ, Аристиппъ и въ особенности, Платонъ; третьи, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ общенія съ нимъ, вернулись къ практической жизни.

Именно эти послѣдніе и стали причиной его гибели. Строгіе демократы не могли забыть, что и Алкивіадъ, измѣнившій своей родинѣ въ рѣшающую годину сицилійской экспедиціи (414 г.), и Критій, принявшій послѣ ея разгрома изъ рукъ спартанцевъ тираническую власть надъ ней (404)—были учениками Сократа. Вскорѣ послѣ возстановленія демократіи онъ былъ обвиненъ, какъ развратитель молодежи, и, не желая ни воздѣйствовать на судей притворнымъ смиреніемъ, ни воспользоваться однимъ изъ средствъ побѣга, которыя ему были предоставлены его друзьями, умеръ смертью праведника въ 399 году.

Изъ сократовской школы общая тема всѣхъ бесѣдъ, aretê, вышла преображенной въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, она мало-по-малу потеряла то значеніе «доблести», которое ей было свойственно въ предыдущія эпохи, и получила взамѣнъ его значеніе нашей нынѣшней «добродѣтели». Во-вторыхъ, — и это было послѣдствіемъ глубокой сознательности самого учителя,— она была неразрывно соединена со знаніемъ. У безсознательной добродѣтели ходячей морали была отнята всякая цѣнность; истинно добродѣтельный человѣкъ долженъ былъ быть въ состояніи отдать отчетъ въ своей добродѣтели; таковая несомнѣнно была знаніемъ—спрашивалось только, знаніемъ чего? Эта послѣдняя примѣта наложила свою печать на всю античную послѣсократовскую мораль; она была моралью интеллектуалистической—и нужно было явиться генію блаженнаго Августина (V в. по Р. Х.), чтобы противопоставить ей, какъ морали языческой, новую христіанскую волюнтаристическую мораль.

Развитіе школы Сократа принадлежитъ IV вѣку. Изъ его творчески одаренныхъ учениковъ одинъ, Аристиппъ киренскій, въ своихъ разсужденіяхъ о сущности добродѣтели увидѣлъ себя вынужденнымъ отожествить ее съ каждымъ въ данномъ случаѣ бо́льшимъ удовольствіемъ, ради котораго мы жертвуемъ меньшимъ, и сталъ, такимъ образомъ, творцомъ такъ называемой гедонистической (отъ hêdonê—«удовольствіе») морали. Она сама себя опровергла въ лицѣ его позднѣйшихъ преемниковъ: такъ какъ бо́льшимъ удовольствіемъ пришлось признать болѣе длительное, длительное же удовольствіе превращается въ простое безболіе, то мало-по-малу проповѣдь удовольствія превратилась въ проповѣдь абсолютнаго безболія—т.-е. смерти.

Въ рѣзкомъ противорѣчіи съ Аристиппомъ Антисѳенъ старался освободить абсолютную добродѣтель отъ всѣхъ соблаз-

новъ чувственности, усматривая идеалъ мудреца въ полной безпотребности; ее проповѣдывала пошедшая отъ него киническая школа, какъ она была названа—скорѣе всего по тому мѣсту, гдѣ училъ Антисѳенъ, гимназіи въ аѳинскомъ предмѣстьѣ Киносаргѣ. Слово Антисѳена обратилъ въ дѣло его знаменитый ученикъ Діогенъ синопскій. Надѣвъ суму, символъ нищенства, онъ пошелъ странствовать, поучая людей на всѣхъ перекресткахъ идеаламъ безпотребности и получая въ возмездіе за свое ученіе ломоть хлѣба или пригоршню жареныхъ бобовъ. Число его послѣдователей, прямыхъ и косвенныхъ, было очень велико, и школы киниковъ можно не безъ основанія сравнить съ нищенствующей братіей св. Франциска въ позднѣйшее средневѣковье.

Оба рѣшенія были скорѣе практически наглядными, чѣмъ философски продуманными; изъ всѣхъ учениковъ Сократа одинъ только Платонъ сумѣлъ поднять вопросъ о добродѣтели на ту высоту идеализма, которая соотвѣтствовала величію послѣпериклoвскихъ Аѳинъ. Его опредѣленіе добродѣтели стоитъ въ зависимости отъ взглядовъ на душу. Послѣднюю онъ—исходя изъ орфическихъ ученій (выше стр. 127)—представляетъ себѣ на подобіе возницы, управляющаго парой коней, изъ коихъ одинъ влечетъ колесницу къ высотамъ идеала, другой—къ низинамъ чувственности. Долгъ возницы—поощрять пылъ перваго и укрощать второго. Такъ-то наша душа состоитъ изъ трехъ элементовъ: руководящей мысли (logistikon), энергіи (thymoeides) и вожделѣнія (epithymêtikon); имъ соотвѣтствуютъ три основныхъ добродѣтели—мудрость (sophia), мужество (andreia) и воздержность (sôphrosynê). Всѣ три растворяются въ высшей добродѣтели—справедливости (dikaiosynê).

Установленіемъ этого послѣдняго идеала Платонъ не очень удалялся отъ гражданской морали, которая и сама вѣдь старалась воспитывать гражданина въ правилахъ справедливости: но онъ рѣзкимъ образомъ разошелся съ ней по вопросу о санкціи (выше стр. 39). Тамъ отрока вели къ справедливости указаньями на то, что только справедливый мужъ пользуется уваженьемъ людей и покровительствомъ боговъ. Софистическое движеніе разбило обѣ эти санкціи, и, въ сущности, отняло всякую опору у нравственности. Въ разрѣзъ и съ гражданской моралью, и съ софистикой Платонъ училъ, что добродѣтельность есть здоровое состояніе души и, какъ таковое, одна только и можетъ обезпечить ей хорошее самочувствіе; что, поэтому, добродѣтельный мужъ

этимъ самымъ и счастливъ, порочный—этимъ самымъ и несчастенъ, но что онъ менѣе несчастенъ, если получитъ возмездіе, чѣмъ если онъ останется безнаказаннымъ, развивая до послѣднихъ предѣловъ болѣзненное состояніе своей души. Этимъ открытіемъ Платонъ сталъ творцомъ автономной нравственности.

Трезвый умъ его ученика Аристотеля и въ этомъ отношеніи не остался на высотѣ его идеализма. Внимательно изслѣдуя проявленія добродѣтельности въ человѣческой жизни, онъ пришелъ къ убѣжденію, что добродѣтель въ каждомъ данномъ случаѣ есть средній путь между двумя порочными крайностями (virtus in medio): щедрость — между скупостью и расточительностью, мужество—между трусостью и опрометчивостью, и т. д. Этимъ ученіемъ онъ сталъ проповѣдникомъ той золотой середины (aurea mediocritas), которая могла послужить хорошей нормой для общегражданской добродѣтельности, но исключала великодушный подъемъ героическихъ натуръ.

Какъ видно изъ всего сказаннаго, нравственное сознаніе нашего періода гораздо болѣе отмѣчено индивидуальной печатью творческихъ личностей, чѣмъ оба предыдущихъ. Посредствующимъ звеномъ между этими личностями и народной массой служитъ школа: благодаря ей и ея проповѣди домыслы творцовъ распространяются все болѣе и болѣе, опредѣляя собою также и общественную мораль. Ея дѣйствіе, конечно, неравномѣрно: гедоническая проповѣдь естественно ограничивается изящнымъ обществомъ утопающихъ въ роскоши царедворцевъ, киническая обращается преимущественно къ грубымъ умамъ низшихъ гражданскихъ и даже рабскихъ слоевъ, созидая своеобразную философію и нравственность пролетаріата, аристотелевская неохотно покидаетъ рамки школы и созерцательной жизни; платоническая, наконецъ, будучи болѣе всѣхъ запечатлѣна печатью генія, притягиваетъ родственно настроенныя души, являясь среди всѣхъ наиболѣе богатой будущимъ.

ГЛАВА II.

Наука.

§ 11. Наука въ теченіи нашего періода еще остается заключенной въ рамки философіи, продолжающей считаться совокупностью тѣхъ знаній, которыя человѣкъ пріобрѣтаетъ ради самого знанія. Она охватываетъ даже и медицину, съ тѣхъ поръ, какъ

эта послѣдняя перестала ограничиваться одними только цѣлебными практиками и своимъ изученіемъ человѣческаго тѣла и его функцій дала возможность провести параллель между нимъ и мірозданьемъ. Первымъ изъ этихъ врачей-философовъ былъ Гиппократъ косскій; выйдя самъ изъ школы врачей-жрецовъ, онъ круто повернулъ медицину на путь естественнаго опыта и сталъ, такимъ образомъ, основателемъ медицины, какъ науки. Правда, его познанія въ области анатоміи и физіологіи были еще очень несовершенны: обычай не дозволялъ рѣзать трупы, и врачамъ приходилось довольствоваться часто обманчивой аналогіей между человѣческимъ и животнымъ тѣломъ. Все же и ея было достаточно, чтобы навести Гиппократа на мысль о закономѣрности патологическихъ явленій, а также о вліяніи на нихъ окружающей среды.

Чистая философія, какъ наука о мірозданіи, слѣдуетъ въ нашу эпоху по двумъ путямъ. Первый былъ предначертанъ еще въ концѣ предыдущаго періода рапсодомъ Ксенофаномъ колофонскимъ и особенно его ученикомъ Парменидомъ, главными представителями элеатской школы, какъ она называется по имени того южно-италійскаго города—Элеи—гдѣ подъ конецъ своей жизни основался Ксенофанъ. Ученіе элеатовъ нашло разрѣшеніе тѣмъ противорѣчіямъ, въ которыхъ запуталась философія природы, въ гипотезѣ двоемірія; согласно ей есть, во-первыхъ, міръ бытія, доступный только нашей мысли, но не нашимъ чувствамъ, о которомъ мы поэтому ничего не можемъ сказать, кромѣ того, что онъ есть; и есть, во-вторыхъ, міръ кажущійся, къ которому относится все то, что намъ передаютъ наши чувства. Божество, это и есть бытіе; и оно поэтому для насъ совершенно безсвойственно, и неразумно поступаютъ тѣ, которые представляютъ себѣ его подъ тѣмъ или инымъ образомъ.—Эта гипотеза двоемірія получила особое значеніе вслѣдствіе того, что ею воспользовался для своей космологической спекуляціи Платонъ. Но онъ поставилъ оба міра элеатовъ въ гораздо болѣе тѣсную связь одинъ съ другимъ, тѣмъ, что призналъ кажущійся міръ отраженьемъ мыслимаго. Тамъ, въ предѣлахъ вѣчнаго бытія, въ единеніи съ богами витаютъ первообразы тѣхъ предметовъ, которые наши чувства воспринимаютъ здѣсь въ предѣлахъ видимости; эти первообразы Платонъ называетъ идеями. Каждый предметъ—несовершенное отраженіе соотвѣтственной идеи, и если мы тѣмъ не менѣе при-

знаемъ его тѣмъ, что онъ такъ несовершенно отражаетъ, то это происходитъ потому, что наши души нѣкогда, въ прабытіи, тоже витали въ предѣлахъ мыслимаго міра и общались съ идеями. Здѣсь наука граничитъ съ религіей; обѣ неразрывно связаны философіей Платона.

Второй путь, по которому пошла философія нашего періода, противоположный «идеализму» Платона, былъ путь матеріалистическій. Его главными представителями являются для насъ Эмпедоклъ, Анаксагоръ и, въ особенности, Демокритъ абдерскій. Изъ нихъ первый подвелъ итоги іонійской философіи природы, установляя одинаковую изначальность всѣхъ четырехъ стихій и объясняя міровое становленіе ихъ поперемѣннымъ стремленіемъ другъ къ другу и другъ отъ друга подъ вліяніемъ двухъ смѣняющихъ одна другую силъ, «дружбы» и «раздора». Все же онъ совокупность стихій представлялъ себѣ одушевленной и божественной и вообще примѣшалъ много мистицизма къ своей философіи. Также и Анаксагоръ не былъ чистымъ матеріалистомъ: допуская происхожденіе мірозданія изъ безконечнаго числа безконечно малыхъ частицъ (т. наз. сѣмянъ—spermata), онъ нуждался въ силѣ, которая бы привела ихъ въ движеніе, такъ какъ предвѣчнаго движенія онъ представить себѣ не могъ. Онъ эту силу назвалъ разумомъ (nus), но использовалъ ее только для того первоначальнаго толчка, въ чемъ Платонъ не безъ основанія усмотрѣлъ непослѣдовательность. Рѣшительнѣе былъ Демокритъ; отказываясь отъ всякаго спиритуализма, онъ объяснялъ происхожденіе міра только изъ двухъ изначальныхъ элементовъ—атомовъ и пустоты. Паденіе (мы сказали бы: движеніе) атомовъ въ пустотѣ ведетъ къ ихъ сцѣпленію и этимъ—при ихъ первоначальной разнородности—къ образованію еще болѣе разнородныхъ тѣлъ. Всю свою жизнь Демокритъ посвятилъ изученію свойствъ тѣлъ; онъ изложилъ свои наблюденія въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, которыя еще древность поставила въ параллель къ сочиненіямъ Платона, видя въ обоихъ мыслителяхъ равноцѣнныхъ представителей двухъ крайнихъ міровоззрѣній, идеалистическаго и матеріалистическаго. Судьба была неблагосклонна къ нему, ничего не сохранивъ намъ изъ его произведеній; но его имя должно остаться въ нашей памяти, какъ имя основателя научной физики и спеціально той ея теоріи, которая и понынѣ, послѣ многихъ превращеній, не потеряла своей цѣнности—теоріи атомистической.

Софистическое движеніе въ Аѳинахъ и реакція противъ него въ лицѣ школы Сократа призвали къ жизни рядъ новыхъ наукъ формальнаго характера, которыя пока тоже остались въ рамкахъ философіи. При той важности, которую софисты придавали слову, какъ орудію убѣжденія, для нихъ было естественно обратить свое вниманіе на него и на его свойства: научная лингвистика ведетъ свое начало отъ софистовъ и спеціально, отъ Протагора, который первый открылъ части рѣчи и рядъ другихъ грамматическихъ категорій. Здравый смыслъ подсказалъ софистамъ, что языкъ долженъ быть изучаемъ прежде всего на его древнѣйшемъ памятникѣ: научное изученіе Гомера поэтому тоже ведетъ свое начало отъ нихъ. Отсюда, съ одной стороны, возникновеніе историко-литературнаго интереса, съ другой—практика толкованія (интерпретаціи) какъ Гомера, такъ и другихъ древнихъ поэтовъ—однимъ словомъ, то, что позднѣе стало ядромъ филологіи, какъ науки. А при пытливомъ характерѣ грековъ вообще и софистовъ въ особенности, не могъ не возникнуть и вопросъ о самомъ происхожденіи языка—точнѣе, о томъ, произошелъ ли онъ природнымъ путемъ (physei), или же путемъ особаго рода договора или уложенія (thesei). А впрочемъ, ближе къ непосредственной цѣли софистовъ былъ вопросъ о связной рѣчи, какъ средствѣ убѣжденія; риторика равнымъ образомъ ведетъ свое происхожденіе отъ нихъ и спеціально отъ Горгія. Сочувствіемъ Сократа и его школы эта риторика, понятно, пользоваться не могла; въ противовѣсъ ей, эта школа выдвинула діалектику, какъ искусство спора, точнѣе, искусство отличать доказательныя соображенія отъ недоказательныхъ. Со временемъ изъ этого искусства развилась логика, которая была приведена въ научную систему Аристотелемъ. Одновременно процвѣтала и математика въ школахъ пиѳагорейцевъ, которыя изъ италійской Греціи успѣли перекинуться обратно въ собственную. Намъ трудно, однако, прослѣдить ея развитіе въ нѣдрахъ этихъ школъ. Знаемъ, что въ эпоху Платона планиметрія имѣла уже, приблизительно, свой нынѣшній видъ, разработка же стереометріи еще не была начата: «Ея еще нѣтъ, но она будетъ», пророчески сказалъ о ней Платонъ (Госуд. VII р. 528 В).

Наука, для нормальнаго своего развитія нуждается въ центрахъ, которые объединяютъ и ученыхъ, и орудія научной работы. Такими центрами въ предыдущій періодъ были кружки, призванные къ жизни религіей Аполлона; но гораздо болѣе

совершенными стали тѣ **школы**, которыя были основаны въ нашу эпоху въ опредѣленныхъ помѣщеніяхъ и съ установленіемъ особой системы научныхъ занятій. Первой изъ нихъ по времени была та, которую въ 387 г. основалъ Платонъ въ пригородной рощѣ героя Академа—знаменитая на всѣ времена **Академія**. Здѣсь, послѣ его смерти, продолжалось преподаваніе наукъ въ «академическомъ» духѣ при непрерывной преемственности руководителей (схолархов) вплоть до 529 г. по Р. Х., когда императоръ Юстиніанъ въ религіозномъ рвеніи изгналъ изъ Аѳинъ послѣднихъ учителей языческой Академіи и этимъ закрылъ ее самое послѣ болѣе чѣмъ 900-лѣтняго славнаго существованія.

Недолго спустя основалъ въ противовѣсъ Платону свою научную школу **Исократъ** — риторъ, ученикъ Георгія. Объ его значеніи въ исторіи краснорѣчія и прозы вообще рѣчь впереди (§ 13); здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что онъ считалъ возможно всестороннее научное образованье необходимымъ подспорьемъ для будущаго оратора, и что въ его школѣ проходился, помимо теоріи и практики краснорѣчія, и рядъ другихъ наукъ, которыя можно было считать общеобразовательными. Курсъ ученія былъ у него четырехлѣтній; его прошли многіе, имена которыхъ прославила позднѣйшая исторія Аѳинъ и Греціи. Такъ-то уже съ самаго начала научной школѣ была противопоставлена школа общеобразовательная.

Завершителемъ научнаго развитія нашего періода былъ въ Аѳинахъ пришелецъ изъ македонской Стагиры, **Аристотель**. Онъ былъ ученикомъ Платона, но позднѣе разошелся съ нимъ, хотя и навсегда сохранилъ о немъ благодарную память; извѣстны его слова: «изъ двухъ друзей—Платона и Истины—долгъ велитъ предпочесть вторую». Эту истину онъ, какъ трезвый и наблюдательный умъ, находилъ въ предѣлахъ единаго міра. Въ немъ божество—первопричина движенія и жизни. Ему противоположна матерія, какъ арена возможностей, оформляемая идеями, которыя живутъ, такимъ образомъ, не внѣ предметовъ видимости, а въ нихъ самихъ. Душа человѣка лишь количественно возвышается надъ душою животнаго и растенія, обладая также и мыслительной способностью въ добавленіе къ чувствовательной и двигательной, свойственнымъ и животному, и способности роста, свойственной всѣмъ живымъ существамъ, включая и растенія.

Научная система Аристотеля, изложенная въ его многочисленныхъ, намъ сохраненныхъ произведеніяхъ, обнимаетъ всю веще-

ственную и духовную природу. Вопросамъ о принципахъ міроздания посвящены его книги о «Физикѣ» и «Метафизикѣ» (причемъ послѣдняя обязана своимъ именемъ только тому обстоятельству, что она, какъ продолженіе физики, читалась послѣ нея, metaphysikà). Законы движенія и его силъ обработаны въ «Механикѣ», теорія небесныхъ явленій въ «Метеорологіи»; спускаясь на землю, онъ въ своихъ зоологическихъ сочиненіяхъ далъ такую полную систематику и біологію животнаго міра, которыя остались непревзойденными вплоть до XVIII вѣка. Въ области ботаники далъ то же самое его ученикъ и другъ Өеофрастъ. Переходя далѣе къ человѣку, Аристотель въ своей «Политикѣ» создалъ чрезвычайно глубокую и продуманную теорію человѣческаго общежитія, съ которой и нынѣ принято считаться; она имѣла своимъ основаньемъ огромный (158 книгъ) сборникъ монографій о конституціяхъ отдѣльныхъ греческихъ и негреческихъ общинъ, изъ котораго судьба намъ недавно вернула книгу «О государствѣ аөинскомъ». Параллелью къ «Политикѣ» была его «Этика», сохраненная намъ въ трехъ изводахъ. Къ области эстетики принадлежитъ его «Риторика» или теорія прозы и особенно знаменитая «Поэтика». Но всѣ его сочиненія превзошла своимъ вліяніемъ его «логика», подъ каковымъ именемъ мы объединяемъ его отдѣльныя сочиненія о «Категоріяхъ», «О сужденіи» и «Объ анализѣ» съ прибавленьемъ къ нимъ «Топики» или ученія о доказательствахъ. Въ этихъ книгахъ онъ впервые привелъ въ научную систему разрозненныя діалектическія достиженія сократовскихъ школъ, и можно сказать безъ преувеличенія, ссылаясь на свидѣтельство исторіи, что ими онъ научилъ мыслить также и все новѣйшее человѣчество.

Столь разнообразной научной работѣ этого удивительнаго человѣка соотвѣтствовала не менѣе разнообразная учебная дѣятельность. Ради нея онъ основалъ свою школу въ рощѣ Аполлона Ликейскаго — такъ называемый Ликей или Лицей. Въ ея тѣнистыхъ аллеяхъ (peripatoi—отсюда имя «перипатетической» школы) утромъ, въ рабочіе часы, происходило спеціальное (эсотерическое) обученіе тѣснаго круга учениковъ; тамъ же вечеромъ и широкой, жаждущей образованія, публикѣ читались доступныя ея пониманію общіе (экзотерическіе) курсы. Ликей Аристотеля просуществовалъ такъ же долго, какъ и Академія Платона; въ противоположность ей, онъ насаждалъ спеціально научныя знанія, но все же ему, какъ философской школѣ, не удалось долго

объединить въ себѣ совокупность наукъ. Послѣднія, развиваясь и специализируясь, не могли не прорвать со временемъ ставшихъ узкими рамокъ философской школы. Но это случилось лишь въ слѣдующемъ, вселенскомъ періодѣ.

ГЛАВА III.

Искусство.

§ 12. **Изобразительныя искусства.** Когда нашъ аттическій періодъ называютъ «эпохой расцвѣта», то при этомъ выраженіи думаютъ преимущественно, если не исключительно, объ области искусствъ, какъ изобразительныхъ, такъ и мусическихъ. И здѣсь, и тамъ время первыхъ творческихъ напряженій, обусловленныхъ естественнымъ сопротивленьемъ матерьяла стремленью художника сдѣлать его выразителемъ своихъ мыслей и чувствъ, уже лежитъ позади. Съ нимъ миновала и пора рѣзкостей и чрезмѣрностей, вызванныхъ этой борьбой; матерьялъ покорился художнику и сталъ способнымъ выражать тѣ тончайшіе оттѣнки его идей, въ умѣломъ соблюденіи которыхъ заключается печать совершенства.

А. Архитектура. Для развитія архитектуры первыя два поколѣнія послѣ освободительной войны были особенно благопріятнымъ временемъ. Съ одной стороны, побѣда надъ врагами создавала естественное чувство благодарности богамъ-покровителямъ, а приливъ богатства, обусловленный послѣдовавшимъ періодомъ мира, давалъ и необходимыя средства для выраженія этого чувства постройкой новыхъ храмовъ и другихъ святынь; съ другой стороны, возвышеніе и укрѣпленіе побѣдоносной демократіи поставило художникамъ рядъ новыхъ задачъ чисто свѣтскаго характера. Съ обѣихъ точекъ зрѣнія первенство принадлежитъ Аѳинамъ. Къ тому же, какъ городъ, разрушенный персидскимъ погромомъ, онѣ болѣе прочихъ греческихъ общинъ нуждались въ новыхъ архитектурныхъ памятникахъ. Оставляя поэтому въ сторонѣ архитектурную дѣятельность прочей Греціи— но все же упомянувъ о храмѣ Зевса въ Олимпіи,—мы сосредоточимся на Аѳинахъ.

Здѣсь естественнымъ полемъ для сакральной архитектуры была твердыня Аѳинъ, уже потерявшая свое военное значеніе и

превратившаяся въ обширную ограду родной богини—Акрополь. Его и рѣшено было обратить въ гигантскій пьедесталъ для воздвиженія ей неслыханнаго по величественности и красотѣ храма. Сорокъ лѣтъ работали надъ тѣмъ, чтобы привести его въ это состояніе. Наконецъ, при Периклѣ, настало время воздвигнуть самый храмъ. Исполненіе задачи было поручено архитекторамъ Иктину и Калликрату, но руководителемъ работъ былъ тотъ, въ руки котораго было отдано все скульптурное украшеніе храма — Фидій. Ихъ совмѣстными трудами былъ созданъ на вершинѣ Акрополя тотъ Парѳенонъ — «храмъ Дѣвы», — въ которомъ мы видимъ въ одно и то же время и высшій расцвѣтъ греческой архитектуры и живой символъ величія Перикловыхъ Аѳинъ. Въ немъ соблюдена обычная схема дорическихъ храмовъ, но благородный матеріалъ, изъ котораго онъ былъ выстроенъ — пентеликонскій мраморъ—далъ возможность смягчить архаическую рѣзкость прежнихъ памятниковъ дорической архитектуры: его колонны стройнѣе, ихъ капители менѣе нависаютъ надъ пролетами, повсюду соблюдена удивительная гармонія и пропорціональность. Конечно, своими размѣрами онъ не можетъ соперничать съ каменными громадами на берегахъ Нила и Евфрата. Все же онъ больше обыкновеннаго греческаго храма — восемь колоннъ во фронтѣ, вмѣсто принятыхъ шести—и эти размѣры дали художнику возможность нѣсколько развить обычную храмовую схему, прибавляя къ целлѣ особое квадратное помѣщеніе, такъ называемый опистодомъ, ставшій казнохранилищемъ богини, и вводя въ самую целлу внутреннюю двухъэтажную колоннаду. Все же онъ весь соблюденъ въ строгомъ стилѣ, чуждающемся всякихъ излишнихъ узоровъ Его печать—величіе, и ею онъ остался запечатлѣнъ и понынѣ, послѣ всѣхъ разрушеній, которыя онъ испыталъ въ послѣдовавшія за паденьемъ античнаго міра мрачныя столѣтія.

Когда Парѳенонъ былъ оконченъ, явилось желаніе создать для него и для всего Акрополя достойное преддверіе; и эту задачу удалось еще исполнить Периклу при помощи уже названнаго Калликрата. Схема этихъ «Пропилей», тоже воздвигнутыхъ изъ пентеликонскаго мрамора, была не совсѣмъ проста: собственныя пятерныя ворота были украшены снаружи и изнутри двумя параллельными дорическими колоннадами, которыя въ свою очередь были соединены между собою продольной колоннадой въ іоническомъ стилѣ, и вся эта мраморная роща была снабжена справа

и слѣва монументальными мраморными же пристройками. Въ нихъ, впрочемъ, пришлось уклониться отъ строгой симметріи, такъ какъ въ правую пристройку врѣзался бастіонъ, издревле посвященный любимой прислужницѣ Аѳины — Побѣдѣ. На немъ ей построили прелестный храмикъ въ іонійскомъ стилѣ; а такъ какъ мѣсто было головокружительно крутое, то храмикъ пришлось окружить мраморной балюстрадой, стѣнки которой тогдашняя скульптура украсила рядомъ своихъ самыхъ восхитительныхъ памятниковъ.

Пелопоннесская война прервала на время строительную дѣятельность аѳинянъ на Акрополѣ; но въ тѣ годы передышки, которые послѣдовали за миромъ Никія, она была возобновлена. Сакральныя соображенія потребовали возстановленія, этотъ разъ уже въ видѣ храма, стариннаго «дома» царя Эрехѳея, который былъ въ то же время, въ безхрамный періодъ религіи Зевса, и древнѣйшимъ пріютомъ богини. Такъ возникъ въ послѣдній періодъ пелопоннесской войны храмъ Эрехѳея (Erechtheion), причудливая схема котораго была обусловлена тѣми же сакральными соображеніями. Будучи объемомъ много меньше Парѳенона, онъ сталъ выраженіемъ архитектурнаго изящества, точно также какъ тотъ былъ выраженіемъ архитектурной величавости. Выдержанъ онъ былъ въ іонійскомъ стилѣ; всѣ его части были украшены узорами, но красивѣе всего былъ знаменитый такъ наз. «портикъ каріатидъ» — мраморный балдахинъ, несомый шестью мраморными же дѣвами, въ которыхъ художникъ увѣковѣчилъ священнодѣйствующихъ кошеносицъ панаѳинейскаго шествія.

Храмъ Эрехѳея сталъ надолго послѣднимъ словомъ аѳинской сакральной архитектуры; потеря гегемоніи лишила Аѳины средствъ для крупныхъ архитектурныхъ предпріятій. Все же IV в. долженъ быть отмѣченъ исторіей архитектуры, какъ время, если не возникновенія, то распространенія новаго архитектурнаго ордена — коринѳскаго. Этотъ третій греческій орденъ возникъ, въ сущности, изъ іонійскаго; отличается онъ отъ него, главнымъ образомъ, формой капители, которая въ коринѳскомъ орденѣ напоминаетъ собою корзинку, обвитую акантовыми листьями и завитушками. Вслѣдствіе своей граціозности коринѳскій орденъ получилъ широкое распространеніе въ ту эпоху, которая вообще отдавала предпочтеніе граціозности — въ эпоху эллинистическую.

Остается поговорить о свѣтской архитектурѣ, которая въ нашу эпоху уже начинаетъ соперничать съ сакральной. Правда,

частные дома еще сохраняютъ старинную простоту: демократизмъ зажиточныхъ членовъ общины не дозволялъ имъ оскорблять чувства ихъ бѣдныхъ согражданъ выставленіемъ на показъ роскоши. Зато тотъ же демократизмъ дозволялъ и требовалъ достойнаго убранства тѣхъ мѣстъ, гдѣ собирался державный демосъ. Это были, главнымъ образомъ, стои и театры. Для стои характерна стѣна съ навѣсомъ и колоннадой; чаще всего такія стои окружаютъ какой-нибудь внутренній дворъ, служащій, напримѣръ, для упражненія молодежи; формы гимназіи и палестры были, поэтому, лишь развитіемъ стои. Въ другихъ случаяхъ,—напримѣръ, на агорѣ,—стѣна стои была пробита дверьми, которыя служили входами въ торговыя помѣщенія; тогда получалось подобіе нашихъ гостинныхъ дворовъ. Но стоя могла быть и вообще наружной частью любого зданія, служившаго административнымъ или торговымъ цѣлямъ; такова была та роскошная стоя, которою еще Кимонъ украсилъ аѳинскую агору, поручивъ своему другу, живописцу Полигноту, расписать ея стѣну картинами изъ отечественныхъ войнъ, вслѣдствіе чего она и называлась «пестрой стоей». Въ нашу эпоху она только этимъ и славилась— въ ожиданіи того, уже недалекаго времени, когда ей суждено было дать свое имя самому вліятельному въ древности философскому направленію—стоицизму.

Что касается, затѣмъ, театра, то онъ получилъ въ Аѳинахъ свою архитектурную форму лишь въ IV вѣкѣ; до того времени народъ собирался, какъ кто могъ, иногда на деревянныхъ подмосткахъ, на склонѣ скалы Аѳины, вокругъ орхестры, на которой происходило дѣйствіе. Архитектурный театръ состоялъ изъ двухъ сооруженій,—театра въ тѣсномъ смыслѣ и сцены. Театръ въ тѣсномъ смыслѣ, — это были возвышающіяся другъ надъ другомъ полукруглыя ступени, окружающія—теперь уже тоже полукруглую—орхестру. Сцена состояла изъ узкаго прямоугольника, за которымъ возвышался фасадъ дворца съ тремя дверьми. На ступеняхъ собирался народъ; передъ фасадомъ на прямоугольникѣ происходило дѣйствіе; орхестра служила для той хореи, которую обычай все еще не дозволялъ отдѣлять отъ драмы.

Б. **Скульптура.** Одновременно съ архитектурой расцвѣла и скульптура и отчасти по тѣмъ же причинамъ. Крупныя архитектурныя предпріятія всегда ставили заманчивыя задачи также и скульптурѣ. Съ величавостью и красотою храма надлежало соразмѣрить и кумиръ обитающаго въ немъ божества. Сверхъ того, оба

фронтона представляли богатое поле для статуарной, фризы—для рельефной скульптуры, а пролеты между колоннами, ступени, да и вся окрестность храма напрашивались подъ украшенія посвятительными статуями и рельефами, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ годомъ. Залогомъ расцвѣта ваянья и достиженія имъ той ступени, которую мы называемъ классической, было отчасти суженіе темъ: отказались отъ неразрѣшимыхъ, или пока неразрѣшимыхъ задачъ (статуарная скульптура — отъ выраженья аффекта, которое при недостаткѣ средствъ выходило условнымъ и вычурнымъ, рельефная—отъ многофигурности и ландшафтнаго фона); среди многихъ возможныхъ формъ человѣческаго лица остановились на одной—знаменитомъ «греческомъ профилѣ»—въ силу чего всѣ греческія статуи классической эпохи представляются намъ какъ бы изображающими членовъ одной и той же семьи. «Простота и тихое величіе» (Винкельманъ) стали лозунгомъ, если не всего греческаго художества, то во всякомъ случаѣ его классическаго періода.

Въ V вѣкѣ развитіе скульптуры сосредоточивается на трехъ великихъ именахъ — аѳинянъ Фидія и Мирона и аргивянина Поликлета. Изъ нихъ Фидій былъ представителемъ идеалистическаго, Миронъ — реалистическаго направленія, Поликлетъ же совмѣщалъ въ себѣ оба.

Фидію принадлежали прежде всего гигантскіе кумиры Зевса въ Олимпіи и Аѳины въ Парѳенонѣ, Поликлету—кумиръ Геры въ ея аргосскомъ храмѣ; всѣ три были сооружены изъ возможно драгоцѣннаго матеріала — слоновой кости и золота. Мы судимъ о нихъ по весьма несовершеннымъ и отчасти гадательнымъ копіямъ; все же и онѣ, въ связи съ извѣстіями писателей, даютъ намъ возможность установить, что названные художники въ этихъ своихъ твореніяхъ опредѣлили навсегда типы этихъ преимущественно строгихъ и величавыхъ божествъ: дальше въ изображеніи этого рода красоты итти было некуда — идеалъ былъ достигнутъ. Въ томъ же духѣ, хотя и несравненно болѣе свободными, были прочія украшенія Парѳенона, возникшія, если не подъ рѣзцомъ самого Фидія, то подъ его наблюденіемъ: обѣ живыя фронтонныя группы—рожденіе Аѳины и ея споръ съ Посидономъ изъза Аттики— затѣмъ попарныя рельефныя группы метопъ (поединки боговъ съ гигантами и грековъ съ кентаврами и амазонками) и въ особенности непрерывный фризъ целлы, изображающій отдѣльные моменты и группы панаѳинейскаго шествія подъ наблюденіемъ чествуемыхъ боговъ.

Темы для реалистической скульптуры давала особенно агонистика, преимущественно мужская. Никогда еще ни до ни послѣ изобразительныя искусства не были поставлены въ столь благопріятныя условія: борьба и бѣгъ юношей, бѣгъ и пляска дѣвушекъ доставляли художникамъ самымъ непринужденнымъ образомъ цѣлый рядъ благодарныхъ мотивовъ для изученія человѣческаго тѣла и въ его движеніи и въ моменты покоя, а часто повторяющіеся заказы аниконическихъ статуй побѣдителей и побѣдительницъ для посвященія богамъ давали имъ возможность увѣковѣчить въ мраморѣ и бронзѣ то, что они видѣли въ дѣйствительности. Такъ возникли «Дискоболъ» и «Бѣгунъ» Мирона, «Дорифоръ», «Діадуменъ» и «Амазонка» Поликлета, и близкіе имъ по происхожденію «Мальчикъ съ занозой» и ватиканская «Бѣгунья»,—чтобы назвать только наиболѣе знаменитыя произведенія. Изъ нихъ Дорифоръ Поликлета получилъ на цѣлое столѣтіе значеніе «канона»; соблюденныя въ немъ пропорціи человѣческаго тѣла,—по-нашему, нѣсколько тяжелыя,—стали почти обязательными для послѣдователей, пока Лисиппъ не установилъ новаго, болѣе легкаго канона.

Въ IV вѣкѣ скульптура сосредоточивается на четырехъ крупныхъ именахъ: въ началѣ Кефисодота, затѣмъ обоихъ Діоскуровъ Праксителя и Скопада и, наконецъ, только что названнаго Лисиппа. Условія, въ которыхъ они работали, уже не были столь благопріятными: обѣднѣвшая родина въ рѣдкихъ случаяхъ могла поощрять заказами ихъ таланты, имъ приходилось большею частью искать примѣненія внѣ Эллады при пышныхъ дворахъ эллинизованныхъ династовъ.

О Кефисодотѣ мы судимъ, главнымъ образомъ, по его «Иринѣ» (богинѣ мира), извѣстной намъ по прекрасной копіи. Она образуетъ переходъ отъ строгости Фидія и Поликлета къ мягкости и ласковости второй аттической школы. Отчасти этотъ переходъ достигнутъ внѣшнимъ средствомъ — наклономъ головы богини, придающимъ всей ея фигурѣ выраженіе участливости.— Эта вторая аттическая школа представлена, главнымъ образомъ, именами Праксителя и Скопада, изъ коихъ первый былъ мастеромъ этоса (спокойнаго аффекта), второй — мастеромъ паѳоса (аффекта возбужденнаго). Первый былъ продолжателемъ Фидія: какъ тотъ установилъ идеальные типы строгихъ божествъ, такъ на долю Праксителя выпало дать юнымъ, мягкимъ и ласковымъ божествамъ тотъ образъ, подъ которымъ мы ихъ пред-

ставляемъ себѣ нынѣ — Афродитѣ, Эроту, Діонису, Гермесу. Въ оригиналѣ намъ сохраненъ только послѣдній — знаменитый Гермесъ Олимпійскій, но и о другихъ мы имѣемъ, благодаря древнимъ копіямъ, достаточно полное представленіе. И подобно тому, какъ Пракситель достигъ своей цѣли, видоизмѣняя строгіе лики Фидія до мягкости «Праксителевскаго овала», такъ точно и Скопасъ сумѣлъ придать своимъ фигурамъ выраженіе патетичности отчасти внѣшнимъ пріемомъ, углубляя впадины глазъ и усиливая этимъ ихъ тѣнь. Особенно славилась въ древности его страстно возбужденная Вакханка; ему же, повидимому, принадлежитъ патетическая группа умирающихъ Ніобидовъ съ ея незабвенной центральной фигурой, молящей о пощадѣ единственной, младшей дочери Ніобеи.

Лисиппъ, признанный портретистъ Александра Великаго, стоитъ уже на рубежѣ слѣдующаго, эллинистическаго періода, которому онъ далъ вышеупомянутый легкій канонъ въ лицѣ своего «Анаксіомена». Въ сакральной скульптурѣ онъ прославился въ особенности статуей Посидона Истмійскаго, въ которой онъ очень удачно выразилъ страстность морской стихіи въ противоположность къ спокойному величію Зевса.

Говоря о скульптурѣ IV в., нельзя умолчать о тѣхъ ея безымянныхъ памятникахъ, которые, возникши подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ названныхъ мастеровъ, производятъ на насъ едва ли не самое глубокое и захватывающее впечатлѣніе. Это надгробные памятники. Покойные здѣсь изображены въ идеализованномъ видѣ; они представлены, большей частью, въ своей семьѣ; совершившаяся разлука разлила надъ участвующими выраженіе тихой грусти, незабвенное для каждаго, кто хоть разъ ихъ видѣлъ.

C. Живопись этого періода изучается нами опять таки исключительно по росписнымъ вазамъ, а онѣ могутъ намъ дать представленіе, конечно, только о развитіи рисунка и композиціи, но не того, что въ живописи важнѣе всего — колорита. Вазопись аттическаго періода принадлежитъ всецѣло краснофигурному стилю; великое множество памятниковъ даетъ намъ возможность прослѣдить ея эволюцію полностью отъ строгаго стиля (около 500 г.) къ прекрасному и далѣе къ пышному, который представляется намъ уже стилемъ упадка. И здѣсь расцвѣтъ обусловливается отказомъ отъ неудоборазрѣшимыхъ задачъ — многофигурности и смѣлыхъ ракурсовъ. Вначалѣ техника росписи

представляетъ еще нѣкоторыя условности—гл. обр., изображеніе глаза en face при лицѣ въ профиль и симметричное расположеніе складокъ; онѣ характеризуютъ строгій стиль. Но въ то же время угловатости чернофигурной техники уже сглаживаются и рисунокъ достигаетъ поразительной тонкости и благородства. Въ слѣдующемъ, прекрасномъ стилѣ и тѣ послѣднія условности исчезаютъ, наступаетъ царство той невыразимой гармоничности, которая характерна для классическаго искусства. Пышный стиль характеризуется возвращеньемъ къ многофигурности; ей сопутствуетъ богатство обстановки и, съ другой стороны — нѣкоторая неряшливость рисунка, свидѣтельствующая о поспѣшности работы.

Всѣ эти черты въ связи со многими другими, о которыхъ знаютъ спеціалисты, не даютъ намъ представленья о развитіи высокой живописи за нашъ періодъ, который для нея былъ такимъ же классическимъ, какъ и для другихъ искусствъ. Мы знаемъ о ней изъ извѣстій античныхъ писателей, которые еще видѣли всю эту навѣки исчезнувшую красоту. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что терминъ «аттическій періодъ» менѣе всего примѣнимъ къ современной ему живописи: всѣ великіе художники, которыхъ мы къ нему пріурочиваемъ, были по происхожденію не аѳинянами, и хотя и работали, между прочимъ, также и въ Аѳинахъ, но не ограничивали своей дѣятельности этимъ городомъ.

Первымъ изъ нихъ былъ Полигнотъ ѳасосскій, другъ Кимона, прославившійся своими работами гл. обр. въ аѳинской «пестрой стоѣ» (битвы аѳинянъ съ амазонками, троянами и персами) и въ бесѣдкѣ книдосцевъ въ Дельфахъ (взятіе Трои и преисподняя). Своей любовью къ многофигурности, равно какъ и наивностью своего колорита—въ его распоряженіи были только четыре краски (бѣлая, черная, желтая и красная), которыя онъ безъ тѣней и полутоновъ наводилъ для изображенія драпировки на готовые уже контуры нагихъ фигуръ—онъ былъ скорѣе завершителемь прежняго періода, чѣмъ зачинателемъ новаго; но его зрителямъ нравилась безхитростная строгость его рисунка и имъ казалось, что они читаютъ весь трагизмъ троянской войны въ заплаканныхъ глазахъ его Поликсены.

Какъ явствуетъ изъ сказаннаго, живопись была наименѣе сакральнымъ изъ всѣхъ искусствъ. Въ храмѣ она не находила себѣ мѣста; ея первое крупное творенье — фрески на стѣнахъ

чисто-свѣтской стои. Ея дальнѣйшему развитію способствовало открытіе новой техники—такъ называемой «темперы», при которой наносимыя на доску краски приготовляются на яичномъ желткѣ. Ея изобрѣтателемъ былъ современникъ Перикла Аполлодоръ. Важность этого изобрѣтенія не замедлила сказаться: Аполлодоръ первый ввелъ въ свои картины воздушную перспективу, т.-е. искусство выражать оттѣнками тоновъ сравнительную отдаленность предметовъ. Это открытіе было встрѣчено непріязненно его современниками, которые въ насмѣшку прозвали его «тѣнеписцемъ», но онъ стоялъ на своемъ, утверждая, что онъ «пробилъ дверь» для многихъ.

Расцвѣтъ живописи, предтечей котораго былъ Аполлодоръ, наступилъ въ эпоху пелопоннесской войны въ лицѣ тріумвирата, членами котораго были Зевксидъ, Паррасій и Тиманѳъ. Несвязанные религіозной традиціей, художники ставили себѣ самыя вольныя и отчасти причудливыя темы, стремясь съ одной стороны къ возможному иллюзіонизму (виноградная гроздь Зевксида и занавѣсъ Паррасія), съ другой—къ возможной выразительности (жертвоприношеніе Ифигеніи Тиманѳа); и если принять на вѣру свидѣтельство древнихъ, то они въ обоихъ направленьяхъ достигли идеала.

Четвертый вѣкъ ознаменовался опять таки техническимъ усовершенствованіемъ—открытіемъ такъ называемой энкавстической живописи, т.-е. приготовленія красокъ на воскѣ, при чемъ онѣ лопаточкой наводились на доску и благодаря нагрѣванію впитывались въ фонъ. Намъ говорятъ, что благодаря этой техникѣ, секретъ которой потерянъ, достигалась гораздо большая яркость колорита, чѣмъ при старой темперѣ. Ея мастеромъ былъ Павсій и руководимая имъ сикіонская школа. Ей и принадлежитъ IV вѣкъ вплоть до появленія того мастера, въ которомъ античная живопись вообще достигла своего наивысшаго совершенства. Но онъ—Апеллесъ—принадлежитъ уже слѣдующему періоду.

§ 13. **Мусическія искусства.** Въ нашу эпоху тріединая хорея достигаетъ предѣльной точки своего развитія въ аттической драмѣ. Рядомъ съ ней блѣднѣетъ то, что мы могли бы сказать о самобытной роли какъ музыки, такъ и орхестики; развѣ только про первую изъ нихъ можно бы замѣтить, что она переживаетъ эволюцію, аналогичную съ современною намъ, въ смыслѣ осложненія

средствъ выраженія и освобожденія отъ старинныхъ композиціонныхъ формъ (реформы Фриниса и Тимоѳея)—въ чемъ ревнители строгой музыки видѣли, какъ и нынѣ, симптомъ упадка.—Блѣднѣютъ также и прочіе роды поэзіи, кромѣ драмы. Героическій эпосъ умолкъ съ тѣхъ поръ какъ перевелись аэды, рапсоды же на «рапсодическихъ» состязаніяхъ стали ограничиваться однимъ Гомеромъ. Дидактическій эпосъ далъ еще своихъ послѣдышей въ лицѣ обоихъ первыхъ элеатовъ, Ксенофана и Парменида, а также и Эмпедокла (выше стр. 168 сл.); но это было еще въ началѣ V в., а затѣмъ онъ растворился въ научной прозѣ. Элегія, хорическая лирика, мелика, ямбъ имѣютъ еще своихъ представителей, но все это были поэты второстепенные: творческіе таланты ищутъ себѣ примѣненія въ новооткрытой области драмы—и притомъ не въ одной только Аттикѣ: свѣтъ аѳинскихъ Діонисій привлекаетъ и зарубежныхъ поэтовъ, хіосецъ Іонъ и эретріецъ Ахей увеличиваютъ собой число драматурговъ нашей эпохи. Но тонъ задается Аѳинами; поэзія аттическаго періода — почти исключительно аттическая поэзія. Значитъ ли это, что другія государства не производили первостепенныхъ поэтовъ? Или что они, затемненные аѳинскими, въ своихъ произведеніяхъ не дожили до слѣдующей эпохи? Мы на этотъ вопросъ отвѣта дать не можемъ.

Драматическія состязанія происходили два раза въ году; каждый разъ допускалось къ агону по двѣнадцати трагедій (включая «сатирическую драму») и отъ трехъ до пяти комедій. А такъ какъ повтореніе старой драмы разрѣшалось только въ видѣ почетнаго исключенія, то можно себѣ представить, какая огромная драматическая литература была создана въ теченіи обоихъ столѣтій аттическаго періода; она несомнѣнно превзошла своимъ объемомъ всю поэзію предыдущаго времени. Далеко не вся она сохранилась къ слѣдующей эпохѣ, эпохѣ александрійскихъ собирателей и издателей; намъ же отъ нея осталось—не считая отрывковъ—только 33 трагедіи и 11 комедій.

Изъ трагическихъ поэтовъ Фринихъ (выше стр. 113) писалъ еще по-іонійски, но это было послѣднею данью аттической музы своей старшей сестрѣ; со времени его преемника аттическій языкъ царствуетъ на аттической сценѣ. Этимъ преемникомъ былъ Эсхилъ элевсинскій, законодатель аттической трагедіи (525—456). Возникшій до него споръ изъ-за первенства между серьезной трагедіей и веселой сатирической драмой (выше стр. 113) онъ рѣ-

шилъ въ томъ смыслѣ, чтобы каждый поэтъ ставилъ по три трагедіи и, въ видѣ заключенія, по одной сатирической драмѣ. Эти трагедіи въ началѣ и у него были лирико-эпическими кантатами, безъ драматической фабулы и безъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ; но, ставя каждый разъ по три такихъ кантаты, онъ получилъ возможность изображать въ нихъ три послѣдующихъ момента одной и той же фабулы («трилогическій принципъ»).—Такова трилогія «Данаида»; въ ея первой трагедіи, «Просительницахъ» (сохранена) представленъ пріемъ аргосцами бѣжавшихъ отъ своихъ двоюродныхъ братьевъ Данаидъ; во второй, «Строителяхъ теремовъ» (не сохран.)—послѣ осады Аргоса этими братьями и революціи въ немъ, доставившей власть Данаю—насильственная свадьба Данаидъ, послѣ которой Данай приказалъ имъ въ брачную ночь умертвить своихъ мужей; наконецъ въ третьей, «Данаидахъ» (не сохран.)—судъ Даная надъ единственной изъ Данаидъ, не исполнившей этого приказа. Какъ видно отсюда главныя дѣйствія предполагаются происшедшими въ промежуткахъ между трагедіями, въ самихъ же трагедіяхъ изображены лишь отдѣльные моменты — пріемъ, свадьба, судъ. Дальнѣйшее развитіе трилогіи заключается въ томъ, что дѣйствіе чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе изъ этихъ промежутковъ переносится въ самыя трагедіи. Такъ въ послѣдней трилогіи Эсхила, «Орестеѣ» (сохранилась вся) мы имѣемъ уже обратное отношеніе: въ первой трагедіи, «Агамемнонѣ», изображено возвращеніе героя изъ-подъ Трои и его убійство его женой Клитемнестрой, во второй, «Хоэфорахъ» (т.-е. «Приносительницахъ возліяній» на могилу убитаго царя) месть за него его подросшаго сына Ореста и погоня за матереубійцей разгнѣванныхъ Эриній, въ третьей—«Евменидахъ»—блужданія Ореста въ Дельфы и Аѳины и его оправданіе судомъ Ареопага. Все дѣйствіе сосредоточено въ самыхъ трагедіяхъ, ни одно сколько нибудь важное событіе не предполагается происходящимъ въ промежутки. Параллельно съ развитіемъ дѣйствій развивается и характеристика; въ «Орестеѣ» поэтъ въ ней достигъ уже замѣчательнаго совершенства, но только въ одной области: всѣ его характеры суровы, и въ своей добродѣтели, какъ Орестъ, и въ своей преступности, какъ Клитемнестра. Вообще Эсхилъ прежде всего—величавый поэтъ; эта величавость отразилась и на композиціи его трагедій съ ихъ дивными хорическими пѣснями, глубокомысленными по содержанію и чарующими по формѣ, и на построеніи діалога съ его обиліемъ длинныхъ рѣчей, и на самомъ языкѣ—могучемъ, образномъ

и смѣломъ въ подборѣ и сложеніи словъ. Располагая только двумя актерами—при чемъ второго онъ ввелъ самъ—Эсхилъ былъ лишенъ возможности выводить одновременно болѣе двухъ дѣйствующихъ лицъ. Зато выдающейся была роль корифея (т.-е. предводителя хора); обыкновенно появляющіяся дѣйствующія лица вступаютъ въ разговоръ съ нимъ.

Что касается содержанія драмъ Эсхила, то онъ вначалѣ, пока его трагедія была лишь кантатой, допускалъ, подобно Фриниху (выше стр. 113), и историческія темы; къ счастью, намъ сохранились его «Персы», имѣющіе содержаніемъ саламинскую побѣду 480 г.—поразительный образецъ эллинской гуманности, если вспомнить, что эта трагедія имѣетъ цѣлью возбудить сострадание къ разбитому обидчику-врагу, что она была поставлена въ 472 г. въ виду разрушенныхъ персами святынь Акрополя, и что она была увѣнчана первой наградой. Но позднѣе, по мѣрѣ драматизаціи трагедіи, Эсхилъ сосредоточился на миѳологическихъ темахъ—и его преемники послѣдовали его примѣру. Аѳинская трагедія V и IV вв. стала новымъ — четвертымъ — поэтическимъ претвореніемъ греческой героической саги.

Первымъ по времени изъ крупныхъ преемниковъ Эсхила былъ Софоклъ (496—406), уроженецъ аѳинскаго предмѣстья Колона. Измѣняя трилогическому принципу своего предшественника и учителя, онъ обособилъ отдѣльныя трагедіи своихъ трилогій, давая каждой самостоятельную завязку и развязку; онъ же расширилъ скàлу характеристикъ, прибавивъ къ унаслѣдованнымъ отъ Эсхила суровымъ характерамъ и нѣжные и мягкіе въ различныхъ оттѣнкахъ. Добившись введенія третьяго актера, онъ получилъ возможность обогатить и осложнить діалогъ; правда, онъ воспользовался этой возможностью очень сдержанно, сведя діалогъ трехъ лицъ къ послѣдовательнымъ діалогамъ двухъ изъ нихъ, такъ чтобы непосредственно послѣ бесѣды A+B слѣдовали бесѣды A+C или B+C; такая сдержанность (въ отличіе отъ оживленности комедіи) считалась приличествующей трагической торжественности и была сохранена и преемникомъ Софокла Еврипидомъ. Со всѣмъ тѣмъ мы должны признать, что въ лицѣ Софокла трагедія какъ драма достигла своего апогея; средствами, которыя намъ кажутся очень простыми, при небольшомъ числѣ дѣйствующихъ лицъ и сравнительно незначительномъ объемѣ трагедій, онъ достигаетъ потрясающаго дѣйствія: героическая борьба съ рокомъ Эдипа («Царь Эдипъ»), самоотверженный подвигъ Антигоны, демоническая жажда мести Электры

и Ореста—все это незабвенныя темы, навсегда обогатившія сокровищницу всемірной поэзіи. Самъ поэтъ былъ настоящимъ воплощеніемъ лучшихъ сторонъ эллинства: прекрасный собой, сильный, здоровый, замѣчательно разносторонній въ своихъ дарованіяхъ и обаятельный въ обращеніи, онъ во всеоружіи своихъ духовныхъ силъ дожилъ до 90-лѣтняго возраста, написалъ около 120 драмъ и имѣлъ счастье умереть наканунѣ разгрома своего отечества.

Онъ пережилъ даже, хотя лишь на нѣсколько мѣсяцевъ, своего младшаго современника Еврипида, родившагося въ самый годъ той саламинской битвы, въ которой сражался Эсхилъ и послѣ которой Софоклъ, какъ прекраснѣйшій изъ эфебовъ, былъ удостоенъ чести исполнить благодарственный пэанъ. Тотъ еще въ молодые годы и съ полнымъ участіемъ пережилъ то софистическое движеніе, которому не удалось поколебать уже установившагося міросозерцанія Софокла; его трагедіи—живой отголосокъ этого движенія, къ скалѣ цѣльныхъ характеровъ, завершенной его предшественникомъ, онъ прибавилъ характеры надломленные, нерѣшительные, томящіеся подъ гнетомъ неразрѣшимыхъ проблемъ и собственной богоотчужденности. Онъ любилъ изображать нравственность въ борьбѣ со страстью—особенно съ грѣховной любовью; его современники были поражены преступными и все-таки не порочными образами его Федры, влюбленной въ своего пасынка («Ипполитъ»), Макарея, влюбленнаго въ родную сестру («Эолъ», не сохран.). Они такъ убѣдительно отстаивали свою невиновность («софистика страсти»); рука не поднималась на нихъ — а между тѣмъ нравственность требовала ихъ осужденія. Особенно любилъ онъ изображать натискъ страсти на женскую душу, будь то любовь, какъ у Федры, или ревность, какъ у Медеи. Современники за это называли его женоненавистникомъ, но напрасно: онъ же далъ намъ трогательные образы самоотверженной жены (Алкеста, Евадна), сестры (Макарія въ «Гераклидахъ»), дочери (Ифигенія Авлидская). Вообще современники къ нему относились недоброжелательно; зато у потомковъ онъ прослылъ «самымъ трагическимъ» изъ трагическихъ поэтовъ, и именно этой своей популярности онъ обязанъ тѣмъ, что отъ него намъ сохранилось не семь трагедій, какъ отъ Эсхила и Софокла, а цѣлыхъ 18, включая сатирическую драму «Киклопъ». На насъ онѣ производятъ неравномѣрное впечатлѣніе, даже если учесть такія условности, какъ обращенный къ публикѣ прологъ и пресловутаго deus ex machina (т.-е. внезапное появленіе въ выси

божества, дающаго неожиданную и подчасъ насильственную развязку дѣйствія). Но, оставляя въ сторонѣ все, что намъ можетъ не понравиться—созданныхъ имъ положительныхъ образовъ достаточно, чтобы также и ему обезпечить безсмертіе.

Таковъ былъ V вѣкъ въ развитіи аттической трагедіи. О IV вѣкѣ мы ничего сказать не можемъ; поэтовъ было много, и нѣкоторыми изъ нихъ очень увлекались, но ни драмъ ни наглядныхъ извѣстій о нихъ нѣтъ. Быть можетъ, въ этомъ заключается крупная несправедливость по отношенію къ нимъ; мы ее исправить не въ силахъ, для насъ съ годомъ разгрома Аѳинъ пелопоннесцами кончается и творческая эпоха аттической трагедіи.

Нѣсколько иначе отразился этотъ роковой годъ на другой крупной отрасли аѳинской драмы, на к о м е д і и. Возникла она изъ двухъ корней—обличительныхъ пѣсенъ ряженыхъ противъ своихъ обидчиковъ (это и есть kômôdia въ первоначальномъ смыслѣ, какъ пѣснь kômos'a, т.-е. подгулявшей компаніи) и бытовой сценки, которая, однако, кромѣ человѣческаго быта могла задѣть и божій, забавно пародируя соотвѣтственные миѳы. Эта бытовая сценка въ своемъ самобытномъ видѣ встрѣчается во многихъ мѣстахъ—въ Сиракузахъ она даже имѣла очень крупнаго поэта, современника Эсхила Э п и х а р м а, и подъ именемъ «мима» продолжала существовать во всѣ эпохи античности; но въ Аѳинахъ она соединилась съ упомянутой обличительной пѣснью и стала тѣмъ, чѣмъ ее знаетъ V в.—п о л и т и ч е с к о й к о м е д і е й. Ея главными представителями были: Кратинъ, современникъ и врагъ Перикла, и Евполидъ съ А р и с т о ф а н о м ъ, современники пелопоннесской войны. Намъ только отъ послѣдняго сохранены комедіи, числомъ 11, и это наслѣдіе — едва ли не самый оригинальный даръ всей античной литературы. Никогда впослѣдствіи свобода обличительнаго слова не была столь полной; поражаешься силой аѳинской государственности, что она могла сносить въ теченіи цѣлыхъ двухъ поколѣній на всенародной сценѣ такую безпощадную критику. Аристофанъ—чтобы ограничиться имъ—забрасываетъ своими насмѣшками и могущественныхъ демагоговъ, въ родѣ Клеона, Гипербола, Клеофонта, и представителей несимпатичныхъ ему духовныхъ теченій—Еврипида, Агаѳона, софистовъ... съ болью въ сердцѣ находимъ мы среди послѣднихъ и Сократа, но самъ Сократъ добродушно смѣялся надъ карикатурой своей личности въ комедіи своего остроумнаго противника, и Платонъ представилъ обоихъ въ пріятельской бесѣдѣ другъ съ другомъ и съ

Агаѳономъ въ своемъ «Пирѣ». Это потому, что въ политической комедіи ядъ насмѣшки былъ обезвреженъ всеобщимъ діонисическимъ настроеніемъ; злопамятствовать не полагалось «высмѣянному въ унаслѣдованныхъ отъ отцовъ торжествахъ Діониса».

Но ударъ, ниспровергшій гегемонію Аѳинъ, сломилъ также ихъ выносливость въ области политической насмѣшки; въ IV в. комедія присмирѣла. Лишившись своего обличительнаго задора, она занялась разработкой въ болѣе или менѣе шаржированномъ видѣ тогдашняго быта преимущественно золотой молодежи Аѳинъ съ ея кутежами, мишурными страстями и мишурнымъ горемъ. Плодовитость поэтовъ при этой легкой работѣ стала еще большей: Антифанъ, Алексидъ и др. оставили по нѣскольку сотъ комедій каждый. Но въ качественномъ отношеніи эта «с р е д н е-а т т и ч е с к а я к о м е д і я», какъ мы ее называемъ, такъ же свидѣтельствуетъ объ отливѣ творческихъ силъ народа, какъ и вся прочая поэзія IV в. Ея историческое значеніе заключается въ томъ, что она подготовила новый расцвѣтъ комедіи — новоаттическую комедію М е н а н д р а—въ слѣдующемъ періодѣ.

Переходя, затѣмъ, къ области п р о з ы, мы должны и здѣсь отмѣтить постепенный переходъ отъ іонійскаго языка къ аттическому, обусловленный притягательной силой Аѳинъ также и для этой отрасли литературы.

И с т о р і о г р а ф і ю эллинскаго періода мы закончили Гекатеемъ; среди младшихъ логографовъ, жившихъ уже послѣ персидскихъ войнъ, особенно замѣчателенъ лезбосецъ Г е л л а н и к ъ (Hellanikos, не сохран.), открывшій новые методы исторіографіи; не довольствуясь генеалогіями, онъ использовалъ старинныя, монументальныя хронологическія записи (м. пр. аргосскихъ жрицъ Геры), а также составилъ, на основаніи мѣстныхъ преданій, первую исторію Аттики подъ эолійскимъ, позднѣе ставшимъ техническимъ, заглавіемъ «Атѳиды» (Atthis). А впрочемъ онъ, хотя и эолійецъ, писалъ на общелитературномъ іонійскомъ нарѣчіи, также какъ и его славный современникъ, уроженецъ дорическаго Галикарнасса, Г е р о д о т ъ, «отецъ исторіи», какъ его называетъ Цицеронъ. Свое крупное историческое повѣствованіе, раздѣленное позднѣе на 9 книгъ, онъ издалъ «для того, чтобы не изгладились изъ памяти потомства великія дѣла какъ эллиновъ, такъ и варваровъ, и въ особенности, какъ они воевали другъ съ другомъ». Ведетъ онъ его издалека, переходя отъ исторіи Лидіи къ исторіи царей персидскихъ и разсказывая, по поводу вселенскихъ походовъ этихъ по

слѣднихъ, исторію и бытъ тѣхъ народовъ, противъ которыхъ эти походы были направлены (такъ по поводу похода Дарія противъ скиѳовъ дано описаніе древней Скиѳіи, см. выше стр.. 135). Съ V кн. идетъ уже разсказъ о греко-персидской войнѣ (V кн.—іонійское возстаніе, VI—Мараѳонъ, VII—Ѳермопилы, VIII—Саламинъ, IX—Платея и Микала). Но онъ далеко не строго придерживается своей повѣствовательной нити, дозволяя себѣ ежеминутныя отступленія; и эта вольность придаетъ его разсказу неподражаемую прелесть. Историческая критика у него еще слаба: основывая свое повѣствованіе на устныхъ свѣдѣніяхъ, лично добытыхъ имъ на его долгихъ путешествіяхъ, онъ широкой струей вливаетъ легенду въ свою исторію; себя онъ выгораживаетъ добродушнымъ заявленіемъ, что онъ «считаетъ своимъ долгомъ все записать, что онъ слышалъ, но не считаетъ своимъ долгомъ всему вѣрить» (VII, 152). Божій перстъ въ исторіи онъ признаетъ и къ оракуламъ относится довѣрчиво, но настоящихъ чудесъ не допускаетъ, стараясь ихъ устранить раціоналистическимъ толкованіемъ.—Вторую половину своей жизни Геродотъ провелъ уже въ Аѳинахъ, какъ приближенный Перикла; здѣсь онъ имѣлъ счастье вдохновить своего великаго ученика, Ѳ у к и д и д а, перваго аѳинскаго историка. Ѳукидиду мы обязаны монументальнымъ сочиненіемъ о пелопоннесской войнѣ съ обстоятельнымъ введеніемъ, въ которомъ м. пр. вкратцѣ разсказывается исторія Греціи за «пятидесятилѣтіе» между Микалой и вторженіемъ пелопоннесцевъ; позднѣе это сочиненіе было раздѣлено на VIII книгъ (I введеніе; II—IV до мира Никія; V худой миръ; VI—VII сицилійская экспедиція; VIII декелейская война до 409 г., на которомъ изложеніе обрывается—вѣроятно, за смертью автора. Строгая историческая критика и безусловное стремленіе къ истинѣ отличаютъ это сочиненіе; въ лицѣ Ѳукидида исторіографія возмужала. Легенда устранена, исторія секуляризована. Желаніе быть объективнымъ не дозволяетъ автору самому разрѣшать вопросы о правотѣ той или другой стороны: онъ предоставляетъ имъ самимъ отстаивать свою правду въ обстоятельныхъ рѣчахъ, которыя онъ влагаетъ въ уста ихъ представителямъ—пріемъ, которому впослѣдствіи многіе подражали. Языкъ изложенія труденъ, но читатель не раскается въ усиліяхъ, потраченныхъ на его изученіе—до того богатъ мыслью пишущій имъ авторъ.

Продолжателемъ труда Ѳукидида былъ К с е н о ф о н т ъ, доведшій въ VII кн. своихъ Hellênika греческую исторію до смерти Эпаминонда въ 362 г.; ему же принадлежитъ и знаменитый Анабасисъ,

описаніе похода Кира Младшаго противъ Артаксеркса персидскаго и смѣлаго возвращенія его греческаго наемнаго войска подъ предводительствомъ Ксенофонта изъ долины Евфрата къ Эгейскому морю, и еще рядъ другихъ сочиненій. Необыкновенно разносторонній въ своихъ интересахъ—сельскій хозяинъ, охотникъ, наѣздникъ, финансистъ, полководецъ, и, въ довершеніе всего, писатель—онъ съ раннихъ лѣтъ сталъ ученикомъ Сократа, память о которомъ онъ увѣковѣчилъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», но сталъ имъ не ради философіи, а ради жизни. Какъ стилистъ, онъ стоитъ чрезвычайно высоко; впервые подъ его перомъ аттическая рѣчь пришла къ сознанію своей природной легкости и гибкости. Его сочиненія стали впослѣдствіи школой греческаго языка, вплоть до нашихъ дней; какъ историкъ онъ хранитъ завѣты Ѳукидида, но ему недостаетъ глубокомыслія и политической мудрости этого его образца.

Вторая отрасль прозы, философія, вначалѣ тоже пользуется іонійскимъ языкомъ; а внѣ Аѳинъ, въ сочиненіяхъ Демокрита и Гиппократа съ его школой, іонійскій языкъ сохранился до конца V в. и далѣе, также какъ въ сочиненіяхъ пиѳагорейцевъ—Филолая, Архита—дорическій. Но софисты, часто наѣзжавшіе въ Аѳины, уже переходятъ съ іонійскаго нарѣчія на аттическій, и всецѣло ему принадлежитъ аѳинянинъ Сократъ. Правда, отъ Сократа не осталось для потомства ни одной строчки прозы; и все-таки онъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ исторіи греческой литературы, такъ какъ его неподражаемыя по діалектической тонкости «сократическія» бесѣды послужили образцами для литературнаго діалога. Его художникомъ сталъ геніальнѣйшій ученикъ Сократа, Платонъ. Всего непринужденнѣе діалогическая форма въ тѣхъ его сочиненіяхъ, гдѣ какое-нибудь нравственное понятіе, въ родѣ благочестія («Евтифронъ»), мужества («Лахетъ») или скромности («Хармидъ»), является предметомъ всесторонняго обсужденія собесѣдниковъ; но насъ еще болѣе плѣняютъ его крупные діалоги, какъ «Федонъ» (о душѣ), «Пиръ» (о любви), «Горгій» (о нравственности) и въ особенности «Государство», въ которыхъ глубокомысленное содержаніе сочетается съ художественной формой и, кромѣ того, философскій діалогъ вставленъ въ красивую бытовую рамку, наглядно знакомящую насъ съ его участниками и прежде всего, конечно, съ Сократомъ. И тутъ незабвеннѣе всѣхъ «Федонъ», описывающій со словъ очевидца послѣдніе часы этого праведника, проведенные имъ среди его учениковъ въ тюрьмѣ. Болѣе спеціальный интересъ представляютъ

философско-конструктивные діалоги, въ родѣ «Θеэтета» (о знаніи), «Филеба» (объ удовольствіи), «Тимея» (о мірозданіи); здѣсь діалогическая форма чувствуется даже какъ нѣкоторое стѣсненіе самодовлѣющей мысли писателя. Литературные критики древности вѣрно уловили основную черту писательскаго таланта Платона, назвавъ ее «обиліемъ»; на читателей новой Европы (уже начиная съ Декарта) это обиліе подчасъ производитъ впечатлѣніе многословія, которое, однако, тотчасъ исчезаетъ, если припомнить, что Платонъ писалъ для еще не вышколенныхъ логикой читателей, которыхъ нужно было пріучать къ отвлеченному мышленію.

Эту логику создалъ, какъ уже было сказано, Аристотель. Его богатое литературное наслѣдіе, соотвѣтственно его двойной дѣятельности, эксотерической и эсотерической, состояло 1) изъ популярныхъ діалоговъ, въ которыхъ сказывался, по отзыву Цицерона, «золотой потокъ его краснорѣчія». Все же этотъ «перипатетическій» діалогъ существенно отличался отъ «сократическаго»: въ немъ оба противника, каждый въ связной рѣчи, доказывали свое положеніе, послѣ чего третье лицо развивало tên areskusan, т.-е. мнѣніе самого автора. Намъ діалоги Аристотеля не сохранены, а между тѣмъ именно они и относятся къ литературѣ какъ искусству. Не относятся къ ней 2) сохранившіеся многочисленные трактаты Аристотеля изъ разныхъ областей философіи, указанныхъ выше стр. 172, очень глубокіе и важные по содержанію, но сухіе и небрежные по формѣ. Многіе изъ нихъ имѣли своимъ основаніемъ 3) очень объемистые своды матерьяловъ, въ родѣ того огромнаго сочиненія о греческихъ «политіяхъ», изъ котораго намъ недавно возвращена египетскими песками драгоцѣнная книга «о государствѣ аѳинскомъ».

Третья отрасль художественной прозы, краснорѣчіе, возникаетъ и расцвѣтаетъ именно въ нашу эпоху. Древніе очень толково дѣлили всю область краснорѣчія на краснорѣчіе: 1) судебное, 2) политическое и 3) торжественное. Выше (стр. 152) было указано какъ создались въ Аѳинахъ условія для возникновенія судебнаго краснорѣчія: а разъ судебныя рѣчи записывались (къ чему естественно вела судебная логографія), то ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали и политическія, и торжественныя.

Исторія аттическаго краснорѣчія дѣлится на два періода. Вдохновителемъ перваго былъ софистъ Горгій, приведшій въ 427 г. въ восторгъ аѳинскую публику своими искусными «антитезами» и (часто риѳмованными) «исоколами». Впрочемъ, практиче-

ское краснорѣчіе лишь умѣренно могло воспользоваться этими прикрасами. Его чиноначальникомъ былъ суровый аристократъ Антифонтъ, поплатившійся жизнью въ 411 г. за участіе въ политическомъ переворотѣ. Его сохранившіяся рѣчи подкупаютъ своей трезвостью и дѣловитостью, но ихъ композиція еще очень неумѣла. За нимъ слѣдуютъ уже принадлежащіе IV вѣку Лисій и Исей, первый—мастеръ судебнаго разсказа и психологіи, второй—мастеръ судебныхъ доказательствъ. Счастливѣе былъ все-таки первый; сравнивая обоихъ, древніе говорили, что Лисій возбуждаетъ довѣріе даже тамъ, гдѣ онъ не правъ, Исей—недовѣріе даже тамъ, гдѣ онъ правъ.

Вдохновителемъ второго періода былъ Исократъ, великій учитель всей интеллигенціи IV вѣка. Самъ онъ издавалъ образцовыя рѣчи торжественнаго характера (м. пр. «панегирикъ», т.-е. рѣчь въ праздничномъ собраніи, заглавіе которой понынѣ осталось нарицательнымъ); въ нихъ онъ научилъ эллиновъ продуманной композиціи, плавной и звучной періодизаціи рѣчи и вообще создалъ стиль греческой прозы, отнынѣ обязательный для всѣхъ дорожащихъ литературной славой писателей. Самъ онъ безусловно жертвовалъ содержаніемъ формѣ, вслѣдствіе чего его рѣчи, довольно многочисленныя, болѣе поучительны, чѣмъ интересны. Но на вспаханной имъ нивѣ выросли три яркихъ таланта, озарившіе своимъ свѣтомъ сумерки аѳинской свободы въ эпоху Филиппа Македонскаго—Демосѳенъ, Эсхинъ и Гиперидъ. Рѣчи послѣдняго, постепенно воскресающія изъ египетскихъ могилъ, все же недостаточно отражаютъ его страстный, увлекающійся характеръ, странно сотканный изъ распутства (ср. исторію съ Фриной) и беззавѣтной преданности родинѣ. При чтеніи рѣчей Эсхина наслажденіе, доставляемое ихъ безспорными формальными красотами, отравляется сознаніемъ, что это—рѣчи предателя, подъ личиной законности служившаго врагу его отечества. А впрочемъ, полезно будетъ помнить, что онъ, вынужденный наконецъ покинуть Аѳины, переселился въ Родосъ, гдѣ сталъ учителемъ краснорѣчія, и что отъ него ведетъ начало тотъ родосскій стиль, послѣднимъ яркимъ представителемъ котораго былъ, тремя вѣками спустя, Цицеронъ. Самое чистое удовлетвореніе доставляетъ читающему Демосѳенъ, безстрашный защитникъ Аѳинъ и Греціи противъ захватовъ Филиппа, неукоснительно вѣрный своимъ идеаламъ до своей героической смерти въ 322 г. Особенно въ его «Филипповскихъ рѣчахъ», краткихъ, но

сильныхъ, чувствуется вѣяніе историческаго духа: не часто встрѣчается въ исторіи человѣчества, чтобы моментъ огромной міровой важности нашелъ себѣ отраженіе въ сочиненіяхъ перворазряднаго писателя, какъ здѣсь. Правда, читатель, избалованный эффектностью и прикрасами новѣйшаго краснорѣчія, будетъ разочарованъ: Демосѳенъ увлекаетъ содержаніемъ, мыслью, волей, въ формѣ же онъ трезвъ, сжатъ и подчасъ даже сухъ, и древніе, сравнивая его съ его старшимъ современникомъ, Платономъ, охотно сопоставляли «силу» одного съ «обиліемъ» другого. Они заботливо сохранили намъ его богатсе наслѣдіе, обнимающее, кромѣ политическихъ рѣчей, и много судебныхъ (среди нихъ особенно интересна пространная рѣчь «О вѣнкѣ», въ которой онъ, по поводу присужденія ему гражданскаго вѣнка, защищаетъ свою дѣятельность противъ нападеній Эсхина); благодаря этому, мы получаемъ рѣдкостно полное впечатлѣніе отъ этого великаго мужа, котораго мы и по его рѣчамъ представляемъ себѣ таковымъ, какимъ его изображаетъ дивная ватиканская статуя—грустно опускающимъ изрытое морщинами чело и сложенныя руки на могилу греческой свободы.

ГЛАВА IV.

Религія.

Въ нашу эпоху государственная греческая религія, какъ духовный показатель греческой polis, была уже вполнѣ созрѣвшимъ и сложившимся организмомъ—притомъ во всѣхъ трехъ своихъ частяхъ, и миѳологической, и обрядовой, и догматической. Въ нихъ мы ее и разсматриваемъ, имѣя и здѣсь въ виду преимущественно Аѳины.

§ 14. **Миѳологическая религія,** или система греческаго политеизма, возникла подъ дѣйствіемъ, цѣлаго ряда силъ, отчасти центробѣжныхъ, отчасти центростремительныхъ. Центробѣжной силой была расщепленность греческихъ племенъ, вслѣдствіе которой одно и то же религіозное чувство выливалось хотя и въ схожіе, но все же въ различно наименовываемые образы. Центростремительными были:

1) странствованія и соселенія этихъ племенъ, поведшія къ соединенію культовъ, при чемъ нерѣдко, если почитаемыя бо-

жества были различнаго пола, результатомъ соселенія было представленіе о бракѣ этихъ божествъ. Поучительный примѣръ— Лемносъ. Исконнымъ богомъ этого вулканическаго острова былъ естественно Гефестъ. Но вотъ на Лемносъ переселяются минійцы изъ Орхомена, почитавшіе Харитъ: супругой Гефеста дѣлается Харита (Иліада XVIII). Вторая волна выноситъ на тотъ же Лемносъ кадмейцевъ изъ Ѳивъ съ ихъ божественной четой, Аресомъ и Афродитой: Харита забывается, Гефестъ получаетъ супругой Афродиту, но при этомъ память объ ея отношеніяхъ къ Аресу не стирается, и пѣвцамъ предоставляется сочинять пѣснь «о любви Ареса и Афродиты», какъ непохвальный образецъ олимпійскаго прелюбодѣянія (Одисс. VIII). Такъ вслѣдствіе этихъ странствій и соселеній первоначально простыя племенныя религіи были перемѣшаны между собой; системы при этомъ, конечно, получиться не могло.

2) Второй центростремительной силой были только что упомянутые пѣвцы (аэды, выше стр. 104). Повсюду странствуя и довѣрчиво относясь ко всему услышанному, они разсказывали своимъ слушателямъ, что тотъ же Зевсъ, котораго Аргосъ зналъ какъ супруга строгой единобрачницы Геры, въ Элевсинѣ имѣетъ женой Деметру и отъ нея дочь Кору, въ Делосѣ—женой Латону и дѣтьми Аполлона съ Артемидой и т. д. Такъ-то получилось соблазнительное представленіе о многоженствѣ Зевса, вопреки духу исконныхъ религій единобрачной Эллады. Систематизировалъ всѣ эти миѳосплетенія Гесіодъ въ своей «Ѳеогоніи» (выше см. стр. 107); его книга стала очень вліятельной, но именно этимъ она укрѣпила соблазнъ.

3) Третьей центростремительной силой была роль дельфійскаго оракула—и притомъ сознательной и послѣдовательной въ своихъ дѣйствіяхъ. Все же вслѣдствіе присущей греку терпимости, и онъ не поставилъ себѣ цѣлью возвышеніе одной религіи (Аполлона, напр.) на счетъ другихъ, а удовольствовался болѣе ласковыми попытками внести порядокъ въ стихійный религіозный хаосъ. Таковой было выдѣленіе двѣнадцати старшихъ боговъ. Ихъ подборъ для эллинизованнаго Рима закрѣпилъ Энній въ своемъ двустишіи:

Juno, Vesta, Minerva, Ceres, Diana, Venus, Mars,
Mercurius, Jovis, Neptunus, Vulcanus, Apollo.

Въ Греціи мужская половина этого пантеона не вездѣ признается, и мѣсто одного изъ шатающихся членовъ—Ареса или Гефеста—чаще дается Діонису.

4) Наконецъ, четвертая и этотъ разъ рѣшительная центростремительная сила всецѣло принадлежитъ нашей эпохѣ; это были художники. Противъ нихъ спорить было немыслимо; Фидій, Поликлетъ, Праксителъ, Лисиппъ на всѣ времена закрѣпили для античнаго міра образы его боговъ.

Постараемся же разобраться въ этой олимпійской семьѣ. Въ силу дельфійской религіозной реформы—правда, въ противорѣчіи съ пережиточными представленіями, черпаемыми изъ болѣе древней поэзіи—это были божества всемогущія, всевѣдущія, всеблагія и притомъ многія. Дѣйствительно, главный доводъ Магомета противъ многобожія—что множественность всемогущихъ существъ повела бы къ анархіи—грека бы не убѣдилъ; какъ поклонникъ «благозаконія», онъ бы отвѣтилъ: «человѣкъ, чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ полнѣе соблюдаетъ законъ; божество, какъ самое совершенное существо, самымъ полнымъ образомъ его соблюдаетъ. Добровольное самоограниченіе не противорѣчитъ всемогуществу; именно добровольнымъ самоограниченіемъ и законопослушаніемъ своихъ членовъ небесная polis боговъ—образецъ человѣческой». Итакъ, добровольное самоограниченіе—вотъ «законъ» греческаго политеизма; въ чемъ же оно сказывается?

1) Отдѣльныя божества особо покровительствуютъ особымъ общинамъ: Аѳина—Аѳинамъ, Посидонъ—Коринѳу, Гера—Аргосу, но и Самосу, Асклепій—Эпидавру и т. д. Особенно красиво эта идея выражена въ записяхъ междуэллинскихъ договоровъ: въ заголовкѣ мраморной доски рельефное изображеніе Аѳины, подающей руку Герѣ—слѣдуетъ текстъ договора аѳинянъ съ самосцами.

2) Отдѣльныя божества особо покровительствуютъ особымъ сословіямъ и родамъ занятій: Аѳина (Эргана) ремесленникамъ, Посидонъ—пловцамъ, Гермесъ—торговцамъ и глашатаямъ, Деметра — земледѣльцамъ, Артемида — охотникамъ и т. д.

3) Отдѣльныя божества особо покровительствуютъ отдѣльнымъ моментамъ въ жизни однихъ и тѣхъ же людей: Аполлонъ—юношеству, Артемида—дѣвичеству, Афродита—любви, Гера—браку, Гермесъ—коммерческой сдѣлкѣ и т. д.

Причина этихъ пріуроченій намъ отчасти извѣстна, отчасти—нѣтъ; распространяться о ней здѣсь не мѣсто. Во всякомъ случаѣ ими въ значительной степени опредѣлялся характеръ греческой

религіозности съ ея біологическимъ евдемонизмомъ: аѳинскій крестьянинъ, продавшій мегарцу негодный товаръ, чувствовалъ надъ собой гнѣвъ и Аѳины, и Деметры, и Гермеса.

Но что было дѣлать съ соблазнами гомеровской миѳологіи? Гнѣвное слово рапсода Ксенофана (выше стр. 168):

Все, что позорнымъ слыветъ средь людей и хулу вызываетъ,
Все приписать олимпійцамъ Гомеръ съ Гесіодомъ дерзнули:
Красть, и прелюбы творить, и другъ друга обманывать гнусно,

требовало отпора со стороны тѣхъ, кто одинаково любилъ и Гомера, и религію, т.-е. со стороны защитниковъ (апологетовъ) Гомера. И вотъ, на почвѣ гомеровской апологетики возникаетъ аллегорическое толкованіе (уже начиная со Стесимброта ѳасосскаго въ 450 г.). Примѣръ. Гомеровскій Зевсъ не стѣсняется вразумлять побоями свою божественную супругу Геру; актъ, немыслимый въ отношеніяхъ Гектора къ Андромахѣ, Одиссея къ Пенелопѣ и т. д., подавно немыслимъ въ олимпійской семьѣ; «Гомеръ кощунствуетъ, если онъ не аллегоризируетъ». Въ чемъ же дѣло? Зевсъ здѣсь—богъ неба; Гера, какъ доказываетъ (ошибочная) этимологія—воздухъ: греч. НРА—АНР. Итакъ, небо бичуетъ (своими молніями) воздушное пространство; соблазнъ устраняется физической аллегоріей.—Другой примѣръ. Можно ли вѣрить, что богиня Цирцея превратила товарищей Одиссея въ свиней? Нѣтъ, конечно; но мы сами видимъ, какъ чувственность превращаетъ человѣка въ грязное животное. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ этической аллегоріей. Эти два метода аллегорическаго толкованія были очень богаты будущностью — ими пользовались впослѣдствіи и іудейскіе (Филонъ) и христіанскіе богословы (Оригенъ и др.). Но ихъ значенія для нашей эпохи не слѣдуетъ преувеличивать: они существовали лишь для «умниковъ», простой вѣрующій оставлялъ соблазнъ въ сторонѣ и черпалъ откровеніе божества въ красотѣ миѳовъ, которые такъ увлекательно разсказывалъ его любимецъ Гомеръ.

§ 15. **Обрядовая религія.** Въ соблюденіи ея предписаній и заключалась религіозная жизнь нашей эпохи; а такъ какъ это соблюденіе было узаконено, то одно и то же слово—nomos—означало и законъ, и вѣру. Обрядъ же ничьей совѣсти не стѣснялъ: самый крайній вольнодумецъ могъ въ Діонисіи смотрѣть трагедію Софокла или посылать свою дочь кошеносицей на праздникъ

дѣвственной богини. Вотъ причина глубокаго религіознаго мира античныхъ временъ.

И еще заключалась она въ томъ, что обрядность греческой религіи, сосредоточенная въ греческихъ праздникахъ, подобно миѳологіи и религіозному искусству, была откровеніемъ божества въ красотѣ. Прослѣдимъ это на праздникахъ города Аѳинъ.

Примѣчаніе. Сначала нѣсколько словъ о греческомъ календарѣ. Греческій годъ былъ луннымъ, т.-е. въ его основѣ лежитъ мѣсяцъ въ 29—30 дней, соотвѣтствующій обороту луны вокругъ земли; каждое первое число приходилось въ новолуніе (numênia), каждое 15 въ полнолуніе (panselênos). Черезъ 12 такихъ мѣсяцевъ (всего въ 355 дней) солнце приблизительно возвращалось къ тому же знаку зодіака; но именно только приблизительно—до полнаго оборота солнца недоставало 10 дней; вотъ почему при лунномъ годѣ приходилось черезъ два года въ третій вставлять високосный мѣсяцъ. Это дѣлалось послѣ зимняго солнцеворота; самый же годъ начинался послѣ лѣтняго. Имена мѣсяцевъ въ аѳинскомъ календарѣ (у каждой общины былъ свой) были слѣдующія; гекатомбеонъ (іюль); метагитніонъ (августъ); боэдроміонъ (сентябрь); піанопсіонъ (октябрь); мемактеріонъ (ноябрь); посидеонъ (декабрь); гамеліонъ (январь, въ високосные годы удваивался); анѳестеріонъ (февраль); элафеболіонъ (мартъ); мунихіонъ (апрѣль); ѳаргеліонъ (май); скирофоріонъ (іюнь).

I. Гекатомбеонъ (іюль) начинался съ торжественной гекатомбы (т.-е. принесенія въ жертву ста головъ скота) въ честь Аполлона, которая и дала мѣсяцу имя. Изъ его праздниковъ главными были 12 ч. Кроніи, на которыхъ господа угощали своихъ рабовъ въ память о Кроносѣ и «золотомъ вѣкѣ», не знавшемъ рабства (выше стр. 140); за тѣмъ 16 ч. Синэкіи въ память о Ѳесеѣ и аѳинскомъ синэкизмѣ (выше стр. 86) съ подобающимъ жертвоприношеніемъ Иринѣ; но особенно 16—29 ч. Панаѳинеи, національный праздникъ Аѳинъ. Первые дни этого многодневнаго торжества были наполнены всевозможными состязаніями — и мусическими (особенно рапсодическими), и гимнастическими, и конными. Главнымъ днемъ былъ 28; его канунъ, когда луны уже не было, праздновался эффектнымъ факельнымъ бѣгомъ по эстафетамъ съ призомъ для побѣдительницы-филы; затѣмъ шла веселая «паннихида», т.-е. ночные хороводы дѣвушекъ, а съ зарей слѣдующаго дня огромное шествіе («помпа») красивѣйшихъ юношей (верхами), мужей (съ жертвенными животными), старцевъ (съ оливковыми вѣтвями), дѣвъ (кошеносицъ) и женщинъ сопровождало на Акрополь избранныхъ четырехъ «аррефоръ» (дѣвочекъ отъ 7 до 11 лѣтъ), долженствовавшихъ передать богинѣ сотканный для

нея женщинами новый плащъ (peplos). Это и есть то шествіе, которое Фидій изобразилъ на фризѣ Парѳенона—представленіе Аѳинѣ цвѣта ея общины. Тамъ же на Акрополѣ ей приносилась гекатомба. На слѣдующій день состязаніе тріеръ въ Пиреѣ завершало весь праздникъ.

II. Метагитніонъ (августъ), какъ показываетъ имя, былъ мѣсяцемъ «добрососѣдства», но соотвѣтственный праздникъ намъ неизвѣстенъ. Знаемъ мы кое-что о праздникѣ Геракла, патрона рабовъ и незаконныхъ сыновей, въ предмѣстьѣ Киносаргѣ подъ Ликабеттомъ, на которомъ угощались тѣ и другіе и 60 балагуровъ тѣшили народъ шутливыми разсказами (выше стр. 116).

III. Боэдроміонъ (сентябрь), названный такъ въ честь Аполлона-Боэдромія (т.-е. «заступника въ бою»), былъ естественно мѣсяцемъ памяти великихъ историческихъ побѣдъ—платейской (3 ч.), мараѳонской (6 ч.; это и были Боэдроміи) и саламинской (20 ч.); но его главнымъ праздникомъ были (15—22 ч.) Великія Мистеріи Деметры въ Элевсинѣ, естественно развившіяся изъ праздника пахотьбы («Проэросіи»). О немъ см. выше стр. 125.

IV. Піанопсіонъ (октябрь), тоже посвященный Аполлону, получилъ свое имя отъ праздника (6 ч.) Піанопсій («бобовой каши»), имѣвшаго характеръ завершенія лѣтнихъ работъ въ области и земледѣлія и мореходства, и особенно винодѣлія. Обрядность его была поэтому довольно сложная. «Обоюдоцвѣтущій» мальчикъ (выше стр. 72) приносилъ т. наз. иресіону, обвитую шерстью масличную вѣтку, увѣшанную образчиками всѣхъ даровъ земли, при чемъ исполнялась подобающая пѣсня: эту иресіону прикрѣпляли, какъ благословеніе земли, къ стѣнѣ дома, гдѣ она (подобно нашей вербѣ) висѣла до слѣдующихъ Піанопсій. Въ тотъ же день посвящали Аполлону названную бобовую кашу, вспоминая, что такъ поступилъ уже Ѳесей, когда онъ отвезъ домой спасенную изъ лабиринта двойную седмицу отроковъ и дѣвъ—это было концомъ торжества. Наконецъ, съ Піанопсіями совпадали и Осхофоріи—«несеніе гроздьевъ» винограда изъ аѳинскаго Діонисія въ фалерскій храмъ Аѳины («Діонисъ даритъ Аѳинѣ виноградъ») съ состязаніемъ несущихъ отроковъ, которые награждались угощеніемъ и сказками старушекъ-разсказчицъ. — Къ Піанопсіямъ естественно примыкали четырехдневныя Ѳесеи, учрежденныя въ 468 г. Кимономъ въ честь аѳинскаго героя-основателя, съ многочисленными агонами и жертвоприношеніями. Затѣмъ вспоминали и о павшихъ за отечество воинахъ на Эпитафіяхъ (неизвѣстнаго

числа) ихъ прославляли и пѣснями и хвалебной рѣчью изъ устъ заслуженнѣйшаго гражданина—при такой обстановкѣ и Периклъ произнесъ свою знаменитую надгробную рѣчь (у Ѳукидида кп. II). Время около полнолунія занимали два важныхъ праздника семейной жизни—пережитокъ той древней, наивной эпохи, когда Гамеліонъ (январь) былъ всеобщимъ мѣсяцемъ свадебъ и первый человѣческій урожай естественно поспѣвалъ къ Піапопсіону. До полнолунія (10—14) обходился женскій праздникъ Ѳесмофорій въ честь Деметры-Ѳесмофоры, т.-е. «закононосицы», богини осѣдлой и семейной жизни. Память объ ея скорби о похищенной Корѣ обходилась симпатическимъ постомъ, послѣ чего слѣдовалъ веселый день Каллигеніи («прекраснорожденія»): молодыя матери показывали другъ другу и остальнымъ своихъ малютокъ, и за самаго прекраснаго полагалась награда.—За полнолуніемъ шелъ мужской праздникъ Апатурій («соотцовства»): отцы приглашали своихъ «фраторовъ» (выше стр. 30) и показывали имъ своихъ новорожденныхъ для внесенія въ гражданскіе списки, что сопровождалось угощеніемъ и пѣснями — м. пр. и рапсодическими состязаніями мальчиковъ-школьниковъ. — Новолунію предшествовалъ праздникъ съ пѣснями и факельнымъ бѣгомъ въ честь Гефеста, даръ котораго — огонь — былъ особенно нуженъ въ наступающее холодное время.

V. Мемактеріонъ (ноябрь), мѣсяцъ «сотрясающаго» Зевса, былъ лишенъ всенародныхъ праздниковъ. Время стояло ненастное; не до праздничныхъ собраній было, когда Зевсъ «сотрясалъ» землю своими дождями.

VI. Посидеонъ (декабрь), мѣсяцъ зимняго затишія и «алкіониныхъ дней» въ царствѣ Посидона. Изъ погребовъ добывался, послѣ перваго броженія, винный морсъ; обходились Сельскія Діонисіи со всевозможными народными увеселеніями, причемъ дѣвушки устраивали качели въ честь Эригоны. Въ томъ же мѣсяцѣ женщины хороводами и пѣснями обходили Галои («праздникъ тока») въ память преполовенія плѣна Коры у Плутона.

VII. Гамеліонъ (январь), первоначальный «мѣсяцъ свадебъ» — вслѣдствіе чего и праздникъ Ѳеогаміи, т.-е. свадьбы Зевса и Геры, обходился теперь. Но главнымъ праздникомъ были Ленеи, первоначально «праздникъ точила», въ историческое время праздникъ въ память вознесенія Діонисомъ его матери Семелы, обходимый м. пр. драматическими агонами.

VIII. Анөестеріонъ (февраль), названный такъ по имени своего главнаго праздника (11—13 ч.) Анөестерій—праздника «цвѣтовъ», душъ и Діониса, владыки тѣхъ и другихъ. Въ первый день (Pithoigia, «вскрытіе чановъ») добывалось новое вино, которымъ хозяинъ угощалъ свою челядь. Всѣ храмы закрывались въ избѣжаніе скверны отъ бродящихъ душъ. Вечеромъ почтенныя женщины сопровождали царицу (т.-е. жену архонта-царя) въ т. наз. буколій, гдѣ предполагалась ея мистическая свадьба съ Діонисомъ (ср. миөъ объ Аріаднѣ). Слѣдующій день былъ «праздникомъ кружекъ» (Choes): въ веселомъ шествіи при участіи ряженыхъ царицу сопровождали обратно домой, всѣ украшались цвѣтами, и происходило «состязаніе кружекъ»: кто первый выпивалъ свою, получалъ въ награду винный мѣхъ. Третій и послѣдній день (Chytroi, «праздникъ горшковъ») былъ посвященъ спеціально душамъ: ихъ угощали (въ горшкахъ), тѣшили плясками, а къ вечеру прогоняли обратно подъ землю при крикахъ:

Ступайте, души! Анөестеріямъ конецъ.

Послѣ полнолунія (19—21 ч.) праздновались Малыя Мистеріи въ память о возвращеніи Коры изъ царства тѣней. Тогда именно происходило посвященіе новыхъ мистовъ, обыкновенно въ отроческомъ возрастѣ. Посвящаемый надѣвалъ новый хитонъ, который потомъ берегъ, чтобы современемъ скроить изъ него пеленки для своихъ дѣтей. Къ Малымъ Мистеріямъ примыкали Діасіи, старинный праздникъ Зевса въ память о Девкаліоновомъ потопѣ, съ ярмаркой игрушекъ для дѣтей.

IX. Элафеболіонъ (мартъ) былъ посвященъ весенней богинѣ Артемидѣ - охотницѣ (собственно «поражающей ланей»), но его главнымъ праздникомъ были учрежденныя Писистратомъ Великія Діонисіи, занимавшія всѣ дни отъ первой четверти до полнолунія. Кумиръ Діониса переносился изъ его аөинскаго храма въ рощу Академа, тамъ чествовался весь день пѣснями мальчиковъ и затѣмъ ночью при свѣтѣ факеловъ въ веселомъ шествіи возвращался въ Аөины, въ театръ. Здѣсь происходили поэтическія состязанія слѣдующихъ дней: сначала диөирамбическія, затѣмъ комическія, затѣмъ, главнымъ образомъ, трагическія. Жертвоприношеніемъ всѣмъ богамъ въ полнолуніе кончались Діонисіи.

X. Мунихіонъ (апрѣль) былъ посвященъ той же Артемидѣ, этотъ разъ какъ мунихійской по имени той приморской горы надъ Пиреемъ, гдѣ находился ея главный храмъ. Все же праздникъ

первой четверти (6 ч.) принадлежалъ Аполлону: это были Дельфиніи, открывавшія собой мореходную пору, съ памятью объ отправленіи Өесея съ обѣими седмицами на Критъ. Главной богинѣ мѣсяца посвящался праздникъ полнолунія Мунихіи, причемъ ей подносились лепешки, обставленныя восковыми свѣчками. Къ той же порѣ, послѣ синэкизма Аөинъ съ Браврономъ (выше стр. 86), былъ пріуроченъ и главный праздникъ этой послѣдней общины, Бравроніи въ честь той же Артемиды. По смыслу они были родственны Өесмофоріямъ; ихъ особенностью была предсвадебная служба дѣвушекъ-кошеносицъ, которыя въ уподобленіе своей богинѣ называли себя «медвѣдицами» (arktoi, выше стр. 55).

XI. Өаргеліонъ (май) опять былъ посвященъ Аполлону, которому 7-го числа, въ день его рожденія, приносились первые дары земли, начатки урожая. Это и были «өаргеліи», давшія имя самому празднику. Но кромѣ этого безобиднаго обряда, соединеннаго съ помпой и хороводами мальчиковъ, праздникъ Өаргелій былъ ознаменованъ однимъ мрачнымъ пережиткомъ изъ азіатской эпохи религіи Аполлона. Тамъ въ Азіи существовало мнѣніе: «лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели чтобы весь народъ погибъ» (Іоан. XI, 50) и, поэтому, обычай—передъ жаркой лѣтней порой, когда богъ свѣта становился грознымъ мучителемъ, карающимъ людей и солнечными ударами и повѣтріями—отвращать его гнѣвъ отъ народа принесеніемъ ему въ жертву человѣка. Греческія общины различнымъ образомъ справились съ этимъ азіатскимъ пережиткомъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ до Өаргелій откладывалась казнь осужденныхъ преступниковъ; въ другихъ—и, повидимому, въ Аөинахъ—человѣкъ замѣнялся куклой, которая торжественно сжигалась на кострѣ изъ бревенъ дикой смоковницы (соотвѣтствовавшей нашей осинѣ). Вообще Өаргеліонъ былъ мѣсяцемъ очищенія, которое простиралось и на богиню общины: ея храмъ чистился (Каллинтеріи, 19 ч.), ея кумиръ—старый, деревянный—раздѣвался и омывался женщинами въ морѣ (Плинтеріи). Всѣ эти дни считались несчастными.

XII. Скирофоріонъ (іюнь) и самъ по себѣ, и въ своихъ немногочисленныхъ праздникахъ для насъ загадоченъ; оставляемъ его въ сторонѣ.

Окидывая взоромъ аөинскіе праздники — изъ которыхъ поименованы только главные—мы первымъ дѣломъ должны установить, что они менѣе всего были «праздниками» въ этимоло-

гическомъ смыслѣ этого слова: при положительномъ характерѣ его нравственности (выше стр. 40) греку показалась бы совершенно непонятной мысль, будто можно чествовать бога бездѣльемъ. Его праздники были службой богу, долженствующей доставлять ему радость; а такъ какъ предполагалось, что все, радующее человѣка, радуетъ и бога, то греческіе праздники были настоящимъ средоточіемъ радости. Какъ видно изъ перечисленныхъ обрядовъ—хотя частности пришлось поневолѣ пропустить—умъ аѳинянъ былъ поразительно изобрѣтателенъ въ этомъ проявленіи радости; не даромъ Периклъ говоритъ въ своей надгробной рѣчи: «И мы въ большей мѣрѣ, чѣмъ какой бы то ни было другой народъ, доставляетъ нашему духу облегченіе отъ насущныхъ трудовъ, учредивъ тянущіяся черезъ весь годъ жертвоприношенія и состязанія... красота которыхъ не даетъ возникнуть чувству грусти».

И вездѣ, гдѣ только можно было, проникаетъ духъ агонистики: все полно состязанія, отъ самаго низменнаго и шутливаго, состязанія въ скорости выпиванія кружки, до самаго серьезнаго и возвышеннаго, состязанія въ красотѣ созданныхъ поэмъ и рожденныхъ дѣтей. Неудивительно, что для аѳинянъ въ ихъ праздникахъ заключался смыслъ и оправданіе жизни; кто это уразумѣлъ, тотъ снисходительнѣе отнесется даже къ тому разслабляющему закону, противъ котораго выступилъ Демосѳенъ (выше стр. 151)—о передачѣ въ праздничную кассу («ѳеориконъ») излишка доходовъ. Тѣмъ болѣе снисходительно, что этой вереницѣ праздниковъ, какъ проявленію одухотворенной радости, уже не суждено было повториться въ исторіи человѣчества.

§ 16. **Религіозная философія.** Общій уровень тогдашней религіозности выраженъ у Платона въ слѣдующихъ словахъ почтеннаго старца Кефала, которыми онъ отвѣчаетъ на вопросъ, въ чемъ онъ усматриваетъ главную цѣнность для себя своего богатства: «Когда къ человѣку приближается смерть, онъ испытываетъ страхъ и заботу, которыхъ раньше не зналъ. Разсказы объ обители Аида — что провинившіеся з д ѣ с ь терпятъ наказаніе т а м ъ — раньше возбуждавшіе его насмѣшки, теперь волнуютъ его душу: а что, если они истинны?.. И вотъ тогда насъ утѣшаетъ сознаніе, что мы никогда никого сознательно не обманули и не оболгали, что мы уходимъ отсюда, не будучи должниками ни боговъ, ни людей. А этому немало содѣйствуетъ наличность достатка». (Госуд. I pag. 330 D.). Отсюда видно, что ни цѣнность

«вдовьяго гроша», ни увѣренность въ загробномъ возмездіи, ни исцѣляющая сила раскаянія не вошли еще въ религіозное сознаніе большинства эллиновъ.

Платонъ, конечно, этому обычному, хотя и не низменному воззрѣнію на боговъ и участь души противополагаетъ свое, философское. Правда, надъ очищеніемъ народныхъ представленій о богахъ работали и его предшественники, начиная уже съ Ксенофана, который отказался даже отъ антропоморфическаго представленія о божествѣ; и если мы затрудняемся назвать Ксенофана монотеистомъ, то потому только, что въ его трансцендентномъ мірѣ число вообще значенія не имѣетъ. То же самое относится и къ Платону. Заимствовавъ у элеатовъ ученіе о двоеміріи, онъ именно мыслимый и сущій міръ представилъ обителью бога или боговъ. Тамъ же живутъ и идеи — и Платонъ бываетъ склоненъ прямо отождествить божество съ высшей идеей, съ идеей добра. Во всякомъ случаѣ богъ— существо благое и только благое; кощунствуютъ тѣ, кто—подобно Гомеру—называютъ бога причиной также и зла (вопросъ о происхожденіи зла оставленъ въ видѣ проблемы будущимъ мыслителямъ). И вотъ этотъ всеблагой богъ, «желая, чтобы по возможности все было хорошимъ и ничто дурнымъ, принявъ весь видимый міръ не въ состояніи покоя, а движущимся безъ правила и смысла, ввелъ его въ порядокъ изъ безпорядка, считая первый лучше второго» (Тимей pag. 30 A.). Этимъ онъ сталъ «деміургомъ» мірозданія, которымъ онъ и понынѣ управляетъ въ силу своего божественнаго «промысла» (pronoia).

Ученіе Платона о душѣ развито выше (стр. 166); въ религію онъ его возвелъ, сочетавъ его съ орфическимъ догматомъ о «кругѣ рожденій» (выше стр. 128). При этомъ та великая суть, возсоединенія съ которой жаждетъ всякая хорошо направленная душа, естественно совпала съ сущимъ міромъ боговъ и идей; отрѣшившись, однако, отъ діонисическихъ символовъ орфизма, Платонъ установилъ, что наша душа въ прабытіи уже общалась съ идеями въ томъ сущемъ мірѣ, но что она не удержалась въ немъ вслѣдствіи чувственной примѣси своего естества, низвергшей ее въ чувственный и видимый міръ (грѣхопаденіе души), и что изъ-за этого ей опредѣлено на много столѣтій поочередное пребываніе на землѣ и подъ землей вплоть до окончательнаго очищенія и вознесенія. Смутное воспоминаніе объ идеяхъ, которыя мы созерцали въ прабытіи, даетъ намъ возможность признать ихъ отраженіе и въ окружающемъ насъ видимомъ мірѣ; болѣе всего это относится къ той

идеѣ, которая, будучи воспринимаема зрѣніемъ, легче всего признается въ видимости—къ идеѣ красоты. Вотъ почему именно созерцаніе красоты окрыляетъ душу и внушаетъ ей ту тоску по своей небесной родинѣ, которую мы называемъ любовью (erôs).

Итакъ, любовью спасется человѣкъ—таковъ основной догматъ религіозной философіи Платона. Правда, эта «платоническая любовь»—еще не христіанская. Платонъ былъ эллинскимъ мыслителемъ и не могъ заглушить въ себѣ того, что было основой религіознаго чувства эллина—откровенія бога въ красотѣ. Но все же христіанство признало со временемъ свое родство съ платонизмомъ, и послѣдній сталъ въ немъ родникомъ того «мистическаго» теченія, которому оно обязано многими прекрасными страницами въ исторіи своего развитія.

Иначе подошелъ къ религіозной проблемѣ Аристотель: какъ мыслитель трезвый и холодный, онъ не допускалъ никакого вліянія народной вѣры—орфической или какой нибудь иной—на свою философскую спекуляцію. Двоемірія онъ, какъ мы знаемъ, не признавалъ; а если такъ, то и божество, коль скоро оно есть, должно принадлежать къ нашему, къ матеріальному міру. Но есть ли оно? Аристотель исходитъ изъ проблемы движенія. Все движимое предполагаетъ движущее; итакъ, первопричина движенія будетъ нѣчто движущее, но не движимое; это и есть божество. Первопричина, но не первоначало: ибо движеніе предвѣчно. Не движимое, но не недвижное: ибо недвижное не можетъ быть причиной движенія (выше стр. 96). Наоборотъ: нѣчто самодвижущееся въ самомъ совершенномъ смыслѣ; божество есть энергія. Вмѣщая въ себѣ всѣ виды движенія, оно вмѣщаетъ также и тѣ, которыя въ человѣческой душѣ создаютъ мысль и волю: божество есть разумъ. Какъ разумная энергичная субстанція, оно заключаетъ въ своемъ лонѣ мірозданіе, отовсюду съ нимъ сопрокасаясь и приводя его этимъ равномѣрнымъ соприкосновеніемъ въ равномѣрное движеніе; итакъ, божество есть небо, вѣрнѣе наднебесье. Но что же мыслитъ и волитъ эта высшая мысль и воля, заключенная въ божественномъ разумѣ? Тутъ опять сказался эллинъ: она мыслитъ и волитъ красоту, осуществляя ее этимъ въ движимомъ ею мірѣ. Въ этомъ вѣчномъ мышленіи и воленіи красоты божество и вкушаетъ вѣчное и совершенное блаженство.

Въ этической области идея красоты претворяется въ идею добра, ибо добро есть не что иное, какъ этически прекрасное. Итакъ, энергія божества есть осуществленіе добра. Но если

такъ, то откуда же зло? Зло есть несовершенство; несовершенство же происходитъ отъ того, что зиждительная энергія божества встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны того, въ чемъ она стремится осуществить и красоту и добро—со стороны матеріи (hylê).

Ту субстанцію отдѣльнаго организма, въ которой сосредоточиваются его формирующія и совершенствующія силы, мы называемъ его душей. Объ аристотелевской душѣ уже была рѣчь выше (стр. 171); къ религіозной проблемѣ относится только человѣческая душа въ составѣ всѣхъ ея способностей—и растительной, общей ей со всѣми живыми организмами, и чувствовательной, сближающей ее съ животнымъ міромъ, и мыслительной, свойственной ей только одной. Эта послѣдняя — или разумъ (nûs)— исходитъ непосредственно отъ божества, какъ высшаго разума, и съ нимъ же впослѣдствіи возсоединяется. Итакъ, безсмертна ли наша душа? Аристотель выражается объ этомъ очень осторожно, какъ бы чувствуя, что здѣсь съ областью религіозной философіи соприкасается область чистой вѣры. Наши растительныя и чувствовательныя способности погибаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ; та божественная искорка, которая зовется нашимъ разумомъ, вознесется и будетъ вѣчно горѣть въ великомъ наднебесномъ пламени, именуемомъ божествомъ. Есть ли это безсмертіе? Называйте, какъ хотите.

Такъ училъ Аристотель въ тѣнистой рощѣ Ликея. А тамъ, на Акрополѣ, по прежнему пылало золотое копье въ рукахъ Аѳины-Воительницы, собирая весь аѳинскій народъ въ жаркіе дни Гекатомбеона на ея радостный панаѳинейскій праздникъ.

Книжный Б Магазин
Т-ва П. БАРАБАНОВА